

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 89 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

TÕID FILOSOOFIA ALALT III

V. I. Lenini 90. sünni-aastapäevaks

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина

TARTU 1960

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Alustatud 1893. a.

VIHİK 89 ВЫПУСК

Основаны в 1893 г.

TÖID FILOSOFIA ALALT III

V I. Lenini 90. sünni-aastapäevaks

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина

TARTU 1960

Redaktsioonikolleegium:

P. Kard, T. Loit, O. Stein (vast. toimetaja), L. Stoloritš
E. Uuspõld ja A. Pravdin (sekretärid)

Редакционная коллегия:

П. Кард, Т. Лойт, О. Штейн (ответств. редактор), Л. Столович
Э. Ууспõльд и А. Правдин (секретари)

Käesolev kogumik sisaldab Tartu Riikliku Ülikooli õppejõudude töid, mis on pühendatud V. I. Lenini filosoofilise pärandi läbitöötamisele, peamiselt V. I. Lenini geniaalse teose «Materialism ja empiriokrititsism» tähtsusele tänapäeva erinevate teadusalade filosoofilisel lahtimõtestamisel võitluses reaktsiooniliste idealistlike ja metafüüsiliste vaadetega.

В настоящий сборник включены работы преподавателей Тартуского государственного университета, посвященные разработке вопросов философского наследия В. И. Ленина и, главным образом, значению гениального труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для философского осмысления различных отраслей современной науки в борьбе с реакционными идеалистическими и метафизическими воззрениями.

V. I. LENINI TEOS «MATERIALISM JA EMPIRIOKRITITSISM» JA SELLE TÄHTSUS VÕITLUSES EESTI KODANLUSE REAKTSIOONILISE FILOSOOFIA VASTU*

Prof. O. Stein

Dialektilise ja ajaloolise materialismi kateeder

50 aastat tagasi, 1909. aasta mais ilmus trükist V. I. Lenini geniaalne teos «Materialism ja empiriokrititsism». V. I. Lenini teos ilmus süngel reaktsooniaastail pärast esimese Vene revolutsiooni lüüasaamist. Reaktiooni ühendatud jõud Venemaal teostasid ohjeldamatut survepoliitikat. Eestis, samuti nagu Venemaa teisteski piirkondades, kestis sõjaväelis-politseiline terror. Reaktiooni jõudude hoobid olid suunatud eelkõige bolševike partei organisatsioonide vastu. Provokaatorite abil avastasid sandarmid VSDTP organisatsioone ja nende trükikodasid.

Aastail 1907—1908 arreteeriti peaaegu kõik VSDTP Tallinna Komitee liikmed. 1910. aastal toimus Tallinnas ametiühingute massiline rüüstamine.

Halastamatult maha surudes tööliste ja talupoegade revolutsioonilist liikumist, ei piirdunud tsaarivalitsus ainult repressioonidega — karistussalkade metsiku tegevusega, mahalaskmistega, vanglatesse ja sunnitööle saatmisega.

Rööbiti poliitilise reaktiooniga toimus kontrrevolutsiooni pealetung ka ideoloogilisel rindel. Revolutsiooni vaenlased püüdsid töölisliikumist desarmeerida mitte ainult organisatsiooniliselt, vaid ka ideeliselt. Nad püüdsid hävitada proletariaadi revolutsioonilist teooriat — marksismi. Reaktioonilise kodanliku ideoloogia pealetung avaldus ühiskondliku teadvuse kõikides sfäärides — teaduses, filosoofias, kirjanduses, maalikunstis, muusikas jne. Kodanluse ideoloogid «kritiseerisid» ja «kummutasid» marksismi, teotasid revolutsiooni, irvitasid tema üle. Nad kasutasid idealismi uut varjundit mahhismi (empiriokrititsismi) selleks, et

* Käesolev töö ei pretendeeri ammendava ülevaate andmisele eesti kodanluse filosoofilisest ja sotsioloogilisest mõttest, vaid seab eesmärgiks käsitleda V. I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» valguses mõningaid kodanlikule Eestile iseloomulikke filosoofilisi ja sotsioloogilisi suundi.

sisse poetada teadusesse religiooni ja idealismi ning õõnestada töölisklassi usku kapitalismi paratamatusse hukkumisse. Marksistide-leninlaste ette kerkis pakiline ülesanne igakülgselt paljastada idealismi uusimate varjundite reaktsiooniline olemus. Eriti teravalt tuli päevakorda mahhismi purustamise ülesanne Venemaal sellepärast, et filosoofilised revisionistid Bogdanov, Lunatšarski, Juškevitš, Valentinov ja teised püüdsid õõnestada marksistlik-leninliku partei teoreetilisi aluseid — dialektilist ja ajaloolist materialismi. Filosoofiline revisionism Venemaal oli ühenduses rahvusvahelise revisionismiga.

V I. Lenin oma teoses «Materialism ja empiriokrititsism» paljastas igakülgselt vene mahhistide ja nende välismaiste õpetajate antimarksistlikke seisukohti. V I. Lenin andis purustava hoobi mitte ainult mahhismile, vaid ka uuskantiaanlusele, pragmatismile ja filosoofilise idealismi teistele varjunditele.

V I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» tähtsus ei piirdu mitte ainult mahhistide ja teiste kodanlike idealistlike filosoofiliste ja sotsioloogiliste suundade paljastamisega ning uut tüüpi marksistliku partei teoreetiliste aluste kaitsmisega. Võitluses kodanliku filosoofia ja revisionismi vastu, toetudes ühiskondliku arengu praktikale, üldistas V I. Lenin teoreetiliselt kõik selle tähtsa ja olulise, mille teadus ja eelkõige loodusteadus, eriti aga füüsika, oli saavutanud XIX sajandi lõpul ja XX sajandi algul. V I. Lenin paljastas loodusteaduste avastuste idealistlik-mahhistliku võltsingu ja arendas edasi teaduse uute saavutuste alusel kõiki dialektilise ja ajaloolise materialismi põhiküsimusi.

V I. Lenini raamat «Materialism ja empiriokrititsism» on loova materialismi hiilgavaks näidiseks. Selles teoses tõstis V I. Lenin marksistliku filosoofia — dialektilise ja ajaloolise materialismi — uuele ajaloolisele astmele. V I. Lenini teos oli uueks, leninlikuks etapiks dialektilise materialismi arengus.

Pool sajandit on möödunud V I. Lenini raamatu «Materialism ja empiriokrititsism» ilmunisest. Selle aja jooksul on toimunud grandioossed ajaloolised sündmused, mis on muutnud põhjalikult ühiskonna palet. On loodud maailmas esimene sotsialistlik riik — NSV Liit. Meie maal on sotsialism võitnud mitte ainult täielikult, vaid ka lõplikult. Sotsialismi teele on nüüd juba astunud ja ehitab uut elu rohkem kui kolmandik maailma elanikkonnast, pea-aegu miljard inimest. On tekkinud sotsialistlik maailmasüsteem, mis kasvab ja areneb hoogsalt. Teaduses on olnud hiiglaslikke edusamme, on tehtud palju suuri avastusi.

Need viiskümmend aastat, mis on möödunud V I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» ilmunisest, ei ole muutnud V I. Lenini raamatut lihtsaks filosoofia ajaloo valdkonda kuuluvaks dokumendiks, vaid ümberpöörduks — V I. Lenini raamat on hiilgavalt välja tulnud kõigist aja katsumustest. Need on täielikult kinnitanud marksistlik-leninliku filosoofia teaduslike printsiipide õigsust, mida V I. Lenin oma geniaalses teoses kaitses

ja loovalt edasi arendas. V. I. Lenini teose tähtsus ja aktuaalsus on tänapäeval veelgi suurenenud. See teos on kaasaegses olukorras töölisklassi ja tema partei käes võimsaks relvaks võitluses kodanliku reaksioonilise ideoloogia, idealismi ja agnostitsismi, kaasaegsete revisionistide sofistlike võtete, obskurantismi ja usulise müstika vastu. V. I. Lenini raamat on võitleva materialismi, filosoofia bolševistliku parteilisuse eeskujuks, näidiseks parteilisest leppimatust võitlusest dialektilise ja ajaloolise materialismi vaenlaste vastu.

V. I. Lenini raamatul «Materialism ja empiriokrititsism» on suur tähtsus ka eesti kodanluse reaksioonilise ideoloogia paljastamisel. Käesolevas töös iseloomustatakse eesti kodanluse reaksioonilise ideoloogia kaht lõiku: mõningaid levinenumaid kodanliku filosoofia uusimaid varjundeid ja eesti kodanluse reaksioonilist rahvusfilosoofiat.

Püüan näidata, missugust tähtsust omab V. I. Lenini geniaalne teos «Materialism ja empiriokrititsism» eesti kodanluse reaksioonilise ideoloogia paljastamisel.

1. V. I. Lenini raamatu «Materialism ja empiriokrititsism» tähtsus võitluses eesti kodanluse reaksioonilise filosoofia vastu

Kaasaegses kodanlikus filosoofias on suurel arvul äärmiselt mitmekesiseid filosoofilisi koolkondi ning suundi. Kõik need suunad ja koolkonnad kuuluvad oma põhiolemuselt idealismi leeri.

XX sajandi idealism erineb, möödunud sajandite idealismist oma seesmise ebajärjekindluse, eklektilise iseloomu poolest, nii et mõnikord kaovad ära piirjooned objektiivse ja subjektiivse idealismi vahel. Kaasaegne idealism on maskeeritud idealism. Peaaegu kõikidele tänapäeva idealismi varjunditele on omane pretensioon niinimetatud «kolmandale joonele» filosoofias, püüe tõusta kõrgemale kahest võitlevast suunast — materialismist ja idealismist. Tänapäeva idealism on sureva klassi filosoofia, mis on vaenulik tõelisele maailma teaduslikule tunnetusele. XX sajandi idealismi iseärasuseks on antidialektiline iseloom, metafüüsika, sofistika, relativism, agnostitsism, objektiivse tõe eitamine, teaduse objektiivsete seaduste eitamine, püüe kustutada piirid tõelise ja ebatõelise, teaduse ja religiooni vahel. Kodanlike filosoofide arvates ei pea filosoofia pretendeerima teaduste metodoloogiale, ta peab tegelema ülemeelise, transsendentse valdkonnaga, mõtte sfääriga või ainult lingvistiliste küsimustega — keele struktuuriga, aga mitte nähtuste objektiivsete seaduspärasuste päevavalgele toomisega. Kaasaegse kodanliku filosoofia üldiseks jooneks on sõja apoloogia, masside psühholoogiline ettevalmistamine sõjaks, kapitalismi kiitmine ja kaitsmine, võitlus dialektilise materialismi vastu.

Mis puutub eesti kodanluse filosoofilistesse vaadetesse, siis

tuleb silmas pidada, et tema lääneorientatsioon, kummardamine Lääne-Euroopa kodanliku kultuuri ees ning vaenulik suhtumine maailma kõige progressiivsemasse, kõige eesrindlikumasse kultuuri, nõukogude kultuuri, väljendus ka lõimitamises reaktsoonilise Lääne-Euroopa ja Ameerika kodanliku filosoofia ja sotsioloogia ees ning vaenulikus suhtumises marksistlikku filosoofiasse — dialektilisesse ja ajaloolisesse materialismi. Kodanlikus Eestis õpetati filosoofiat Tartu ülikoolis. Humanitaar- ja klassikaliste gümnaasiumide õppeprogrammidesse oli võetud sissejuhatav kursus filosoofiasse. On endastmõistetav, et Tartu ülikoolis ja kesk-koolides õpetati idealistlikku filosoofiat. Kui filosoofilisest materialismist vahel juttu tehtigi, siis kõneldi temast üleolevalt ja halvustavalt. Marksistlikust filosoofiast läksid kodanlikud filosoofid kas üldse vaikides mööda või korraldasid raevukaid rünnakuid tema vastu.

Kodanlik Eesti ei olnud mitte ainult Lääne-Euroopa imperialistide poolasumaa, vaid peale selle ka niinimetatud «puhverriik», imperialismi üks eelposte võitluses Nõukogude Liidu vastu. Eestisse imporditi selliseid reaktsoonilisi filosoofilisi vaateid, mis pidid olema ideoloogiliseks tööriistaks võitluses marksistlik-leninliku ideoloogia vastu. Lääne-Euroopa kodanlik filosoofia levis Eestis laialdaselt tõlkekirjanduse kaudu. Näiteks 1936.—1938. a. ilmus Eesti Kirjanduse Seltsi väljaandel «Elava teaduse» populaarteaduslikus sarjas neljaköiteline Ameerika kodanliku filosoofi Will Durant'i «Lood filosoofia ajaloo», mida võib pidada esimeseks kapitaalseks eestikeelseks filosoofia ajalooks. Durant'i «Lood filosoofia ajaloo» eestikeelse väljaande vastutavaks toimetajaks oli D. Palgi, toimetuse liikmeteks J. Köpp, J. Uluots, P. Tarvel jt. Durant'i filosoofia ajalugu on kirjutatud positivismi seisukohalt, millele autor ise sissejuhatuses vihjab. «Niipea kui uurimisala,» kirjutab Durant, «kannab täpselt formuleeritavaid teadmisi, teda nimetatakse teaduseks. Iga teadus algab filosoofiana ja lõpeb oskusega; ta tõuseb hüpoteesist ja läheb üle praktiliseks saavutuseks. Filosoofia on kas tundmatu või mitte täpselt tuntu hüpoteetiline tõlgendus (nagu esimesel juhul metafüüsika, teisel eetika, või riigi filosoofia).»¹

Sellest vihjest on näha, et filosoofiat vastandatakse teadusele, mis on positivismi üheks iseloomustavaks jooneks.

Will Durant'i teosele «Lood filosoofia ajaloo» on iseloomulik kaasaegse teadusliku materialismi, s. o. dialektilise materialismi surnuksvaikimine. Selles töös ei ole pühendatud marksistlikule filosoofiale ainsatki lehekülge. Seevastu XIX ja XX saj. kodanlikule reaktsoonilisele filosoofiale on antud ruumi terve köite (neljas köide) ulatuses, milles reklameeritakse selliseid reaktsoonilisi filosoofe, nagu A. Schopenhauer, F. Nietzsche, H. Bergson, B. Croce, G. Santayana, W. James, J. Dewey jne. Nen-

¹ W. Durant, Lood filosoofia ajaloo, I kd. Tartu 1936, lk. 6—7.

dele filosoofidele on pühendatud igaühele eri peatükk.

Kodanliku Eesti akadeemilistes ringkondades oli levinud Kanti filosoofia uusimate reaktsiooniliste moonutustega. Laialdaselt propageeriti ka Nietzsche teoseid «Nõnda kõneles Zarathustra» ja «Vastkristlane». Nietzschele oli pühendatud kolm monograafiat: Kuksi «Nietzsche eetika põhjendus», Tallmeistri «Fr. Nietzsche ja ristiusk», Toomuse «Fr. Nietzsche». Eesti kodanlikes ringkondades lõi laineid ka O. Spengleri peateos «Õhtumaa langus». Eestisse imporditud reaktsioonilised filosoofilised teosed aitasid eesti kodanlusel mürgitada rahva laialdaste hulkade, eriti aga noorsoo ja intelligentsi teadvust.

Sel ajal kui V. I. Lenin avaldas oma raamatu «Materialism ja empiriokrititsism», kujunesid dekadentliku kirjanduse peamiseks viljelejateks Eestis kirjanikud, kes moodustasid kirjandusliku rühmituse «Noor-Eesti». «Noor-Eesti» albumid III (1909), IV (1912), V (1915) ja ajakirjad «Vaba Sõna» (1914–1916), «Noor-Eesti» (1909–1911), aga samuti Eesti Üliõpilaste Seltsi albumid (eriti IX) propageerisid individualismi, pessimismi ja müstikat, ründasid marksistlikku filosoofiat, levitasid mahhismi, sisendasid eesti rahva teadvusse natsionalistlikku, rassistlikku ideoloogiat.

Eesti kodanluse ideoloogid, kes olid koondunud «Noor-Eesti» rühmituse ümber, valisid oma filosoofiliseks kreedoks, ususümboliks mahhismi. Seda kinnitab kas või seegi asjaolu, et reaktsioonistaail ei avaldatud kodanlikes ajakirjades ja kogumikkudes ainsatki artiklit materialistliku filosoofia kaitseks, küll aga ilmus eesti kodanlike natsionalistide autoriteetses väljaandes, «Noor-Eesti» kirjandusliku rühmituse ajakirjas «Noor Eesti» 1910. a. vene mahhistilt P. Juškevitšilt eritellimuse teel saadud artikkel «Marksismuse filosoofiline käärimine»². Filosoofiline revisionist Juškevitš ründas selles artiklis raevukalt marksistlikku filosoofiat. Tema hoobid olid suunatud Lenini pihta. Juškevitš ründas eelkõige materialistliku filosoofia nurgakivi — materiaalse maailma olemasolu tunnustamist.

Juškevitš kirjutab, et «õpetus asjast iseeneses» sai filosoofilise õigeusu nurgakiviks. «See kivi sai komistamise kiviks marksistlike mõtte edaspidise edenemise teel, sai raskeks ja tõsiseks takistuseks, mis kõrvale pidi toimetama.»³

Edasi rõhutab Juškevitš, et «sügavalt juurdunud eelarvamisele «asjast iseenesest» oli kõige pealt tarvis ots teha»⁴.

Juškevitš on arvamisel, et materiaalse olemasolu tunnustamist «tuleb lugeda dogmaatiliseks mõtlemisviisiks, mis marksismuse kõige alamal astmel kinni hoiab ja kõik temas peituvad võimalused ära lümmatab»⁵.

² P. Juškevitš, Marksismuse käärimine. «Noor Eesti» 1910, nr.3.

³ Sealsamas, lk. 240.

⁴ Sealsamas.

⁵ Sealsamas, lk. 242.

Selja pööranud materialismile, mobiliseerib Juškevitš kogu oma filosoofilise eruditsiooni selleks, et «laulda hosiannat» mahhismile. «Machismus,» kirjutab Juškevitš, «on praegusel silmapilgul kriitika vaimuga kooskõlas, ta püüab teadusega käsikäes käia.»⁶

Meie teame väga hästi, kuidas mahhism on kooskõlas loodusteadusega. Mahhismi selle pretensiooni puhul — esitada end loodusteaduse filosoofiana — märkis V. I. Lenin tabavalt ja sarkastiliselt: «Loodusteadlase Machi filosoofia ja loodusteaduse vahekord on sama, nagu vahekord kristlase Juuda suudluse ja Kristuse vahel.»⁷

Juškevitš kõrvutab mahhiste materialistidega ning tuleb järeldusele, et «machistid . . . edustavad niipalju kui asi filosofilistesse probleemidesse puutub kriitilist teaduslikku elementi. materialistid aga — dogmaatiliselt, kiriklist; esimesed — dūnaamilist momenti, teised — staatiliselt. «Machismus» on pahemal juhtumil elav eksitus, materialismus paremal juhtumil — surnud tõde. Elav eksitus on aga ikkagi rohkem tõde kui surnud tõde»⁸.

Selliseid ditūrambe laulab Juškevitš mahhismile, püüdes maha teha filosoofilist materialismi.

Juškevitši arvates «spetsiifilist marksistlist filosoofiat olemas ei ole.» Et aga marksismil omaenda filosoofiat olemas ei ole, siis peab revisionist Juškevitš otstarbekaks marksistlikku filosoofiat «üleüldisteadusliselt aluselt välja minnes» üles ehitada.⁹

Toetudes mahhismile ja uuskantiaanlusele, püüab Juškevitš luua marksismile «filosoofilist alust». Selle suure ürituse ees sisendab ta endale julgust: «On marxismus aga jumala õpetus, s. t. veel täis energiat ja jõudu, siis ei ole mingisugune kontakt buršuasliste teooriatega temale hirmus; tema assimileerib neid eneses ega lase ennast mitte nende poolt assimileerida.»¹⁰

Missuguseid tagajärgi see assimileerimisprotsess andis, võime näha sellest, et Juškevitši usina töö tulemuseks oli empiriosümbolismi filosoofilise teooria loomine.

Sellele uuele «ismile» annab Juškevitš järgmise iseloomustuse: «See on «oleva» ilma ikka kindlam ühinemine «loodud ilmaga», «reaalse» ühinemine «konventsionaalsega», «tundmuslis-konkretilise» ühinemine «abstraktilis-sümbolilisega».¹¹

Juškevitš väidab: «Empiriosümbolismi vaatepunkt seab need antiteesid esimesesse ritta. Tema peale võiks sellepärast kui ajaloolise materialismuse sotsiaal-kosmilise läbilõikega filosoofilise transkriptsiooni peale vaadata.»¹²

⁶ P. Juškevitš, viidatud teos, lk. 242.

⁷ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., Tallinn 1952, lk. 323.

⁸ P. Juškevitš, viidatud teos, lk. 242.

⁹ Sealsamas, lk. 256.

¹⁰ Sealsamas.

¹¹ Sealsamas.

¹² Sealsamas, lk. 250.

V I. Lenini suureks teeneks oli see, et ta paljastas igakülgset idealismi kõige uuemate kujude, sealhulgas ka mahhismi tei-
sendi — empiriosümbolismi reaktsioonilise olemuse.

Kodanlikus Eestis oli üheks levinumaks filosoofiliseks voo-
luks pragmatism.

Pragmatism tekkis möödunud sajandi 70-ndail aastail USA konkreetsete ajalooliste tingimuste pinnal kodanliku reaktsioo-
nina materialismile ja töölisklassi revolutsioonilisele liikumisele. Pragmatismi põhilised printsiibid formuleeris Charles Peirce (1830—1918). Selle voolu väljapaistvateks esindajateks olid Wil-
liam James (1842—1910) Ferdinand Schiller (1869—1937) ja John Dewey (1859—1952, tänapäeval Sidney Hook).

Kodanlikus Eestis paistab pragmatistlikku filosoofiat käsitle-
vate teoste hulgas kõige rohkem silma Tartu ülikooli professori A. Koorti töö «Pragmatism — ameeriklaste maailmavaade», mis
ilmus ajakirja «Akadeemia» 1939. a. 3. ja 4. numbris.

A. Koort tunnistas hiljem oma tookordsete seisukohtade ekslik-
kust ja tuli üle marksismi positsioonidele. Mainitud kirjutuses
püüab A. Koort näidata, et ta suhtub täiesti erapooletult pragma-
tismisse, kuid see tal ei õnnestu, sest ta annab täiesti väära hin-
nangu pragmatismi olemusele. A. Koort suhtub pragmatismisse
suure sümpaatiaga. Talle meeldib, et William James on vaenulik
materialismile ja pooldab «spiritualismi hüpoteesi», s. t. idealismi.

«Materialism,» rõhutab A. Koort, «mis näeb universumis mõju-
mas ainult mehhaanilisi jõudusid, ei lase meid loota, et maailmas
võib tekkida midagi kestva head, vaimset rahuldavat. Seevastu
spiritualismi hüpotees kujuneb lootuse ja troosti õpetuseks, sest
universum on usaldatud intelligentse ja kõlbla jõu kätte.

Spiritualism kindlustab meile nende vaimsete huvide kestva
olemasolu, mis teevad elu elamisväärsaks ja annab meile usku,
et meie kannatused ja võitlused inimkonna parema tuleviku
pärast pole mitte asjatud.»¹³

Eriti kõrge hinnangu annab A. Koort John Dewey instrumenta-
lismile: «Tema filosoofias me ei kohta äärmuslikku naturalismi
(s. o. materialismi — O. S.). mis ignoreerib olemise ideaalseid
aluseid.»¹⁴

Edasi märgib A. Koort: «Kui mainida veel, et Dewey
oma filosoofiaga on saanud demokraatia ideoloogiks, siis peaks
olema arusaadav, kui teda peetakse kõige esinduslikumaks kujuk-
kaasaegses Ameerikas.»¹⁵ J. Dewey on tõepoolest üheks kõige
«esinduslikumaks kujuk-» kaasaegses Ameerikas, selles suhtes
on A. Koordil õigus.

¹³ A. Koort, Pragmatism — ameeriklaste maailmavaade. «Akadeemia»
1939, nr. 3, lk. 196.

¹⁴ A. Koort, Pragmatism — ameeriklaste maailmavaade. «Akadeemia»
1939, nr. 4, lk. 240.

¹⁵ Sealsamas.

A. Koort on sügavas vastuolus tõega, kui ta peab J. Dewey'd demokraatia ideoloogiks, sest tegelikult ei ole J. Dewey mitte Ameerika demokraatia, vaid Ameerika imperialismi ja koos sellega ka Ameerika parempoolsete sotsialistide, s. t. reaktsioonilise kodanluse ustavate teenrite juhtivaks filosoofiks. See J. Dewey kahepaikne osa näitab, et teravaid piirjooni imperialistliku ideoloogia ja parempoolsete sotsialistide ideoloogia vahel ei ole olemas. Mõlemad kõnelevad Dewey'st kui Lääne tsivilisatsiooni vaimsest päästjast ja kaitsjast ateistliku materialismi vastu.

A. Koorti arvates «Dewey teeneks tuleb pidada seda, et ta oma analüüsidega on kaasa aidanud tunnetusteoreetiliste lähtekohtade avardamisele»¹⁶.

Milles seisab siis see tunnetusteoreetiliste lähtekohtade avardamine J. Dewey poolt? A. Koort näeb seda «avardamist» selles, et J. Dewey interpreteerib niihästi elu kui ka vaimu bioloogiliste mõistetenä. Ses mõttes on Dewey radikaalne naturalist, nagu arvab A. Koort. J. Dewey käsitleb mõtlemist kui inimorganismi «aktiivsuse» avaldust, kui siseorganilist reaktsiooni välisingimustele. Pidades mõtlemist bioloogiliseks reaktsiooniks välisingimustele, taandab ta mõtlemisprotsessi puhtmehaanilisele protsessile.

A. Koort väidab, et J. Dewey järgi tekkivat mõtlemine pingutustest leida väljapääs mingisugusest komplitseeritud situatsioonist. Kui oleme sattunud «raskustesse või ummikusse», näiteks kui oleme ära eksinud metsas ning sattunud teelahkmele, siis kerkib esile «otsimine» ja «küsitlemine». Ja see vaibub alles siis, kui mõtlemises ja tunnetuses on leitud mingisugune väljapääs. Ses mõttes olevat meie mõtlemine ja tunnetamine alati instrumentaalse iseloomuga. Seda arvestades J. Dewey nimetab oma pragmatismi instrumentaalsuseks.

Kerkib küsimus, kas meil on tõepoolest siin tegemist tunnetusteoreetiliste lähtekohtade avardamisega, nagu meid püüab veenda A. Koort? Sugugi mitte.

Mõtlemisprotsessi pragmatistlik-instrumentalistlik käsitus on põhjendamatu ja ebateaduslik juba sellepärast, et loomad satuvad samuti kokku komplitseeritud situatsioonidega, kuid neil ei ole abstraktse mõtlemise võimet. Mõtlemine, tunnetus on spetsiifiline toime, mis on omane ainult inimesele. Mõte on kõrgelt organiseeritud mateeria — inimaju — funktsioon. Loomadel on olemas ainult teadvuse alged. Mitte ühelgi, isegi kõige arenenumal loomal ei ole abstraktse mõtlemise võimet. Nad ei ole võimelised välja töötama abstraktseid mõisteid, teaduslikke abstraktsioone. Pragmatism-instrumentalism ignoreerib tõsiasja, et inimene ei ole mitte ainult bioloogiline, vaid ka ühiskondlik olend. Pragmatism-instrumentalism eitab inimese mõtlemisprotsessi sotsiaalset iseloomu.

¹⁶ A. Koort, Pragmatism — ameeriklaste maailmavaade. «Akadeemia» 1939, nr. 4, lk. 242.

J. Dewey pragmatism-instrumentalism on marksismi, dialektilise materialismi ohtlik vaenlane, sest ta maskeerib väga kavalalt oma filosoofia subjektiividealistikku olemust naturalismi ja mehhanitsismiga.

J. Dewey pooldajad väidavad, et pragmatism-instrumentalism seisab kõrgemal idealismist ja materialismist ning arvustavad nende mõlemate suundade äärmuslikke seisukohti. Kuid selline avaldus ei ole uus, sest omal ajal ka mahhistid väitsid täpselt sedasama. Tegelikult pragmatism-instrumentalism lahendab filosoofia põhiküsimuse subjektiivse idealismi positsioonilt, eitades välismaailma objektiivset eksisteerimist. Samuti eitab ta välismaailma tunnetatavust, maskeerides seda eitamist mõtlemisprotsessi biologiseerimisega, naturalistliku käsitusega. Pragmatistlikul mõtlemisprotsessi käsitusel ei ole aga midagi ühist tõeliselt teadusliku dialektilis-materialistliku käsitusviisiga.

Marksism-leninism õpetab, et töö etendas otsustavat osa inimteadvuse tekkimisel ja arenemisel, looma «teadvuse» muutumisel inimteadvuseks. Inimese mõtlemine ei ole tekkinud lihtsalt mehhaanilise reaktsioonina välisstiimulitele. Inimese mõtlemine on tekkinud ühiskondlikus tööprotsessis. Mõtlemine on objektiivse reaalsuse peegeldus inimteadvuses. John Dewey aga lahutab mõtlemise ühiskondlikust olemisest, ta ignoreerib töö osa mõtlemise arengus. J. Dewey vastandab oma pragmatistliku, bioloogilis-mehhanistliku vaatekoha mõlemisprotsessi küsimuses dialektilise materialismi tunnetusteooria keskele seisukohale, mille järgi objektiivne maailm, loodus, materia on primaarne, aga teadvus, mõtlemine sekundaarne, tuletatav. Mõtlemine on objektiivse reaalsuse peegeldus inimese mõtlevas ajus, on looduses ja ühiskonnas toimuvate objektiivsete protsesside peegeldus inimteadvuses.

Pragmatism-instrumentalism on agnostitsismi filosoofia. Pragmatismi vaatekohalt välismaailma objektiivselt ei eksisteeri. Reaalne maailm on tunnetamatu. «Kõik teadmise objektid on mõistuse konstruktsioonid,»¹⁷ väidab J. Dewey, «milledele ei vasta ei mingisugune reaalsus.» Kõik eksisteeriv objektiivses maailmas on sünnitatud ja tingitud mõtlemisprotsessist. See aga tähendab, et meie kujutlustes ja mõistetes puudub objektiivne sisu. Pragmatism eitab objektiivset tõe, ta tunnistab tõdede pluralismi. Tõdesid on niisama palju, kui on vaatepunkte. Mis on pragmatismi seisukohalt tõe kriteeriumiks? A. Koort näeb J. Dewey teenet «tunnetusteoreetiliste lähtekohtade avardamises», selles, et J. Dewey on toonud tunnetusteooriasse õpetuse praktikast kui tõe kriteeriumist. «Senine tunnetusteooria,» ütleb A. Koort, «oma teoreetilise hoiaku tõttu ignoreeris praktikat kui tõe kriteeriumit tunnetusteoorias.» J. Dewey teene seisnevat selles, et ta on näidanud, et «meie suhtumine asjasse ja ümbrusse on eeskätt eluline, praktiline suhtumine. Selles elulises praktilises suhtumises omandavad asjad oma

¹⁷ J. Dewey, Problems of Men, New York 1946, lk. 248—249.

eri tähenduse ja nimelt seejärgi, kas nad meie olelut ja selle tarbeid ning eesmäärke soodustavad või takistavad. Ammu enne, kui hakkame otsima «puhast» tõtt, me tunneme asju tarvilikkuse ja ebatarvilikkuse, rõõmu ja kurbuse seisukohalt»¹⁸.

Kuid asjata on A. Koort sattunud vaimustusse J. Dewey praktikaõpetusest, sest pragmatistid-instrumentalistid spekulatsioonidega ainult mõistega «praktika». J. Dewey vaatekohalt tähendab praktika edu, kasu. Kõik see, mis on isikule kasulik, on ka tõene. Pragmatismile-instrumentalismile on ideed, teaduslikud teooriad ainult tegevuse reeglid, instrumendid. Nende tõesuse määrab ära edu, aga edu ise on ära määratud tasuga, mida saadakse. Tõene on see, mis ennast tasub. Pragmatistile omab mõtet ainult üksainus küsimus: «Kas on see mulle kasulik?» Kui on kasulik, siis on see «tõene» ja «hea», kui mitte, siis on see «väär» ja «halb». Järelikult, igasuguste ideede ja põhimõtete tõesuse ainsaks kriteeriumiks on isiklik kasu.

Marksistliku filosoofia praktikakäsituse on diametraalselt vastandlik pragmatistlikule praktikakäsitusele.

Dialektilisele materialismile on praktika tunnetusteooria alus ja tõe kriteerium.

Dialektiline materialism lülitab praktikasse kogu inimeste töö, tootmise, teadusliku eksperimendi, revolutsioonilise ühiskondliku tegevuse jne., järelikult ka klassivõitluse praktika. Praktika näitab meile, kas meie kujutlused ja mõisted maailmast vastavad tõeliselt, objektiivselt eksisteerivale maailmale. Pragmatistlik-subjektivistlik praktikakäsituse tähendab tegelikult objektiivse tõe eitamist ja viib piirjoonte kustutamisele fantaasia ja tegelikkuse vahel, teaduse ja religiooni vahel. W. James'i seisukohalt on näiteks «jumala hüpotees» tõene, kuivõrd ta teenindab meid rahuldavalt selle sõna kõige laiemas mõttes».¹⁹

J. Dewey ja tema järelkäijate seisukohalt ei anna teadus meile veel teadmist objektiivsest maailmast, sest teaduse seadused on ainult «tegevuse viisid», «leppemärgid» jne. Põhjuslikkuse kategooria on ainult loogiline kategooria, temal puudub objektiivne tähendus.

V. I. Lenin võttis raamatus «Materialism ja empiriokrititsism» terava kriitikatule alla mahhistide, pragmatistide ja füüsikaliste idealistide teadusekäsituse, mille järgi «teadus ei ole muud midagi kui sümbolistlik vormel», aga teaduste seadused ainult meelevaldsed tähised, «leppemärgid», «sümbolid». Eitades teaduse seaduste objektiivset iseloomu, avab pragmatism sellega pärani ukse idealistlikele ja müstilis-religioossetele kujutlustele maailmast.

A. Koort väidab, et «vaevast on keegi kaasaegsetest filosoofidest demokraatlikke vabaduse, võrdsuse ja vendluse ideid nii uni-

¹⁸ A. Koort, Pragmatism — ameeriklaste maailmavaade. «Akadeemia» 1939, nr. 4, lk. 243.

¹⁹ W. James, Pragmatism. A New for Some Old Ways of Thinking, New York 1907, lk-d 23, 29—30.

versaalselt tõlgendanud kui Dewey». Kuid ka see väide on algusest lõpuni väär, sest J. Dewey, Ameerika imperialistliku kodanluse ideoloog, püüdis filosoofiliselt õigustada ja idealiseerida kapitalistlikke suhteid ning teha neid rahvahulkadele vastuvõetavaks. J. Dewey õigustab ühiskonna jagunemist klassideks, ta püüab jäädvustada eksploatatorlikku korda. Tema filosoofia antidemokraatlik olemus väljendub eredalt inimeste jaotamises valitud indiviidideks (eliidiks) ja massiks (rahvas), pimedaks mõistusega stiihiaks. Valitsemine ja allumine on J. Dewey arvates inimloomuse omadused. Ühtede sünnipäraseks omaduseks on valitseda, käsutada, teiste omaduseks — alluda. Kui mass on püüdnud vastu hakata, on teda sunnitud alluma.

Pragmatismile on iseloomustav nn. ameerika elulaadi ülistamine. Pragmatism kasutab ohtralt sotsiaalset demagoogiat masside teadvuse mürgitamiseks, et tekitada kahju rahvahulkade võitlusele rahu, demokraatia ja rahvusliku sõltumatuse eest ning hõlbustada Ameerika monopolistliku kapitali magnaatidel teiste rahvaste allaheitmist ja orjastamist.

Kosmopolitismi lipu all püüab pragmatistlik filosoofia põhjendada Ameerika reaktsionääride meeleuid maailmavalitsemise ideid. Sõdade põhjuseks olevat suveräänsete riikide eksisteerimine. Kapitalismi krahhi tähendavat kogu tsivilisatsiooni krahhi. Ainsaks pääseteeks olevat, pragmatistliku filosoofia seisukohalt, ühtse maailmariigi loomine USA juhtimisel. J. Dewey instrumentalsmi põhimõte — otstarve ei vali vahendeid, s. t. vahendite õigustamine kasulikkusega — on Ameerika monopolistide ekspansionistliku, agressiivse praktilise programmi põhjendamise teenistuses. Pragmatistliku «kasulikkuse» ja «otstarbekuse» printsiibi mõttest ja tähendusest annab selge kujutluse Eisenhoweri avaldus Ameerika Senatis: «Minu seisukohalt võib vesinikupommi kasutusele võtta sõltuvalt sellest, kas see on mulle kasulik, kui ma astun sõtta. Kui ma näeksin, et see on kasulik, siis ma raken-daksin teda viivitamata.»²⁰ Sellest avaldusest on selgesti näha pragmatistliku filosoofia mõte ja olemus, samuti see, kelle huve ta teenib.

Peab rõhutama, et juba siis, kui pragmatistlik filosoofia alles hakkas levima, eriti USA-s, andis V. I. Lenin oma geniaalses töös «Materialism ja empiriokrititsism» pragmatismile kui mahhismi ühele teisendile purustava kriitika. V. I. Lenin paljastab pragmatismi subjektiividealstlikku olemust, tema seost religiooni ja müstikaga, mida varjatakse mitmesuguste sõnakestega, nagu «kogemus», «praktika» jms. V. I. Lenin kirjutab: «Ameerika kõige uuema filosoofia peaaegu «viimaseks moeks» on «pragmatism» (kreeka sõnast pragma — tegu, tegevus; tegevusfilosoofia). Prag-

²⁰ В. Н. Волосова, Критика основных направлений современной буржуазной философии. Заочная Высшая Партийная школа при ЦК КПСС. Кафедра диалектического и исторического материализма, Москва, 1957, lk. 13.

matismist räägivad filosoofilised ajakirjad peaaegu rohkem kui millestki muust. Pragmatism naerab välja nii materialismi kui ka idealismi metafüüsika, ülistab kogemust ja ainult kogemust, tunnistab ainsaks kriteeriumiks praktika, viitab positivistlikule voolule üldse, toetub spetsiaalselt Ostwaldile, Machile, Pearsonile, Poincaréle ja Duhemile, sellele, et teadus ei ole «reaalsuse absoluutne koopia», ja tuletab kõigest sellest üliõnnelikult jumala — praktilistel eesmärkidel, ainuüksi praktika jaoks, ilma igasuguse metafüüsikata, ilma igasuguse astumiseta üle kogemuse piiride.»²¹

V I. Lenin paljastas pragmatismi reaktsioonilise olemuse ning osutas, et pragmatism areneb neid teid mööda, mida näitas Ameerika filosoof Carus, kes jutlustas «teaduslikku teoloogiat» ja raevukalt võitles loodusteadlaste stiihilise materialismi vastu. «On täiesti silmanähtav,» viitas V I. Lenin, «et meie ees on Ameerika kirjandusliku sulidekamba liider, sulide, kes tegelevad sellega, et uimastavad rahvast religiooni oopiumiga.»²²

Pragmatismi viimaseks mohikaanlaseks oli elatanud J. Dewey. Juba tema elupäevil langes pragmatismi mõju USA-s niivõrd, et sellele filosoofilisele koolkonnale hakati isegi matusekella lööma. Paljud Ameerika filosoofid, võib-olla isegi enamik nendest, nagu hiljuti nende esindaja UNESCO-s professor MacKean märkis, nõustuvad sellega, et pragmatism on juba 15—20 aastat tagasi lakanud olemast Ameerika filosoofia aktiivseks koolkonnaks.

Ent vaatamata sellele jääb pragmatismi halastamatu kriitika ka meie päevil materialistliku filosoofia esmajärguliseks ülesandeks, sest sõjajärgseil aastail võib märgata pragmatistlikku filosoofia omapärasest taaselustumist uutes vormides. Tänapäeva reaktsioonilised imperialistliku kodanluse ideoloogid lähenevad üha enam pragmatismile, toimub nende ühtesulamine pragmatismiga, nad kasutavad pragmatistlikku terminoloogiat. See on ka arusaadav, sest kõikide tänapäeva subjektiivse idealismi eri kujude toitepinnaks on ühed ja needsamad sotsiaalsed ning ideoloogilised taotlused.

Üheks objektiivse idealismi vormiks Lääne-Euroopas ja USA-s on personalism (ladina keeles *persona* — isik). Personalism on levinud protestantliku intelligentsi ringkondades. See filosoofiline koolkond kujutab endast rafineeritud kristlikku religiooni, mis on kohandatud kaasaja tingimustele. Joseph Dietzgen andis tabava iseloomustuse idealistliku filosoofia esindajatele, öeldes, et nad on «fideismi diplomeeritud toapoisid». See J. Dietzgeni ütlus on eriti maksev tänapäeva reaktsioonilise personalismi selliste esindajate kohta, nagu USA-s R. T. Flewelling, E. S. Brightman ja W. E. Hocking, Inglismaal I. Kerr, Saksamaal V. Stern, Prantsusmaal E. Monier ja vene emigrant obskurant N. Berdjajev.

²¹ V I. Lenin. Teosed, 14. kd., lk. 317.

²² Sealsamas, lk. 206.

Personalismi silmapaistvaks propageerijaks Eestis oli Tartu ülikooli teoloogiaprofessor E. Tennmann. E. Tennmanni teos «Hinge surematus»²³ iseloomustab personalismi nn. eesti varianti.

Professor E. Tennmann lahendab filosoofia põhiküsimuse idealist Leibnizi õpetuse vaimus. Leibnizi filosoofilise õpetuse järgi on maailma algelementideks monaadid, vaimsed üksused ehk nn. vaimsed aatomid. Personalism taaselustab XX sajandil Leibnizi monadoloogiat, käsitledes kõiki asju vaimsete olenditena, mis eksisteerivad erinevais vaimsuse astmeis.

Personalism kujutab endast tegelikult ürginimese, metslase maailmavaadet, mis on aga kaunistatud uusima pseudoteadusliku terminoloogiaga. Kauges minevikus omistas metslane ümbritsevatele esemetele, looduse stiihilistele jõududele, kõikidele loodusnähtustele, loomadele, taimedele jne. hinge. Personalismi iseloomustavaks jooneks on pluralism: ta täidab maailma vaimsete isiksuste ehk nn. vaimsete substantside loendamatu hulgaga. Need isikud ehk substantid on varustatud teadvuse ja vaba tahtega.

E. Tennmann käsitleb üht filosoofia kesksemat probleemi, nimelt maailma ühtsust. Milles näeb E. Tennmann maailma ühtsust? Maailma ühtsuse aluseks on E. Tennmanni seisukohalt «isik». Selle all mõtleb ta hingelist, vaimset substantsi. «Meie oma enda ühtsus,» kirjutab E. Tennmann, «seisab meie isiklikus olemises, isiku ühtsuses, jagamatuses mina teadvuses. Olgu meie kehas mitmesuguseid olluseid, luid, liha, verd, kudesid, fosforit, rauda, vett. See kõik moodustab ühe t e r v i k u. Selle terviku j u h t i v ollus ei ole aga mingi üksik liige, nina, suu, silm, kõrv, süda, maks, vaid ihulise ühtluse k e s k u s pole üldse lihalik, nagu orkestri ühtlus pole viiulis ega kandles, vaid muusika peamotiivis, nõnda on inimliku välimuse ühtlus tema iseteadlikus hingelises olemises.»²⁴

E. Tennmann võrdleb hinge vaimse aatomiga, mida ta nimetab substantiks, isiksuseks, jumalaks ja mis on maailma aluseks.

Looduse ja ühiskonna objektiivse seaduspärasuse asendab E. Tennmann indeterminismiga, teleoloogiaga.

Põhjuslikkuse, paratamatuse kummutamisel püüab E. Tennmann leida toetust «füüsikaliselt idealismilt».

«Pole sugugi saladus,» kirjutab E. Tennmann, «et veel 30 aasta eest teadusemaailmas sihikohasest ja looduse otstarbekohasusest midagi kuulda ei tahetud ja mõned loodusteadlased säärase mõtetega vähemuses olid. Nüüd aga,» ütleb E. Tennmann suure paatosega, «on pilt väga muutunud, materialistlik radikaalsus on järjest taganemas, isegi loodusteadlaste peres. Materialismi sarved on maha joostud.»²⁵

See järjekordne materialismi «hävitamine», seaduspärasuse

²³ E. Tennmann, Hinge surematus. «Noor-Eesti» filosoofiline seeria, Tartu, 1935.

²⁴ E. Tennmann, viidatud teos, lk. 115.

²⁵ Sealsamas, lk. 115—116.

objektiivse iseloomu eitamine E. Tennmanni poolt tähendab tegelikult teadusliku materialistliku maailmakäsituse asendamist usu-
liste vaadetega. «Seaduste väljaheitmine teadusest,» kirjutas Lenin, «on tegelikult ainult religiooni seaduste salajane sissetoomine.»²⁶

E. Tennmanni poolt esitatud personalismi iseärasuseks on püüe serveerida personalismi uusima filosoofiana, mis seisvat kõrgemal materialismist ja idealismist. Personalism kujutavat endast ainuõiget, ainuteaduslikku filosoofiat. «On olemas ainult kaks maailmavaadet,» kirjutab E. Tennmann, «mis tõeliselt kõne alla tulevad kui senised mõjurid, ja kolmas maailmavaade, mis paremini peaks rahuldama niihästi usulisi kui ka teaduslikke nõudeid ja tingimusi. Need maailmavaated on — materialism, idealism ja personalism.»²⁷

E. Tennmann arvustab idealismi, väites: «Meie tunnustame idealismi ainult loogilise mõtlemise piirides, aga mitte tema loogiliste vigadega ega ammugi mitte üldmaksva maailmavaatena.»²⁸

E. Tennmann arvustab samuti ka neid filosoofe, kes otsivad kompromissi materialismi ja idealismi vahel. Kompromissi taotlevaid filosoofe ei rahuldanud materialistlik ega idealistlik maailmavaade. «Nad otsivad,» ütleb E. Tennmann, «uut maailmavaadet, mida püütakse luua, mõlemaid äärmusi kombineerides ja teine teisega kõrvutades, sest ei saadud üle aine ja vaimu, idee ja mateeria vastuolust.»²⁹ Ironiseerides märgib E. Tennmann, et nende kombineerijate kätes idee ja mateeria «tundsivad endid kaksikvendadena ja sobisid kokku — dualismiks (ladina *duo* — kaks), kahe printsiibi õpetuseks»³⁰. Materialistliku filosoofia mahategemiseks pole E. Tennmann aga suutnud leida ainsatki uut, originaalset argumenti. Kõik E. Tennmanni poolt kasutusele võetud argumendid olid olnud ka juba varem käibel materialismi raevukate vaenlaste leeris, kujutades endast igivana, kulunud idealistlike sõperdiste korrutamist. Kaasaegse materialismi arvele veeretab E. Tennmann kõik need puudused, mis olid omased mehaanilisele, metafüüsilisele ja vulgaarsele materialismile. Ta teatab rõõmsalt, et materialistlik filosoofia olevat lõplikult kummutatud filosoofia ja teaduse arenemiskäigus.

«Igatahes on selge,» kirjutab E. Tennmann, «materialism ei suuda seletada ei elu, ega vaimu elu, ega omaenda õpetustki. Sest kui materialism tahaks tõesti olla järjekindel, siis ei tohiks vaimu ega vaimuelu üldse ollagi. Ehk aga see vaim ise peaks olema materiaalne, iga mõte, iga soov, iga tahe peaks olema läbi ja läbi materiaalne, näiteks rauast mõte, vasest soov, nahast

²⁶ V. I. Lenin, Teosed, 20. kd., Tallinn 1953, lk. 180.

²⁷ E. Tennmann, viidatud teos, lk. 16.

²⁸ Sealsamas, lk. 28.

²⁹ Sealsamas.

³⁰ Sealsamas.

armastus, tuhast või liimist igatsus, kasepuust valmistatud mee-
leheide, malmist või piimast sepitsetud mõtteteadus, pihlakast
sündinud ohkamine.»³¹

Püüdes materialismi ümber lükata ning igal sammul vassi-
des ja võltsides, kasutab E. Tennmann idealistide tavalist sulivõtet — vahetab dialektilise materialismi vulgaarse, metafüüsilise materialismiga, omistab dialektilisele materialismile täiesti absurdseid väited, mida ta siis «võidukalt» ümber lükkab. Lõpuks, andes viimast hoopis materialismile, väidab E. Tennmann, et «materialism viib välja kannibalismile ehk inimese söömisele, olgu kas või sümboolselt»³²

E. Tennmanni väide selle kohta, et materialism eitavat vaimset elu, ideid ja ideaale, on laim. Materialism ei eita ideid ega ideaale, vaid näitab nende allikat, nende tekkimist ühiskonna materiaalse elu tingimustest, nende tuletatavat, sekundaarset iseloomu. Idealistid aga kuulutavad idee primaarseks, iseseisvalt eksisteerivaks, kõikide esemete, asjade aluseks. E. Tennmann vaikib surnuks, et Marx ja Engels enam kui 110 aastat tagasi löid ainuteadusliku filosoofia — dialektilise ja ajaloolise materialismi, et nad ületasid vana materialismi põhilised puudused ning kõrvaldasid tema piiratud. Dialektiline materialism ei samasta sugugi mõtlemist materiaalse tegelikkusega, ei omista mõttele materiaalse asjade omadusi, nagu suurust, värvi jm. Dialektiline materialism astub resoluutselt välja teadvuse ja mateeria samastamise vastu, nagu seda teeb vulgaarne materialism. V. I. Lenin oma töös «Materialism ja empiriokrititsism» kritiseerib J. Dietzgeni ekslikku väidet, et «mõte on materiaalne». «Siin on ilmne eksitus,» näitas V. I. Lenin. «Et nii mõte kui mateeria on «tegelikud», s. o. et nad on olemas, see on õige. Kuid nimetada mõtet materiaalseks — see tähendab astuda ekslik samm materialismi segamiseks idealismiga.»³³ Mateeria on objektiivne, meist sõltumatu reaalsus, mis on meile antud aistinguis. Teadvus, mõtlemine aga on kõrgesti organiseeritud mateeria omadus, kõrgel arenemisastmel oleva mateeria, peaju produkt. Moonutades asjade tegelikku olukorda, samastades petise kombel dialektilise materialismi vulgaarse, mehaanilise ja metafüüsilise materialismiga, püüab E. Tennmann näidata, «et materialism on surnud», et ta on «paikapidamatu».

Kui E. Tennmanni võhiklikud argumendid üldse midagi tõestavad, siis ainult personalistide abitust, nende täielikku jõuetust võitluses dialektilise materialismi vastu.

Personalism seab teaduslikule materialistlikule maailmavaatele vastu idealistliku kontseptsiooni, mis käsitleb loodust kui «vaimsete isiksuste» kogu. Isiksusteks on kõik looduses olevad kehad, elusolendid, inimene ja lõpuks absoluutne isiksus — ju-

³¹ E. Tennmann, viidatud teos, lk. 22.

³² Sealsamas, lk. 43.

³³ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 224.

mal. Teaduslikule seaduspärasuse käsitusele vastandab personalism teleoloogia — väite, et loodusnähtuste areng toimub nendes nähtustes oleva jumaliku «isiksuse» eesmärgi ja tahte alusel.

Personalistid, nende seas ka E. Tennmann, kaitsevad kapitalistlikku korda. Nad tunnevad kõige metsikumat vihavaenu materialismi ja eelkõige dialektilise materialismi vastu. Personalism taotleb ainult «isiksuse» ehk hinge täiustamist, vaimset ja moraalselt ümbersündimist. Tulevat võidelda mitte kapitalistliku korra kukutamise eest, mitte uue maailma eest, vaid uue hinge eest. Personalismi olemus on reaktsiooniline, sest tema eesmärgiks on tumestada hulkade teadvust, võtta neilt usk kapitalistlikust rõhumisest vabanemise võimalusse, õigustada valitseva klassi reaktsioonilist poliitikat.

Personalism on suunatud rahvahulkade eluliste huvide, nende sotsiaalse ja poliitilise vabanemise vastu.

Materialismi vihkamine, müstika ja papimeelsuse jutlustamine, teaduse andmete moonutamine fideismi põhjendamiseks — säärane on selle filosoofia olemus.

* *
*

Üheks kodanlikus Eestis propageeritavaks idealismi erikujuks oli ka neorealism. See vool esineb mitmesuguste kõlavate nimetuste all: neorealism, kriitiline realism, presentatiivne realism, substanttsionaalne realism jms.

Neorealismi loojateks olid Ameerika filosoofid Perry, Montague, Holt, Marvin ja Spalding, kes avaldasid 1910. a. nn. neorealistide manifesti, milles oli kokku võetud nende filosoofiline kreedo. Üldse peab nentima, et tänapäeva kodanlikud filosoofid armastavad kasutada oma koolkondade nimetusena sõna «realism». Näitena võib tuua: neorealism, kriitiline realism, neopositivism jne. Kõik nad edvistavad sõnakestega «realism», «kogemus», «positivism». See pole sugugi juhuslik, vaid seaduspärane nähtus, sest teaduse hiiglaslike edusammude sajandil on tarvis kuidagi kinni katta idealismi alastiolekut. Sellest tulenebki sõnakese «realism» ekspluateerimise püüe. Võitluses materialismi vastu ei julge kodanlik filosoofia tänapäeval avalikult oma positsioone nimetada idealistlikeks.

Et laiades rahvamassides on levinud usaldus teaduse vastu, usk inimhõimuse jõusse, siis väldib kodanlik filosoofia avalikku liitu religiooniga ning püüab võitluses teaduse ja teadusliku materialistliku maailmavaate vastu kasutada igasuguseid maskeerimisvõtteid. Üheks selliseks moodsaks maskeerimisvõtteks ongi loodusteaduse suurte edusammude näiline tunnustamine, kuid neid loodusteaduse saavutusi tõlgendatakse idealistliku filosoofia kasuks, et kaitsta irratsionalismi, müstikat ja religiooni. Kaasaegne kodanlik filosoofia ei saa loodusteaduse hämmasta-

vate edusammude sajandil avalikult jutlustada, et jumal või «absoluutne idee» on maailma looja. Sellepärast püüab kodanlik idealistlik filosoofia end igasuguste muude abinõudega kaitsta. Üheks selliseks abinõuks on teaduse andmete gnoseoloogiline, tunnetusteoreetiline läbitöötamine idealismi kaitsmise positsioonilt.

Kaasaegne kodanlik filosoofia «tunnustab» teadust, sest meie ajastul ei ole teaduse mittetunnustamine nii lihtne. Kuid kaasaegne kodanlik filosoofia väidab ainult: las õpetlased tegelevad teadusega, aga meie, filosoofid, tegeleme teaduse andmete gnoseoloogilise «läbitöötamisega».

Selle seisukoha paljastas V. I. Lenin väga eredalt oma raamatus «Materialism ja empiriokrititsism», kui ta kõneles teaduse ja idealistliku filosoofia kooselamise printsiipidest kodanlikes maades.

«Meie loovutame teile teaduse, härrad loodusteadlased,» kirjutab V. I. Lenin, «teie loovutage meile gnoseoloogia, filosoofia — säärane on teoloogide ja professorite kooselu tingimus «eesrindlikes» kapitalistlikes maades.»³⁴

V. I. Lenini teene seisab selles, et ta andis purustava hoobi tänapäeva kodanlikule idealistlikule filosoofiale, paljastades kodanliku filosoofia spetsialiseerumise gnoseoloogia alal, ja arendas loovalt edasi marksistlikku tunnetusteooriat.

Neorealistide põhiteesiks on, et esemed eksisteerivad objektiivselt, kuid mõtted ja abstraktsioonid omavad samuti objektiivset eksistentsi. Tegelikult taastavad neorealistid mõtlemise ja olemise identsuse vana vormeli. Neorealistid taaselustavad Aquino Thomase keskaegse reaktsioonilise skolastilise filosoofia, mille järgi üldised mõisted (universaalid) eksisteerivad väljaspool meie teadvust iseseisvate reaalsustena. Jumal on kõige kõrgem reaalsus. Keskaja realism, võideldes nominalismiga, tugines Platoni idealistlikule filosoofiale. Püüti tõestada, et üldised mõisted ei ole seotud inimese ajuga, et nad kujutavad endast iseseisvaid olemusi, mis eksisteerivad mateeriast sõltumatult. Kaasaegne neorealism reprodutseerib täielikult Platoni ja Aquino Thomase filosoofia põhiseisukohad. Neorealism kujutab endast absoluutset idealismi, kuid uues, realistlikus rüüs. Ta püüab osutada religioonile otsest toetust. Neorealism on laialdaselt levinud USA akadeemilistes ringkondades. Paljud kodanlikud õpetlased, üliõpilased ja üldse intelligents on võtnud neorealismi oma ususümboliks. Ka Inglismaal on neorealism leidnud suurt toetust akadeemilistes ringkondades. Neorealismi esindajateks Inglismaal on A. N. Whitehead, S. A. Alexander, G. E. Moore.

Kodanlikus Eestis suure järjekindlusega levitatud paljude reaktsiooniliste filosoofiliste voolude hulka kuulub ka neorealism. Neorealismi levitajateks Eestis olid prof. dr. phil. A. Koort

³⁴ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 259.

ja eriti dr. phil. W. Freymann. A. Koort propageerib neorealismi Akadeemilise Kooperatiivi Kirjastuse väljaandel Tartus 1938. a. ilmunud raamatus «Kaasaegsest filosoofiast» I, W. Freymann töös «Filosoofia peaküsimusi» («Noor-Eesti» filosoofiline seeria nr. 7, Tartu 1939) A. Koort rõhutab, et «kaasaegsete briti filosoofide hulgas kõige silmapaistvama koha omab kindlasti Alfred North Whitehead»³⁵

A. Koort märgib, et peab vastuvaidlematult tunnustama «Whiteheadi suurt geniaalsust maailmapildi loomisel»³⁶

A. Koordi arvates on huvi Whiteheadi filosoofia vastu seda suurem, kuivõrd viimane arvestab oma filosoofia kujundamisel ka uuema loodusteaduse saavutusi.

«Võiks julgesti öelda,» kirjutab A. Koort, «et Whiteheadi filosoofia on uute füüsikaliste teooriate filosoofilise läbitöötamise kõige tähelepanuväärsemaks katseks.»³⁷

On huvitav näha, missuguseid tulemusi annab siis see füüsikaliste teooriate filosoofilise läbitöötamine Whiteheadi poolt.

Whitehead jaotab maailma igaveste ja muutumatute «objektide» maailmaks, millel on palju sugulust Platoni «ideedega», ja muutlike vastuoluliste ruumilis-ajaliste «sündmuste» (events) või, nagu ta hilisemates teostes ütleb, «aktuaalsete olendite» (actual entity) maailmaks. «Objektid» ei ole materiaalsed, nad eksisteerivad väljaspool aega ja ruumi. See vaimsete olemuste maailm on vastandlik muutlike «sündmuste» maailmale. Mõlemate maailmade vahel aga eksisteerib vastastikune seos. «Objektid» lülituvad «sündmustesse» siis, kui viimased on nende jaoks valmis. «Objektide» maailma ja «sündmuste» maailma vahel sideme pidajaks on jumal. Tema etendab nende kahe maailma vahel kõrgema koordineerija osa. Whiteheadi järgi ei saa maailma tunnetada kogemuse, teadusliku analüüsi teel. Töös «Teadus ja kaasaegne maailm» väidab Whitehead, et maailma tunnetamiseks olevat vajalik mingi subjektiivse alateadvuse suhe. Ta teatab avameelselt, et maailma tunnetamiseks tuleb pöörduda jumala poole, et «ainult jumalik tahe võib tuua muutusi maailma». Järelikult on jumal kõrgeim jõud, kellest sõltub maailma saatus.

On selge, et säärane filosoofia meeldib valitsevatele ekspluaatorlikele klassidele. Ta on efektiivseks relvaks nende käes, sest ta aitab maha suruda töötajate revolutsioonilist aktiivsust. Peab nentima, et Whitehead püüab anda oma filosoofiale teaduspärase iseloomu. Ta väidab, et filosoofia peab tuginema loodusteadusele. Whitehead isegi arvustab idealismi, et viimane kontsentreerivat tähelepanu vaimu probleemidele ja et tal puuduvat tihe kontakt teadusega. Filosoofiale seab Whitehead ülesande tuua selgust eksperimentaalsetesse teaduslikesse andme-

³⁵ A. Koort, Kaasaegsest filosoofiast, Tartu 1938, lk. 115.

³⁶ Sealsamas, lk. 115.

³⁷ Sealsamas, lk. 116—117.

tesse, töötada läbi teaduse poolt saavutatud tões loogilise analüüsi abil. Ainult sel viisil olevat võimalik tunnetada asjade loomust. Peab märkima, et Whitehead oli «uue» loogika, logistika arendajaid. B. Russelli kõrval oli ta matemaatilise loogika kolmekõitelise põhiteose «Principia mathematica» (1910—1913) kaasautor. Whitehead rakendab sümbolite loogikat teaduse andmete võltsimiseks, uusima loodusteaduse saavutuste interpreteerimiseks idealistliku filosoofia vaimus. Ta kasutab laialdaselt füüsika kriisi (füüsikalist idealismi) selleks, et muuta materialism idealismiks, et tasandada teed irratsionalismile, müstikale ja fideismile.

Whitehead eitab materiat kui objektiivset reaalsust ja väidab, et elektron on fantaasia, tingmärk, sümbol, mis ei eksisteeri reaalselt. Kvantide füüsika ja relatiivsusteooria olevat purustanud põhjuslikkuse ja seaduspärasuse materialistliku käsituse. Whitehead väidab, et materia on kadunud, on muutunud energiaks, aga energia haihtub maailmaruumis.

A. Koort refereerib õigesti Whiteheadi seisukohta, mille järgi «Jumal on olemd, mille eksistents on meile irratsionaalne. Jumal pole konkreetne, aga ta on kõige konkreetse tegelikkuse põhjuseks. Tema loomuse seletuseks ei saa esitada mingit põhjust (ratio), sest see loomus ise on kõige ratsionaalsuse põhjaks»³⁸.

Õigesti märgib A. Koort, et Whiteheadi seisukohalt «Jumal on maailmale immanentne; ta on korrastav ja kujundav printsiip maailmas. Nagu maailm on igikestvas saamises, nii ka jumal»³⁹.

Ülaltoodust on selgesti näha, et Whiteheadi neorealism on autori poolt loodud selleks, et näiliselt tunnustada loodusteaduse suuri saavutusi, kuid anda nendele loodusteaduse edusammudele idealistlik tõlgendus, et panna idealistlikule religioossele maailmavaatele alla «teaduslik alus».

Hoopis vastupidine on aga A. Koordi hinnang Whiteheadi neorealismile ehk, nagu Whitehead oma filosoofiat nimetab, «organismi-filosoofiale».

A. Koort tahab lugejaid veenda selles, et «on vähe tõenäone, et Whiteheadi metafüüsika on ainult paljas fantaasia. On aga sel metafüüsikal enamvähem empiirilist alust, siis tuleb teda pidada ühe huvitava olukorra väljenduseks, mis väärib tõsist tähelepanu: kaasaegne füüsika on meid vabastanud seni paratamatuna näivast mehhanistlikust maailmakäsitusest ja avanud võimalusi orgaanilisele käsitusele» (s. o. idealistlikule interpreteerimisele — O. S.)⁴⁰. A. Koordi arvates on Whiteheadi filosoofia kasulik isegi usklikele, sest ta on võimaldanud usklikelegi leida «tunnustavaid tõeteri: ratsionaalne metafüüsika võib olla lepitav usuliste intuitsioonidega»⁴¹.

Ajalooost on teada, et feodaalse ühiskonna keskaegsed skolas-

³⁸ A. Koort, Kaasaegsest filosoofiast, lk. 124.

³⁹ Sealsamas, lk. 125.

⁴⁰ Sealsamas.

⁴¹ Sealsamas, lk. 124.

tikud Lääne-Euroopas muutsid filosoofia jumalasõna teenriks. Filosoofia kaotas oma sõltumatuse kirikust. XX sajandil Whiteheadi filosoofia püüab samuti olla religioosse obskurantismi ümmardajaks.

*
*

Kodanliku korra ajal õpetas Tartu ülikoolis filosoofiat koos prof. A. Koordiga ka filosoofia eradotsent, hiljem dr. phil. W. Freymann.

Teostes «Tunnetusteooria põhiprobleeme» ja «Filosoofia peaküsimusi» annab W. Freymann ülevaate filosoofia ajaloost, vaa-
deldes seda läbi idealistlike prillide. Filosoofia põhiülesannet, tema osa ühiskonnas näeb W. Freymann religioosse maailmavaate ratsionalistlikus põhjendamises. Sellest, millest paljud teised kodanlikud filosoofid tavaliselt ei suvatse avalikult kõnelda, arutleb avameelselt ja lihtsameelselt Tartu ülikooli filosoofiadoktor W. Freymann: «Loomulik oleks, nagu see praegusel ajal ka enamalt jaolt toimub, et filosoofia ja usund (religioon) ei sõdiks teine teisega, filosoofia püüab mõtlemisega tungida olemise alusse, kuna aga usund püüab haarata olemise algpõhjust, jumalat usulistest elamustega.»⁴²

W. Freymanni arvates on filosoofia õpetamise peamine eesmärk selles, et «usund või filosoofia, või mõlemad koos annavad inimlikule elule õige suuna ning sisu, seovad teda kogu olemisega, annavad jõudu eluvõitluseks ning rahuldavad tema otsinguid»⁴³

Kuidas suhtub W. Freymann materialistlikusse filosoofiasse? Samuti nagu omal ajal inglise piiskop George Berkeley, kes oma peateoses «Traktaat inimese tunnetuse alustest», mis ilmus aastal 1715, vihasealt ründas materialismi, selleks et kaitsta idealismi ja religiooni.

W. Freymann teeb näo, nagu oleks tänapäeval olemas ainult üksainus materialismi vorm, nimelt vulgaarne materialism, mis olevat dogmatismi ja metafüüsika kõige eredamaks näiteks. Marksistliku filosoofia vaikib ta aga surnuks.

«XIX sajandil,» kirjutab W. Freymann, «leiame aga siiski veel dogmatismi: materialism astub üles kui niisugune. Dogmaatilisel väitis ta, et tõeliselt reaalne looduses kui ka vaimlikes, hingelises on mateeria ehk kehaline

Neist materialistidest on tuttavaks saanud Jakob Moleschott, Karl Vogt, Lewis Buchner.»⁴⁴

W. Freymann väidab, et nende materialistide raamatud on

⁴² W. Freymann, Filosoofia peaküsimusi. «Noor-Eesti» filosoofiline seria nr. 7, Tartu 1939, lk. 7.

⁴³ Sealsamas, lk. 8.

⁴⁴ Sealsamas, lk. 46.

«tänapäeval sotsiaaldemokraatlikus tööliskonnas leidnud kõige suuremat poolehoidu»⁴⁵

W Freymann tunneb erilist viha kuulsa saksa loodusteadlase, darvinismi väljapaistva esindaja Ernst Haeckeli vastu: «Seesama dogmaatiline vool kui mainitud materialistidel esineb ka Ernst Haeckel'il (1834—1919) Haeckel on näiteks täiesti veendunud, et ei ole isikulist jumalat, individuaalset surematust, tahte vabadust, otstarbekohaselt tegutsevaid jõudusid.

Tema raamat «Maailmamõistatused» võiks olla dogmatismi eeskujulikuks näiteks. Tema vaadetel puudub täiesti igasugune tunnetusteoreetiline põhi ja ülepea igasugune kriitiline järelekatsumine.»⁴⁶

On arusaadav, mispärast W. Freymannile kui idealistile ja religiooni ümmardajale tekitavad meelepaha Ernst Haeckeli teosed, eriti tema kuulus raamat «Maailmamõistatused»: E. Haeckel arvustas oma teostes halastamatult idealismi ja fideismi.

E. Haeckel kuulus nende eesrindlike teadusemeeste hulka, kes kaitsesid loodusloolist materialismi ja paljastasid mahhismi, uus-kantiaanlust ning teisi reaktsioonilisi ja agnostitsistlikke filosoofilisi voole.

E. Haeckeli julge ja avalik võitlus progressiivse teaduse ja materialistliku filosoofia eest tekitas suurt vihavaenu tema vastu reaktsioonilistes kodanlik-klerikaalsetes ringkondades mitte ainult Saksamaal, vaid ka teistes maades.

V. I. Lenin kirjutas: «Torm, mille E. Haeckeli «Maailmamõistatused» kõigis tsiviliseeritud maades esile kutsusid, paljastas väga reljeefselt ühelt poolt filosoofia parteilisuse tänapäeva ühiskonnas ja teiselt poolt selle tõelise ühiskondliku tähtsuse, mida omab materialismi võitlus idealismi ja agnostitsismi vastu.»⁴⁷ V. I. Lenin märgib, et «kõigi maailma maade filosoofia- ja teoloogiaprofessorid hakkasid tuhandel viisil Haeckelit kiruma ja hävitama. Ei ole nii pöörast sõimu, millega filosoofia kroonu-professorid teda üle ei oleks külvanud. Kogu sellest filosoofiliste reaktsionääride mõirgamisest kuuldu selgesti üks põhimotiiv: loodusteaduse «metafüüsika» vastu, «dogmatismi» vastu, «loodusloolise materialismi» vastu»⁴⁸.

Arvatavasti loeb W. Freymann ennast nende reaktsiooniliste filosoofia ja teoloogia professorite kildkonda, kes asusid Haeckeliga vaenujalale ja meeletus vihas korraldasid otsese sõjakäigu kuulsa saksa loodusteadlase, loodusloolise materialisti ja Darwini evolutsiooniteooria arendaja vastu, ehkki ta, nagu kõik kodanlikud materialistid, jäi idealistiks ühiskondliku elu käsituses.

Ühelt poolt räägib W. Freymann avameelselt oma filosoofilisest tendentsist, kuid teiselt poolt püüab ta oma idealistlikke filo-

⁴⁵ W. Freymann, viidatud teos, lk. 46.

⁴⁶ Sealsamas, lk. 47.

⁴⁷ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 323.

⁴⁸ Sealsamas, lk. 323—324.

soofilisi tõekspidamisi katta nn. kriitilise realismiga. Kõikidest kaasaja filosoofilistest suundadest eelistab W Freymann krititsismi. «Küsimuse tunnetuse algupära kohta,» kirjutab W. Freymann, «. me peame kalduma krititsismi poole. Igatahes,» väidab W. Freymann edasi, «krititsism on algupära probleemi, iga filosoofilise uurimise lähtekohaks.» Ta rõhutab, et «dogmatismi (s. o. materialismi — O. S.) naiivsusele on kriitiline refleksioon lõpu teinud. Realism (muidugi mõista, räägime siin ainult kriitilisest realismist) tunnustab tunnetatavast teadusest täiesti rippumatut reaalsust. Välismaailm, asjad on meist, meie tahtmisest rippumatud.»⁴⁹

W. Freymann rõhutab, et seda seisukohta «meie pooldame».

Näib, et W Freymann pooldab objektiivse reaalsuse olemasolu tunnustamist väljaspool teadvust ja kaitseb materialistlikku positsiooni. Kuid tegelikult ei ole W Freymanni nn. kriitilisel realismil mitte midagi ühist materialismiga. W Freymann ise väidab: «. et niisuguste meie «minast» rippumatult eksisteerivate esemete tunnustamist seletada, peame aga tunnustama, et lõppude lõpuks . psüühilisel ja füüsilisel, sise- ja välismaailmal peab siiski ühine alus olema, m i s k i a b s o l u u t n e (meie sõrendus — O. S.), mis moodustab olemise ja mõtlemise algpõhjuse.»⁵⁰

Arusaadavalt on selleks absoluutseks algpõhjuseks jumal. Kriitiline realism sündis imperialismiajastu Saksamaal. Tema rajajateks olid Oswald Kulpe (1862—1915), Erich Becher (1882—1929) ja teised. Pärast Esimest maailmasõda levis kriitiline realism laialdaselt USA-s. 1921. a. pungus neorealismist «kriitilise realismi» rühm, kuhu kuulusid John Santayana ja teised, kes püüdsid ühendada platonismi kantiaanlusega. Kriitiline realism peab maailma tunnetamatuks Kanti «asjaks iseeneses». Kriitilised realistid väidavad, et maailm on loodud jumala poolt. Nad tarvitavad mõistet «realism» materialismi antipoodina keskaegse realismi ja neoplatonismi vaimus.

Santayana kirjutab, et Ameerika filosoofid ja sotsioloogid peavad praegusel tormilisel ajal mõtlema jumala üle. Kriitilised realistid kardavad, et inimesed lakkavad uskumast maailma loomisse jumala poolt ja jumala saatusse. Ilma usuta jumalasse, väidavad kriitilised realistid, hakkavad levima ateism, materialism ja sotsialismi ideed. Niimoodi on W. Freymanni poolt eelistatud kriitiline realism tegelikult papimeelsuse jutlustamise filosoofia, on reaktsiooni filosoofia. Sellepärast soovitavad ja propageerivadki reaktsionäärid seda nii intensiivselt.

⁴⁹ W Freymann, Tunnetusteooria põhiprobleeme, Tartu 1924, lk. 80.

⁵⁰ Sealsamas, lk. 82.

2. V. I. Lenini raamatu «Materialism ja empiriokrititsism» tähtsus eesti kodanluse reaktsioonilise «rahvusfilosoofia paljastamisel

Reaktsiooni aastail, aga eriti Esimese maailmasõja eelõhtul ja sõja ajajärgul, kerkis rahvusküsimus silmapaistvale kohale. Rahvusküsimuse ümber toimus terav võitlus. Reaktsioonilised klassid tugevdasid natsionalistlikku ja šovinistlikku propagandat. Eesti kodanluse ideoloogid ja nende kannupoisid, menševikud ning esseerid, püüdsid mürgitada töötajate hulki natsionalismi ja šovinismi mürgiga. Eesti kodanluse ideoloogid varjasid natsionalistlike loosungitega oma püüdlusi tööliklassi killustada ja demoraliseerida, kinni määtsida linnakodanluse ja proletariaadi, kulaku ja sulase ning kehvtalupoja vahelisi lepitamatuid klassivastuolusid. Teisest küljest püüti taguda talba eesti ja teistest Venemaa rahvustest, peamiselt vene rahvusest proletariaadi vahele, nende ühisesse võitlusesse tsaari isevalitsuse ja kodanluse vastu. Sel ajajärgul anti Eestis välja palju raamatuid ja kogumikke, trükiti ajalehtedes artikleid, mis olid pühendatud eesti kodanluse rahvusfilosoofia väljatöötamisele. Nende raamatute hulgas kuulub silmapaistev koht V Grünthal-Ridala teosele «Tõuküsimus», A. Grenzsteini rassistlik-antisemiitlikule raamatule «Juudi küsimus», «Noor-Eesti» albumitele ja ajakirjale «Noor-Eesti», Eesti Üliõpilaste Seltsi (EÜS) albumitele (eriti album IX, «Rahvusküsimus» I) jne.

Üks osa «Noor-Eesti» tegelasi, kes varjasid end apoliitilisuse maski taha, orienteerusid imperialistliku Lääne manduvalle kultuurile, propageerisid «kunst kunsti pärast» ja «kunstil ei ole klassivaheid» dekadentlik-idealistslikke teooriaid. Rööbiti sellega levisid nad natsionalismi ja šovinismi ideid.

Natsionalismi propageeriti põhiliselt kahes vormis — kosmopolitismi ja eesti kodanliku natsionalismi vormis. Ajakirja «Noor-Eesti» motoks oli loosung: «Olgem eestlased, aga saagem ka eurooplasteks.» Mõned «Noor-Eesti» liidrid alustasid eriti agaralt ja intensiivselt kodanliku natsionalismi propageerimist.

J. Aavik, üks «Noor-Eesti» silmapaistvamaid liidreid, avaldas Eesti Üliõpilaste Seltsi IX albumis 1915. a. artikli «Rahvuslik tunne Eestis», milles ta valas krokodillipisaraid selle üle, et alates Kreutzwaldist kuni meie päevini pole ükski eesti publitsist, poliitikamees ega kirjanik püüdnud üldteoreetilisest vaatepunktist käsitleda rahvuse ja natsionalismi küsimust ning välja töötada natsionalistlikku rahvusfilosoofiat vastavalt eesti rahva elulaadile. Selle põhjuseks peab ta eesti rahva rahvustunde nõrkust. «Tõepoolest,» ütleb J. Aavik, «rahvuslik tunne on meil ikkagi nõrk, pealiskaudne, väga pealiskaudne. Ta on seda alati olnud. See on otse skandaal kui nõrk ta on.»⁵¹

⁵¹ J. Aavik, Rahvuslik tunne. Eesti Üliõpilaste Seltsi album IX, Jurjevis 1915, lk. 30.

Eesti töötajate rahvustunde nõrkuse kinnituseks toob J. Aavik asjaolu, et eesti kodanlikel natsionalistidel pole tänini õnnestunud tõmmata enda poole paljusid mõtlemaid inimesi. Viimaseid on tõmmanud enda külge sotsialismi magnet, sest see on tugevam. Suure kurvastusega märgib J. Aavik oma artiklis, et sotsialism võis pakkuda noortele inimestele suurte autoriteetide poolt välja-töötatud maailmavaadet ning et Venemaa noorsugu ülikoolides ja keskkoolides võttis entusiasmiga sotsialismi ideed omaks.

«Eesti noorelmehel,» viitab J. Aavik, «polnud muud teha, kui omandada need vaated ja nende vaadete poolehoidjaks heita.»⁵² Kodune rahvuslik liikumine pole pakkunud mingisugust teooriat ega andnud ühtegi äratavat kirjutist, mis oleks autoriteetselt tõestanud kodanliku natsionalismi seisukohtade õigsust.

J. Aavik kritiseerib teravalt Eduard Vildet ja Ernst Petersoni, et nad pole oma teoste motiivina kasutanud kodanlik-natsionalistlikke vaateid, vaid hoopis vastupidi — on püüdnud neid vaateid ironiseerida, kahtluse alla seada ja negatiivses valguses näidata. Artikli lõpus pöördub J. Aavik eesti kodanluse ideoloogide poole üleskutsega, et nad alustaksid rahvusküsimuse läbitöötamist ja tõhustaksid natsionalistlikku propagandat, mis võimaldaks kindlustada ja süvendada rahvahulkades kodanlikku reaktsioonilist ideoloogiat.

Et täita suurt lünka kodanliku natsionalismi «põhjemamisel», kirjutas H. Kruus artikli «Rahvus ja klass»⁵³, milles ta esitas rahvuse definitsiooni. See definitsioon kõlab järgmiselt: «Rahvuseks me nimetame inimeste rühma, kes ühesuguse saatuse osalistena pärivuse ja kultuurilise ühtesulamise läbi on omandanud ühtlase iseloomu ja ühised kultuurivormid. Rahvuslik iseloom on e l u e n e s e poolt vaotatud meie peale, ta on bioloogiline nähtus. Nii iseloomustab rahvust bioloogiline tunnusmärk.»⁵⁴

H. Kruusi rahvusteooria, tema rahvuse definitsioon ei hiilga originaalsuse ega sügavamõttelisuse poolest, sest see pole midagi muud kui plagiaat Austria «marksistide», revisionistide K. Springeri (Renneri) ja O. Baueri idealistlikust ja metafüüsilisest kodanlik-natsionalistlikust rahvusteooriast, mille purustas V. I. Lenin.

H. Kruusi rahvuse definitsioonis on ühine «saatus» ja «rahvuslik iseloom», mis figureerib ka Austria revisionistidel. Ent H. Kruusi rahvusteooriasse on rahvuse põhilise tunnuseks veel juurde lisatud rassiline, bioloogiline moment, mis leiab tema teoorias kindlat ja avameelset rõhutamist.

H. Kruus teeb kummarduse K. Kautski poole, kes olevat marksismi parandanud teoses «Ethik und Geschichtsauffassung» («Eetika ja ajaloo mõistmine»). Selles teoses olevat K. Kautski

⁵² J. A a v i k, viidatud teos, lk. 32.

⁵³ Sealsamas, lk. 39—56.

⁵⁴ H. K r u u s, Rahvus ja klass. Eesti Üliõpilaste Seltsi album IX, Jurjevis 1915, lk. 45.

näidanud, et ühiskonna arengu määravaks teguriks on «rahvuslik, tõuline tegur».

Rõhutades tõuomadusi, mis olevat rahvuse aluseks, kirjutab H. Kruus, et «nagu põhjamaalase valkjat nahavärvi ei saa «neegristada», nii ei saa ka pääseda omast rahvusest»⁵⁵

H. Kruus püüab tõestada, et ajalugu läbivat punase joonena rahvuste võitlus, mida tunti juba inimsoo koidikul. H. Kruus kirjutab, et Marxi koolis valitsevat tendents seletada kõiki ühiskondlikke antagonisme, nende hulgas ka rahvustevahelisi, klassivõitlusega, ent H. Kruusi seisukohalt «säärane monistlik ajaloovaade ei vii mujale kui ühekülgsale liialdusele, ajaloo seletamise vägistamisele»⁵⁶ H. Kruus seab klassivõitluse asemele rahvusliku antagonismi «seaduse». «Rahvuslik võitlus,» toonitab H. Kruus, «on antagonismi avaldus, mida on suurel määral iseloomustamas bioloogiline tunnusmärk.»⁵⁷

Järelikult on H. Kruusi arvates ühiskonna ajaloo otsustavaks jõuks rassiline, bioloogiline faktor, aga mitte klassivõitluse seadus. Rahvuses endas aga valitseb H. Kruusi arvates üldiste huvide ühtsus, sest samasse rahvusesse kuuluvaid inimesi liidab rassiline, tõuline ühtekuuluvus kui rahvuse arengut otsustav ja määrav jõud.

On arusaadav, et selliste natsionalistlike, rassistlike ideede levitamisest oli huvitatud eesti kodanlus. Natsionalismi propageerimine tumestas proletaarse hulkade ja kodanluse, hallparunite ja kehvikute ning sulaste vahelist klassiantagonismi, summutades ja lämmatades tööliste klassivõitlust kodanluse vastu.

Samasuguse eesmärgi teenistuses oli ka V. Ridala raamat «Tõuküsimus», mis käsitles tõu olemust ja tähendust, tõugude jaotust ja hindamist, ristlust ja selektsiooni, soome-ugri tõu küsimust.

Juba raamatu sisukord näitab, et tegemist on autoriga, kes avalikult propageerib rassistlikke reaktsioonilisi vaateid. V. Ridala rõhutab, et «tõug tingib, määrab mingi rahva sotsiaalse ühiskondliku arenemise»⁵⁸

Tõuline tegur, nagu väidab V. Ridala, määravat kogu rahvuse «kindlad, suuremad või vähemad looduse annid, ja nende piiridest üle ei aita teda miski asi, sest et need on looduse enese tõmmatud. Samuti on lugu, mis rahvusesse kuuluva isikuga, kelle avalduse võimalused tõug määrab»⁵⁹.

Sellessamas rassistlikus vaimus oli kirjutatud V. Ernitsa «traktaat» «Rahvusfilosoofilisest ilmavaatest».⁶⁰ V. Ernits, keda üldse

⁵⁵ H. Kruus, viidatud teos, lk. 45.

⁵⁶ Sealsamas, lk. 47.

⁵⁷ Sealsamas, lk. 48.

⁵⁸ V. Ridala, Tõuküsimus, Tartu 1914, lk. 8.

⁵⁹ Sealsamas, lk. 9.

⁶⁰ Eesti Üliõpilaste Seltsi album IX. Rahvusküsimus I, Jurjevis 1915, lk. 7—28.

iseloomustavad äärmiselt segased filosoofilised seisukohad, ründab materialistlikku ajalookäsitust sellepärast, et ajalooline materialism ignoreerivat, nagu ta väidab, «inimeste vaimliste võimete bioloogilist alust, pärivuse teel aastatuhandete, võib olla miljonite kestes kuhjunud energia kapitali»⁶¹

V Ernits kaitseb rassistlikku seisukohta, mille järgi «kõige tähtsamaks rahvusliku ilmavaate immanentseks, olgugi harilikult alateadvuses peituvaks aluseks on aga vere ja tõusugulus, rahvuse tõuline, füüsiline olemus. Selle kaudu on niihästi rahvas kui ka selle üksikud liikmed oma olemise saanud, mis kõige muu aluseks on»⁶².

V. Ernits süüdistab eesti rahvast «rahvusliku tunde» puudumises. Analüüsides rahvustunde puudumise põhjust, tuleb V Ernits järeldusele, et see seisnevat «üleüldse peenemate tundmuste puudulikus arenemises», mis olevat meie rahva «tõuliseks veaks». Seda viga süvendab V Ernitsa arvates «kogu praegune massilise sotsiaal-demokraatia jämedavõitu õhkkond oma tegeliku materialistliku eluvaatega, rahva mineviku elutarkusest pärandunud usu-liste, kõlbluslike, rahvuslike jne. «eelarvamuste» hävitamisega, klassiviha õhutamisega jne.»⁶³.

Et parandada seda eesti rahva «tõulist viga», on tarvis V Ernitsa arvates temale külge pookida, eelkõige aga töölisklassile, «bioloogilis-rahvussotsialistlikku» ilmavaadet.

Kodanliku diktatuuri aastad (1920—1940) tähistasid uut ajajärku natsionalismi ja šovinismi levimises Eestis. Kui Lääne-Euroopa kodanlus paljudes Euroopa maades kukutas feodaalse aristokraatia võimu ning kehtestas omaenda võimu revolutsioonilisel teel, siis eesti kodanlus tuli võimule mitte revolutsiooni, vaid kontrrevolutsiooni võidu tulemusena pärast rahvavõimu — nõukogude võimu — mahasurumist imperialistlike riikide abiga. Selle tõttu, et eesti töötaval rahval ei õnnestunud kodusõja aastail purustada kodanluse, parunite ja välismaiste interventide ühendatud jõude, kehtestati Eestis enam kui kahekümneks aastaks verine kodanlik diktatuur. See asjaolu vajutas oma pitseri ka eesti kodanluse teooria. Kodanlik Eesti jäi kogu oma eksisteerimise vältel truuks ja sõnakuulelikuks lääneriikide käsilaseks võitluses Nõukogude Liidu vastu. Eesti kodanlus muutis Eesti kapitalistlike riikide võitlusbaasiks maailma esimese sotsialistliku riigi — Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liidu — vastu. Kodanlik võimuaparaat, kodanlikud poliitilised parteid ja ühiskondlikud organisatsioonid — Eesti Rahvuslaste Klubi, vapside organisatsioon⁶⁴, Isamaa-

⁶¹ Eesti Üliõpilaste Seltsi album IX. Rahvusküsimus I, lk. 7.

⁶² Sealsamas, lk. 12.

⁶³ Sealsamas, lk. 15.

⁶⁴ Vapsid — Vabadussõjalaste Liit, kelle liikmeteks olid Nõukogude-vastast interventsioonist osavõtnud ja keda juhtisid fašistlikud avantüristid Sirk, Larka, Mäe jt.

liit, Eesti Üliõpilaskorporatsioonide Liit ja teised taolised organisatsioonid, kirik, kool, kõrgemad õppeasutused, kodanlik kunst ja kirjandus, kino ja raadio — üldse kodanlik pealisehitus tervikuna oli täielikult seatud eesti kodanluse egoistlike klassihuvide teenistusse.

Eesti kodanlusel tuli valitseda maal, kus oli kehtinud nõukogude võim, kus rahvas oli üle elanud Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni ega võinud enam leppida kapitalistliku korra restaureerimisega.

Sellepärast oli Eesti kodanluse võimutsemise ajal tema tähtsaimaks ülesandeks laialdaste rahvahulkade ja eelkõige noorsoo teadvuse mürgitamine natsionalismi ja šovinismiga.

Tähtsat osa kodanlik-natsionalistliku ideoloogia propageerimisel ja nõukogudevastase vaenu õhutamisel etendasid Eesti Rahvuslaste Klubi ajakiri «ERK»⁶⁵, Eesti Üliõpilaste Seltsi albumid X ja XI, ajakiri «Akadeemia» ja teised väljaanded. Natsionalismi ja šovinismi sisendati rahva teadvusse rafineeritult. Mõeldi välja igasuguseid kõlavaid loosungeid: «rahvusterviklikkus», «iseseisvus», «omariiklus», «rahvusliku ühiskonna psühholoogiline integratsioon», «eesti rahva ajalooline kutsumine», «turanism» kui soome-ugri hõimuliikumise üks avaldusvorme jne. Eesti kodanluse ideoloogid toetusid natsionalismi põhjendamisel kodanlikus sotsioloogias laialt levinud reaktsioonilisele idealistlik-metafüüsilisele rassiteooriale, samuti kodanliku sotsioloogia psühholoogilise koolkonna õpetustele.

Eesti kodanliku natsionalismi teoreetilisel põhjendamisel lähtub H. Kruus nii rassiteooriast kui ka «psühholoogilisest integratsioonist».

Artiklis «Rahvusterviklikkusest» (EÜS-i album XI, 1940) rõhutab H. Kruus, et «rahvusterviklikkuse» idee viib meid kõigepealt «rahvuse mõiste ja olemuse juurde» ning selleks olemuseks on «rahvus kui loodusnähtus kõigi oma bioloogiliste tunnustega, mida käsitletakse rassist, verest, eluruumist, kliimast, maastikust jne. tingitud «konstitutsiooniliste omadustena». H. Kruus näeb eesti rahva «ühise saatuse», «ühise hinge-elu», «rahvusliku ühiskonna psühholoogilise intergratsiooni» alust lõppude lõpuks bioloogilises, rassilises teguris, millel on rahvusliku psühholoogia kujunemisel määrav, otsustav tähtsus.

Eesti rahva laialdastes hulkades aga polnud bioloogilistel rassistlikel «teooriatel» kuigi suurt kõlapinda, seda enam, et hitlerlaste praktiline tegevus Saksamaal oli need «teooriad» põhjalikult diskrediteerinud ja kompromiteerinud. Et eesti rahvas suhtus umbusaldusega ja isegi vaenulikult rassistlikesse jaburdustesse, siis pidas H. Kruus otstarbekamaks lähtuda eesti kodan-

⁶⁵ Eesti Rahvuslaste Klubi üldmajanduslik kultuur-poliitiline ajakiri (1933—1940). Ajakirja toimetusse kuulusid Ed. Roos, L. Sepp, E. Kant ja teised, vastutavaks toimetajaks oli I. Tandre.

liku natsionalismi põhjendamisel mitte rassismi, biologismi, vaid psühholoogilise integratsiooni aspektist.

Teistsugusel seisukohal asus selles küsimuses aga V Ernits, kes oma artiklis «Jaan Tõnisson»⁶⁶ endiselt laulab hosiannat rassismile ja eugeenikale, nagu ta seda oli teinud varemgi, 25 aastat tagasi. V Ernits väidab, et «iga rahvas jaguneb eugeeniliselt «keskpäraseks massiks» ja «eugeeniliselt täielikumaks», kuid «vähemarvulisemaks rühmaks». Selleks et «täpselt kindlaks määrata eesti rahva eugeenilise andekuse kõverjoont», oleks vaja «terve eesti rahva antropoloogilist hinnangut statistiliselt väljendatud ühikutes ja saadud andmete korraldamist diagrammiks»⁶⁷.

V Ernits on arvamusel, et pole vaja oodata, millal selguvad antropoloogiliste uurimiste tulemused J. Tõnissoni kohta, sest võivat ette näha, et J. Tõnisson kuulub kahtlemata «eesti rahva eugeeniliselt positiivsete tippisikute väikesesse rühma, olles esimene nende hulgas». On ilma kommentaaridetagi selge, et sellel rassistlikul sonimisel pole midagi ühist ühiskonnateadusega.

Toodud faktidest võime saada selge kujutluse, missugune oli eesti kodanluse vaimne pagas, missugused olid tema arusaamad rahvusest, ühe sõnaga — milline oli eesti kodanluse rahvusfilosoofilise maailmavaate olemus.

Eesti kodanluse rahvusfilosoofia olemuses on järgmised põhimomendid.

1. Eesti kodanluse ideoloogide sotsioloogiliste vaadete kesket probleemi, tulipunkti, s. o. rahvusfilosoofiat iseloomustab eelkõige teoreetilise mõtlemise mandumine, täielik loobumine ühiskondlike nähtuste teaduslikust uurimisest ja tunnetamisest.

2. Eesti kodanlike natsionalistide jõupingutused olid keskendatud ja suunatud rahvuse mõiste samastamisele ja asendamisele rassi mõistega. Rahvuse mõistet aga ei saa samastada rassi mõistega, kui ei taheta sattuda vastuollu teadusega, sest rahvus on ajalooline, sotsioloogiline kategooria, mis erineb kvalitatiivselt rassist kui eelajaloolisest antropoloogilisest, bioloogilisest kategooriast. Rahvuse mõiste samastamine rassi mõistega tähendab tegelikult ajaloo seletamise vägistamist. Igasugused katsed samastada sotsiaalseid nähtusi bioloogilistega, näiteks rahvust rassiga, on kisenavas vastuolus teadusega.

3. Eesti kodanlikud natsionalistid asusid vääral seisukohal, et ajalooprotsessi liikumapanevaks jõuks on võitlus rahvuste-rasside vahel, mitte aga võitlus klasside vahel. Selle ebateadusliku reaktsioonilise idealistlik-metafüüsilise seisukoha eesmärgiks oli tumestada ja ähmastada sotsiaalsete nähtuste moonutatud kujutamise eesti töörahva klassiteadlikkust.

4. Eesti kodanlike ideoloogide vaadetes ei ole kohta ajalooprotsessi objektiivsetel seaduspärasustel. Ühiskondliku elu nähtuste käsitlemisel on eesti kodanlike ideoloogide vaadetes valit-

⁶⁷ V. Ernits, Jaan Tõnisson. «Akadeemia» 1939, nr. 1 (15), lk. 1.

seval kohal subjektivism, avalik või maskeeritud irratsionalism.

Eesti kodanlikud ideoloogid ei tunnusta ühiskondlik-majanduslike formatsioonide olemasolu, asendades formatsioonide vaheldumise mõiste «tsivilisatsioonide, kultuuride» vaheldumise mõistega. See võimaldas esitada ühiskonna arenemise protsessi idealistlikus, metafüüsilises valguses.

Eesti kodanluse ideoloogide jaoks ei eksisteeri selliseid ühiskonnateaduse kategooriaid, nagu tootmisviis, tootlikud jõud, tootmissuhted, mistõttu nad on kaotanud ühiskondliku elu nähtuste käsitlemisel objektiivse kriteeriumi ning on omaks võtnud subjektiivistliku käsituse, omistades määrava osa ühiskondlikus elus teadvusele, ideedele, psüühikale.

5. Rööbiti rahvuse rassistlike kontseptsioonidega, mille olemuseks on ühiskondliku elu nähtuste biologiseerimine, mis ei arvesta looduse ja ühiskonna arengu kvalitatiivset spetsiifikat, eksisteeris Eestis ka kodanliku sotsioloogia psühholoogilise koolkonna eri variant nn. «rahvusliku ühiskonna psühholoogilise integreerimise» näol.

Samastades sotsioloogia psüühikaga, psühholoogiaga ja kujutades inimeste vaimset, psüühilist tegevust ühiskondliku elu määrava tegurina, kaitsesid «psühholoogilise integratsiooni» teooria esindajad eesrindliku teaduse ja ühiskondliku praktika poolt ammu kummutatud idealistlikku ajalookäsitust. Absolutiseerides «rahvuslikku karakterit», ekspluateerides eesti rahva tõelisi patriootilisi tundeid ja rahvuslikku iseteadvust, taandasid «psühholoogilise integratsiooni» teooria esindajad kõik inimeste suhted psühholoogiliste suhete, «rahvusliku hingeelu», «rahvastervikluse» tasapinnale. Selle trikiga tahti kodanlikus Eestis üha teravnevaid antagonistlikke klassivastuolusid kaotada või vähemalt pehmenendada ja «lepitada». Oldi arvamusel, et seda on võimalik saavutada «psühholoogilise integreerimise» teel, sidudes kõik «vastuolulised rühmad teatava solidaarsusega», liites Eesti ühiskonnas eksisteerivad erinevad sotsiaalsed rühmad ühtsesse «rahvastervikusse».

Eesti kodanluse ideoloogide huvi psühholoogiliste probleemide vastu ei ole sugugi juhuslik, sest uurides masside psühholoogiat, püüti leida efektiivsemaid vahendeid rahvahulkade teadvuse mõjutamiseks, taotledes seejuures puhtpraktilist eesmärki — kuidas kõige kergemini ninapidi vedada rahvahulki, et neid muuta kodanluse sõnakuulelikuks tööriistaks.

7 Lõpuks võiks märkida, et eesti kodanluse «rahvusfilosoofia» sotsiaalne teenindav osa seisnes:

1) kapitalistliku korra kaitsmises ja õigustamises, laialdaste rahvahulkade eemaldamises võitlusest kapitalismi vastu, võitlusest ühiskondlike suhete revolutsioonilise ümberkujundamise eest;

2) raevukas võitluses töölisklassi revolutsioonilise teooria — marksismi, teadusliku materialistliku ajalookäsituse vastu.

Kapitalismi apoloogia — see oli eesti kodanluse «rahvusfilo-

soofia» peamine sisu, tema nn. sisemine funktsioon.

Mis puutub eesti kodanluse «rahvusfilosoofia» välispoliitilisse funktsiooni, siis oli ta täielikult seatud imperialistlike riikide agressiivse poliitika teenistusse, oli suunatud Nõukogude Liidu — maailmas esimesena võitnud sotsialismimaa — maha- tegemisele, vene- ja nõukogudevastase vaenu õhutamisele.

* *

*

V I. Lenini raamatul «Materialism ja empiriokrititsism» on suur tähtsus eesti kodanluse reaktsioonilise rahvusfilosoofia paljastamisel. Selleks et võitlus kodanliku ideoloogiaga oleks edukas, tuleb V I. Lenini õpetuse kohaselt alati paljastada vaenulike vaadete metodoloogilised alused. «. pole võimalik,» kirjutab V I. Lenin, «teha endale täiesti selgeks mittemingisugust viga, sealhulgas ka poliitilist viga, kui ei uurita välja vea teoreetilisi juuri.»⁶⁸ V I. Lenin lähtus kodanliku ideoloogia paljastamisel alati sellest põhimõttest. Võttes kodanliku sotsioloogia terava kriitikatule alla, lõi V I. Lenin tagasi uued rünnakud ajaloolisele materialismile ning tõstis materialistliku ajalookäsituse uuele, kõrgemale astmele. V I. Lenin purustas marksismi vaenlaste katsed asendada materialistlik ajalookäsitus idealistliku ajalookäsitusega. Eesti kodanlikud natsionalistid, samuti nagu mahhistidki, keda V I. Lenin paljastas, eitasid ühiskondlike protsesside materiaalsel alust ja nende arenemise objektiivset seaduspärasust. V I. Lenin kritiseerib teravalt Bogdanovi katset moonutada marksismi idealismi vaimus ja samastada ühiskondlik olemine ühiskondliku teadvusega. V I. Lenin näitab, et ühiskondlik teadvus peegeldab ühiskondlikku olemist, kuid ei ole temaga identne. Kaitstes ja süvendades teaduslikke kujutlusi ühiskondliku olemise primaarsest, määravast osast ühiskondliku teadvuse suhtes ning ühiskonna arenemise seaduste objektiivset iseloomu, kindlustas ja laiendas V I. Lenin sellega K. Marxi materialistliku ajalookäsituse vundamenti.

Mahhistid süüdistasid marksismi selles, et marksistlik teooria ei tugine bioloogilisele alusele. Samasuguse süüdistusega marksismi aadressil esinesid ka eesti kodanluse ideoloogid. V I. Lenin lükkab need mahhistide süüdistused tagasi ning paljastab geniaalse ettenägelikkusega bioloogiliste, rassistlike ühiskonnateooriate reaktsioonilise iseloomu ja metodoloogilise põhjendamatus. Nendest teooriatest kasvasid hiljem välja fašistide inimvihkajalikud rassiteooriad.

Mahhistid, samuti nagu eesti kodanluse ideoloogidki, asendasid ühiskondlike nähtuste tõelise konkreetse uurimise, ajaloolise materialismi täpsed teaduslikud mõisted — tootlikud jõud ja tootmissuhted, klassivõitlus, revolutsioon jne. — skolastiliste,

⁶⁸ V I. Lenin, Teosed, 32. kd., lk. 70.

mehaaniliste, bioloogiliste, psühholoogiliste jt. terminite ning riugastega, mida nad kas mõtlesid välja või laenasid Spencerilt, Mahhilt, Avenariuselt ja teistelt kodanlikelt sotsioloogidelt. Sellisteks terminiteks olid «integratsioon» ja «desintegratsioon», «energia», «assimilatsioon ja dissimilatsioon», «sotsiaalne valik», «võitlus olemasolu eest» jne.

V I. Lenin paljastas ühiskondliku elu küsimuste mahhistliku käsitusviisi, mis põhines bioloogilis-energeetilise terminoloogia rakendamisel ühiskondlike nähtuste käsitluses. Mahhistide «harjutuste» puhul kirjutas V. I. Lenin äärmise meelepahaga: «Kas võib kujutleda endale midagi rohkem viljatut, elutut ja skolastilist kui seesugune bioloogiliste ja energeetiliste sõnade rittalükkimine, sõnade, mis ühiskonnateaduste alal absoluutselt mitte midagi ei anna ega võigi anda?»⁶⁹ V I. Lenin rõhutab: «Ei ole midagi kergemat kui kleepida külge «energeetiline» või «bioloogilis-sotsioloogiline» nimesilt sellistele nähtustele nagu kriisid, revolutsioonid, klasside võitlus jms., kuid pole ka midagi viljatumat, skolastilisemat ja elutumat kui selline tegevus.»⁷⁰

Paljastades kodanliku sotsioloogia ebateaduslikku iseloomu, näitas V. I. Lenin veenvalt, et ei saa bioloogilisi mõisteid mehaaniliselt üle kanda ühiskonnateaduste valdkonda, sest ühiskondlik elu areneb omaenda spetsiifiliste seaduste alusel.

Teaduste vulgariseerijate vastu võideldes tõi Lenin esile ühiskondliku elu seaduspärasuste spetsiifilise iseloomu, nende erinevuse looduse arenemise seadustest. Lenin näitas, et ennast marksistideks pidavate mahhistide katsed (mis olid omased ka eesti kodanlikele natsionalistidele — O. S.) seletada sotsiaalseid probleeme analoogiliselt bioloogia, füüsika jne. nähtustega on taganemine ajaloolisest materialismist, on järeleandmine idealismile, loobumine Marxi klassivõitluse teooriast.

Purustanud mahhistide kõik väärkontseptsioonid nii filosoofias kui ka sotsioloogias, tegi V I. Lenin lõppjärelduse: «Uusim filosoofia on niisama parteiline kui kaks tuhat aastat tagasi Empiriokrititsismi objektiivne, klassiline osa seisab algusest lõpuni fideistide teenimises nende võitluses materialismi vastu üldse ja ajaloolise materialismi vastu eriti.»⁷¹

See Lenini prognoos on täiel määral kehtiv ka eesti kodanluse ideoloogide kohta, kes vastandasid oma mannetud ja viljatud filosoofilised ning sotsioloogilised seisukohad marksismile. V I. Lenin näitas, et parteilisuse printsiibi elluviimine tähendab lepitamatut võitlust marksismile vaenulike jõudude ja klasside kogu joone vastu. V I. Lenin näitas, et parteitus filosoofias ja sotsioloogias on «ainult põlastusväärne varjatud teenerlikkus idealismi ja fideismi ees»⁷²

⁶⁹ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 303.

⁷⁰ Sealsamas, lk. 304.

⁷¹ Sealsamas, lk. 332.

⁷² Sealsamas, lk. 330.

Parteilisuse eeskujuks seab V. I. Lenin K. Marxi ja F. Engelsi tegevust, kes olid «Filosoofias . . . algusest lõpuni parteilised ning oskasid avastada materialismist taganemist ja idealismi ning fideismi soodustamist kõigis ja igasugustes «uusimates» suundades»⁷³. V. I. Lenini poolt edasiarendatud parteilisuse põhimõte on võimsaks relvaks võitluses kaasaegse kodanliku ideoloogia igasuguste väljendusviiside vastu.

Meie ajastul on järsult teravnenud ideoloogiline võitlus kõikides maades progressiivsete ja reaktsiooniliste jõudude, proletarse ja kodanliku maailmavaate vahel. Rahu, demokraatia ja sotsialismi leeri jõud kasvavad ja tugevnevad. Sotsialismi võit NSV Liidus, sotsialistlikud ümberkujundused Hiinas ja teistes rahvademokraatia maades, imperialismi koloniaalsüsteemi jätkuv lagunemine, koloniaalmaade rõhutud rahvaste rahvusliku vabastusliikumise tohtu arenemine — see kõik kinnitab marksismi-leninismi õigsust ning on reaalseks eelduseks progressiivsete materialismi ideede levimisele töötajate laialdastes hulkades. Marksismi-leninismi ideed näitavad rahvastele nende tõelisele vabanemisele viivat teed ja sellepärast vallutavad teadusliku sotsialismi ideed üha enam lihtsate inimeste südant ja mõistust. Inimkond elab üle murrangulist epohhi. Kodanlik ideoloogia takerdub sügavas kriisis, millest pole mingit väljapääsu. Ta on sattunud ummikusse ning demonstreerib üha enam oma tõekspidamiste pankrotti.

Seda tõsiasja on sunnitud konstateerima paljud kodanlikud filosoofid.

Näiteks Ameerika filosoof Niebuhr kirjutab: «Meie viibime rinde eeslinil, kuid meie ideoloogiline relv osutub sageli niisama kõlbmatuks nagu omal ajal rüütlite piigid, siis kui pussirohi heitis väljakutse nende valitsemisele.»⁷⁴

Tänapäeval on isegi marksismi vaenlased sunnitud oma meelehärmiks tunnistama, et marksistliku filosoofia mõju töörahvahulkadele kasvab kogu maailmas.

Lääne tuntud filosoofile B. Russellile esitati küsimus, keda ta peab kaasaja kõige mõjukamaks filosoofiks. B. Russell vastas lakooniliselt: «Ma arvan, et viimastel aastatel on kõige suuremat mõju avaldanud Marx . . . temal on palju suurem mõju kui kellelgi muul.»⁷⁵

Püüdes paralüseerida seda mõju, korraldavad kodanlikud filosoofid üha sagedamini raevukaid rünnakuid marksismi vastu, et teda uuesti ja veel kord ümber lükata. Kuid kõik need marksismivastased rünnakud on võimetud peatama või takistama eesrindlike ideede triumfi.

Marksismile kallalekippumised on olnud tagajärjetud ja jää-

⁷³ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 314.

⁷⁴ R. Niebuhr, The Irony of American History, New-York, 1952, lk. 16.

⁷⁵ «Atlantic», August, 1952.

vad tagajärjetuks. Kriitikatules, võitluse käigus karastub mark-sism veelgi ja muutub üha täiuslikumaks, areneb edasi. Eesrind-likud inimesed hakkavad aru saama, et võitluses ühelt poolt rahu, demokraatia ja sotsialismi jõudude ning teiselt poolt sõja ja fašismi jõudude vahel ei saa olla neutraalset positsiooni, sest lõppkokkuvõttes see võitlus otsustab kogu inimsoo tuleviku. Ei saa jääda pealtvaatajaks selles hiiglaslikus lahingus, mis toimub kahe vastandliku leeri vahel maailmas.

A. Jakobson oma näidendis «Elu tsitadellis» demonstreeris veenvalt ja eredalt kodanliku intelligentsi apoliitilise hoiaku, tema illusoorsete tõekspidamiste kokkuvarisemist. Professor Mii-las, selle näidendi keskne kuju, püüdis küll leida tormilises elu-voolus varjupaika vaikselt sadamas, «elu tsitadellis», kuid see lõppes täieliku pankrotiga.

Idealismil on veel suur mõju kapitalistlikes maades. Kuid praegu pole imperialistliku kodanluse ideoloogia enam jagama-tult valitsevaks ideoloogiaks.

Idealistlike koolkondade vastas seisab võimas, üha kasvav materialismi leer, kelle eesotsas on kommunistid.

Inglismaal peavad H. Pollitt, M. Cornforth ja teised kommu-nistid võitlust loogilise positivismi, pragmatismi ja semantismi ning muude «ismide» vastu.

Prantsusmaal võitlevad M. Thorez, J. Duclos ja R. Garaudy eksistentsialismi, neotomismi ja teiste idealistliku filosoofia uusi-mate erikujude vastu.

USA-s võitlevad J. Foster, Dennis ja teised pragmatismi, loo-gilise positivismi, personalismi ja teiste reaktsioonilise kodanluse filosoofiliste voolude vastu.

Mida enam süveneb kapitalismi kriis, mida suuremaid edu-samme teeb sotsialistlike maade leer eesotsas Nõukogude Li-i-duga, seda enam lõovad materialistliku mõtte võimsate löökide all kõikuma idealismi positsioonid ja seda rohkem parimaid intel-ligentsi esindajaid vabaneb kodanlikest eelarvamustest ning pöö-rab oma pilgu rahu, demokraatia ja sotsialismi leeri poole.

See protsess on seaduspärane ja vältimatu, samuti nagu on seaduspärane ja vältimatu imperialistliku kodanluse — sureva klassi — reaktsioonilise ideoloogia lagunemine ja mandumine.

Paljud ausad progressiivsed kapitalistlike maade intelligentsi esindajad — teadlased, kunstnikud, filosoofid jt., kes varem kodanlike eelarvamuste mõjul ja piiratud ühiskondliku silmaringi tagajärjel sageli ekslesid idealismi rägastikus, rebivad end lahti reaktsioonilise kodanluse filosoofia dogmade kammitsast. Nad püüavad nüüd mõista ja omandada dialektilist materialismi ning selle valguses revideerida ja ümber hinnata oma endised filosoo-filised tõekspidamised. H. Selsam arvustab teravalt Ameerika kodanlikku reaktsioonilist filosoofiat, eriti J. Dewey instrumen-talismi, oma artiklis «Pragmatism — Ameerika imperialismi filo-soofia», H. G. Wells paljastab reas artiklis ja raamatuis prag-

matismi, neorealismi. Nendest artiklitest ja raamatutest on tõlgitud vene keelde «Sõja filosoofia», «Whitehead'i filosoofia», «Pragmatism — imperialismi filosoofia».

Ameerika progressiivne teadlane P. Tilden näitab oma töös «Materialism ja empiriokrititsism» ja kaasaegse füüsika kriis» kodanliku teaduse mandumist pärast V. I. Lenini raamatu «Materialism ja empiriokrititsism» ilmumist ning paljastab kaasaegset füüsikalist idealismi.

D. Lewis, inglise progressiivne filosoof, paljastab raamatus «Marksism ja kaasaegne idealism» marksistliku filosoofia positsioonilt idealismi ja agnostitsismi.

Väljapaistev inglise füüsik J. Bernal, Londoni Kuningliku Ühingu liige, propageerib reas raamatutes marksistlik-leninliku filosoofia ideid, näitab nende tohutu suurt tähtsust kaasaegse loodusteaduse arengule ja paljastab kodanliku idealistliku filosoofia reaktioonilist olemust.

Ka kodanlikus Eestis toimus haritlaskonna hulgas käärimise ja kihistumise seaduspärane protsess. Kodanliku intelligentsi kõige ausamad ja progressiivsemad esindajad hakkasid üha selgemini aru saama, et võimul olev kodanlus oli muutnud Eesti imperialistlike riikide jõuetuks satelliidiks ja sõjaliseks platsdarmiks, oli tõuganud maa kuristiku äärelle. Nad otsisid sellest ummikust väljapääsu. Töölisklassi revolutsiooniline võitlus, rahva kasvav demokraatlik liikumine, Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni ja NSV Liidus sotsialismi ehitamise edusammud tõendasid marksismi-leninismi ideede õigsust. Paljud eesti progressiivse intelligentsi esindajad, nähes endiste kodanlik-natsionalistlike illusioonide purunemist, pöörasid oma pilgu marksismi-leninismi õilsate ideede poole ning alustasid koos töörahvaga võitlust oma rahva parema tuleviku eest, mida kroonis sotsialismi võit Eestis. Üheks selliseks kodanliku Eesti progressiivse intelligentsi esindajaks, kes loobus oma endistest ekslikest vaadetest, oli bioloogiadoktor A. Audova. Ta kasvas kodanlikust liberaalist marksistiks, dialektilise ja ajaloolise materialismi pooldajaks ning propageerijaks. Deklaratsioonis «Eesti töörahvale» 1932. a. kritiseeris A. Audova teravalt eesti kodanluse rahvusfilosoofiat, naeruvääristas kodanlikke ideolooge, kes lobisesid Eesti iseseisvusest. A. Audova rõhutas, et see iseseisvus pole andnud töölisklassile mitte midagi peale viletsuse, tööpuuduse ja häda. See «iseseisvus» oli tarvilik ainult eesti kodanlusele, selleks et teostada oma rahvuslikku klassidiktatuuri töörahva üle. Kodanlus tunnistab ainult sel juhul isamaad ja oma rahvast, kui see toob temale tulu ja võimaldab tal rohkem kasumeid välja pressida.

Veidi hiljem, pärast 1940. a. juunipööret, siirdus marksistliku filosoofia positsioonile väljapaistev kodanliku Eesti teadlane, Tartu ülikooli filosoofiaprofessor A. Koort. Ta võttis oma endised eelarvamused, väärkäsitused ja väärarusaamad resoluutselt krii-

tika ja enesekriitika alla. 1940/1941. a. Tartu Riiklikus Ülikoolis peetud dialektilise ja ajaloolise materialismi kursuse loengutes, samuti «Rahva Hääles» avaldatud artiklis «Minevikust ja tänapäevast»⁷⁶ paljastab A. Koort teravalt reaktsioonilist kodanlikku filosoofiat, eriti I. Nietzsche militarismi filosoofiat, tema inimvihkajalikkude «toore jõu» ja «soomustatud rusika» kultust, H. Bergsoni irratsionalismi, H. Heideggeri, K. Jasperi ja I. P. Sartre'i eksistentsialismi, Whitehead'i ja A. Alexanderi neorealismi ja teisi kaasaja kodanlikke reaktsioonilisi filosoofilisi koolkondi. A. Koort saab aru, et dialektiline materialism on võimsaks relvaks, asendamatuks vahendiks kodanliku ideoloogia reaktsioonilise loomuse paljastamisel. «Ainult dialektilise materialismi omandamine võimaldab meil edukalt võidelda kõigi nende väärkontseptsioonide vastu, millega kodanlik ideoloogia üle ujutab ka teaduse ja teadlased,» kirjutab A. Koort.

«Nõukogude teadlane,» rõhutab A. Koort, «ei saa ega tohi olla apoliitiline ja erapooletu käimasolevas suures ja teravas heitluses ühelt poolt tõelise vabaduse, demokraatia, progressi ja rahu eest ning teiselt poolt reaktsiooni, fašistliku tagurluse ja imperialistlike sõjaõhutajate vahel nii poliitikas kui ka teaduses, kirjanduses ja kunstis. Nõukogude teadlased on uhked sellele, et nad võivad kõige vahetumal viisil osa võtta võitlusest progressiivsete, tõeliselt demokraatlike ideede eest ja osa võtta võitlusest pseudo-teaduslike, obskurantlike ideede vastu, kodanliku ideoloogia reaktsiooniliste voolude vastu, esinegu nad mis tahes avalikul või maskeeritud kujul. Nõukogude rahvas nõuab oma teadlastelt visa võitlust kõigi nende traditsioonide, kõigi nende jäänuste vastu inimeste teadvuses, mis on võõrad nõukogude kultuurile ja teadusele.»⁷⁷

Nõukogude Eesti haritlased, Nõukogude Eesti teadlased, kunstnikud, kirjanikud, õpetajad jt. omandavad üha sügavamalt dialektilist materialismi, paljastavad üha selgemini kodanliku ideoloogia alusel kujunenud ebateaduslikke teooriaid ning juhinduvad oma praktilises töös marksismi-leninismi helgetest ideedest, Kommunistliku Partei poliitikast.

Meie maa on astunud uude, väga tähtsasse arenguperioodi — kommunistliku ühiskonna laiahaardelise ehitamise perioodi.

Partei XXI kongressil vastuvõetud otsused relvastavad parteid ja nõukogude rahvast kommunismi ehitamise grandioosse programmiga ning kujutavad endast marksismi-leninismi loova rakendamise ja arendamise eeskujul uuel ajaloolisel ajajärgul. Kommunistliku ühiskonna laiahaardelise ehitamise periood on kommunismi objektiivsete materiaalsete eeltingimuste loomise protsess, ent samal ajal ka kommunismi subjektiivsete, vaimsete

⁷⁶ «Rahva Hääle» 1948, 29. III.

⁷⁷ Sealsamas.

eelduste loomise protsess. See on mineviku igandite likvideerimise hoogne protsess, nende igandite täielik ületamine, nõukogude inimeste kasvatamine uue ühiskonna kõrgete moraaliprintsipiide vaimus, marksistlik-leninliku maailmavaate vaimus.

Meie vabariigi elanike hulgas on veel mahajäänud, vähese teadlikkusega inimesi, aga ka natsionalistlikult meelestatud elemente, kes usuvad valelikku propagandat, mis on suunatud rahvaste sõpruse õilsa idee vastu. Ei tohi jääda rahulikult ootama, millal need kapitalismi igandid iseendast kaovad. Nende vastu on tarvis pidada resoluutset võitlust. Kogu meie ideoloogiline töö peab kandma võitlevat, pealetungivat iseloomu. V. I. Lenini ülemaailmse ajaloolise tähtsusega teos «Materialism ja empiriokrititsism» kujutab endast ka tänapäeval teravat relva võitluses kaasaegse reaktsioonilise kodanliku ideoloogia vastu, kuid samuti ka vahendit nõukogude rahva kasvatamisel kommunismi vaimus. Nõukogude rahvas sammub Kommunistliku Partei juhtimisel marksismi-leninismi lipu all kindlalt edasi ja loob kõige parema, kõige õiglasema ühiskonna maailmas — kommunistliku ühiskonna.

КНИГА В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ РЕАКЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ЭСТОНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

О. Штейн

Резюме

Данная работа не претендует на исчерпывающий анализ эстонской буржуазной философии и социологии, но ставит перед собою задачу рассмотреть в свете гениального произведения В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» некоторые характерные и существенные черты, присущие основным направлениям эстонской буржуазной философии и социологии.

Уже в эпоху реакции наблюдается увлечение известной части эстонской националистической буржуазии модными западноевропейскими реакционными течениями в области философии, особенно махизмом. В эстонском журнале «Noor Eesti» № 3, 1910 г была опубликована обширная статья эмпириосимволиста П. Юшкевича «Marksismuse filosoofiline käärimine» (Философское брожение марксизма). В этой и других статьях превозносятся субъективно-идеалистическая философия в ее новой модной разновидности, как якобы высшая ступень в развитии философии. Накануне и в период первой мировой империалистиче-

ской войны получили в Эстонии широкое распространение также реакционные буржуазно-националистические и расистские теории, главной особенностью которых является отождествление законов природы с законами общества, биологизация общественных явлений.

В 1920 г. эстонской буржуазии удалось при поддержке империалистов Запада установить свою диктатуру под флагом так называемой Эстонской буржуазной республики. Ориентация эстонской буржуазии на Запад, ее низкопоклонство, холопство перед западно-европейской реакционной буржуазной культурой нашли свое выражение и в низкопоклонстве перед реакционной буржуазной западно-европейской философией и в смертельной ненависти и враждебности по отношению к марксистской философии. Идеалистическая философия неокантианцев, прагматизм Джемса и Дьюи, крайне реакционные взгляды Ницше, Шпенглера и Шопенгауэра, интуитивизм Бергсона, иррационализм, персонализм и т. д., — вот чем отравляли и калечили сознание эстонской интеллигенции. По линии социологии эстонская буржуазия продолжала с еще большим рвением внедрять в сознание широких масс эстонского народа и прежде всего молодежи реакционную националистическую идеологию.

В данной работе подвергаются анализу и критике некоторые философские произведения наиболее крупных представителей буржуазной философской мысли в Эстонии: доктора философии, профессора Тартуского университета А. Коорта «*Pragmatism, ameeriklaste maailmavaade*» (Прагматизм — мировоззрение американцев) доктора философии Тартуского университета В. Фреймана «*Filosoofia peaküsimusi*» (Основные вопросы философии), профессора теологии Тартуского университета Е. Теннмана «*Hinge sügatus*» (Бессмертие души), а также некоторые социологические работы профессора Х. Крууса и других менее заметных представителей эстонской буржуазной философской и социологической мысли.

Автор показывает, что работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» наносит сокрушительный удар всем ненаучным идеалистическим философским и социологическим концепциям эстонской буржуазии.

В наши дни, когда идеи марксизма-ленинизма одержали блестящую победу и стали основой непосредственной практики более чем миллиарда человек, борьба за окончательное преодоление пережитков прошлого составляет важнейшую задачу коммунистического воспитания.

Работники идеологического фронта Советской Эстонии ведут неустанную борьбу против пережитков буржуазной идеологии за коммунистическую идеологию — самую прогрессивную и подлинную научную идеологию современности.

V. I. LENIN'S BOOK «MATERIALISM AND EMPIRIOCRITICISM» AND ITS IMPORTANCE IN THE FIGHT AGAINST THE REACTIONARY PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY OF THE ESTONIAN BOURGEOISIE

O. Stein

S u m m a r y

The paper does not claim to be an exhaustive analysis of the Estonian bourgeois philosophy and sociology, but it has for its aim to examine in the light of V. I. Lenin's great work «Materialism and Empiriocriticism» some characteristic and essential features prevalent in the main trends of Estonian bourgeois philosophy and sociology.

Already in the period of tsarist reaction we can notice an enthusiasm of a certain part of the Estonian nationalistic bourgeoisie for fashionable West-European reactionary movements in the field of philosophy, especially for Machism. In the Estonian periodical «Noor Eesti» No. 3, 1910, is published a lengthy article of the empirio-symbolist P. Yushkevich «Philosophical Fermentation of Marxism». In that and other articles the subjective-idealistic philosophy in its new fashionable version is extolled as if it were the highest stage in the development of philosophy. Immediately before and during the First Imperialist World War reactionary bourgeois-nationalistic and racist theories were also widely spread in Estonia, the main feature of them being the identification of the laws of nature with the laws of society, the biologization of the social phenomena.

In 1920 the Estonian bourgeoisie, with the support of the Western imperialists, succeeded in establishing its dictatorship under the banner of the so-called independent Estonian Republic. The orientation of the Estonian bourgeoisie towards the West, its grovelling servility before the reactionary West-European bourgeois culture found its expression also in servile admiration of reactionary West-European bourgeois philosophy and a mortal hatred of Marxist philosophy. The idealistic philosophy of the Neo-Kantians, the pragmatism of James and Dewey, the extreme reactionary views of Nietzsche, Spengler and Schopenhauer, the intuitivism of Bergson, irrationalism, personalism, etc. — all served to poison and to distort the consciousness of the Estonian intelligentsia. In the line of sociology the Estonian bourgeoisie continued to instil reactionary nationalistic ideology into the consciousness of the broad masses of the Estonian people, of the youth in particular.

In the present paper has been given an analysis and criticism of some works of the most prominent representatives of the bourgeois philosophical thought in Estonia: «Pragmatism, the world

outlook of the Americans», by A. Koort, Doctor of philosophy and professor of Tartu State University; «Main problems of philosophy», by W. Freymann, Doctor of philosophy of Tartu University; «The immortality of the soul», by E. Tenmann, professor of theology of Tartu University, and also some sociological writings of Professor H. Kruus, and of other less notable representatives of the Estonian bourgeois philosophical and sociological thought.

The author shows that V. I. Lenin's work «Materialism and Empiriocriticism» deals a crushing blow to all the unscientific and idealistic philosophical and sociological conceptions of the Estonian bourgeoisie.

In our days, when the ideas of Marxism-Leninism have won a decisive victory and have become the basis of the immediate practice of more than a thousand million people, the struggle for the final eradication of the survivals of the past constitutes a major task of communist education.

Workers on the ideological front of Soviet Estonia are carrying on an indefatigable fight against the survivals of bourgeois ideology and for communist ideology, the most progressive and genuinely scientific ideology of the present time.

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕРАСТАНИЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ

Р. Блюм

Кафедра диалектического и исторического материализма

Создателем теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую является основатель Коммунистической партии Советского Союза В. И. Ленин. Он сформулировал главные положения этой теории, глубоко изучив конкретно-историческую обстановку России и других стран, вступивших в период империализма, но еще не завершивших буржуазно-демократических преобразований. Вместе с тем В. И. Ленин исходил из положений К. Маркса и Ф. Энгельса о непрерывной революции, и его теория явилась дальнейшим продолжением идей, высказанных основоположниками научного социализма.

В начале XX века центр революционного движения переместился в Россию, где назревала народная революция, буржуазно-демократическая по своему характеру, во главе которой шел самый революционный в мире пролетариат. Была реальная возможность перерастания этой революции в революцию социалистическую.

Поэтому понятен огромный интерес вождя большевиков к вопросу о характере, движущих силах и особенностях перерастания. Уже в 1894 г в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин указывал на тесную связь общедемократических и социалистических задач. В той же работе он ясно сформулировал идею гегемонии пролетариата в демократической революции. Таким образом, были выдвинуты те положения, которые впоследствии легли в основу теории перерастания. В работах конца XIX и начала XX в. В. И. Ленин глубоко проанализировал экономическое положение России, показал движение и связь противоречий, составлявших главную причину назревающей революции.

Сильный толчок развитию ленинской теории революции дали революционные события 1905-07 гг. На состоявшемся в этот период III съезде партии была принята научно обоснованная

тактическая платформа, которая опиралась на принципы теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В решениях III съезда РСДРП, в целом ряде статей периода революции и главным образом в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» изложены основные положения ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Эта теория стала краеугольным камнем стратегии и тактики большевизма на весь период до победы социалистической революции.

После поражения революции 1905—07 гг. В. И. Ленин продолжал разработку, углубление и уточнение теории перерастания. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим лишь основные моменты. Во-первых, дальнейшая разработка аграрного вопроса. Анализ противоречий и тенденций развития в сельском хозяйстве, борьбы прусского и американского путей развития капитализма в деревне показал, что для перерастания имеется объективная экономическая и социальная основа. Во-вторых, создание теории империализма. Излюбленным аргументом меньшевизма и оппортунистических лидеров II Интернационала было утверждение, что капиталистический способ производства еще себя не исчерпал, что еще нет объективных условий для социализма. Раскрыв основные экономические и политические особенности империализма, В. И. Ленин неопровержимо доказал, что монополистический капитализм является материальной подготовкой социализма, что между ним и социализмом никаких переходных стадий нет. Социалистическая революция стала непосредственной задачей дня, и не только в высокоразвитых капиталистических странах, но и в тех, экономика которых еще не освободилась от оков феодальных отношений. В-третьих, обоснование теории о победе социализма в одной стране. В результате тщательного изучения экономики и политики империализма В. И. Ленин открыл закон неравномерного экономического и политического развития различных стран и на основе этого закона пришел к выводу о возможности победы социализма в одной стране. Нетрудно видеть теснейшую связь этого учения с теорией перерастания. Итак, перед своей новой революцией российский пролетариат имел подробно разработанную, теоретически глубоко обоснованную, исходящую из объективных законов исторического развития, программу действия, которая, как известно, и была блестяще проведена в жизнь.

Рассмотрим, на каких философских и социологических основаниях строится теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Определим сначала содержание понятия «перерастание». Перерастание — это процесс, связывающий две группы разнородных противоречий, два разных качественных состояния, точнее, процесс превращения одного качественного состояния в другое,

процесс, идущий непрерывно (поэтому термин «перерастание революции» идентичен термину «непрерывная революция») При этом в процессе перерастания в старом качестве создаются все главные условия для возникновения нового качества.

Но в таком случае перед нами обыкновенный переход количественных изменений в качественные, диалектический скачок. Несомненно, закон перехода количества в качество, отражая наиболее общие закономерности развития, может также в основном объяснить процесс перерастания. Но это еще не раскрывает специфики исследуемого явления. Специфика перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, как своеобразного проявления закона перехода количества в качество, состоит, по нашему мнению, в том, что в процессе становления одного качественного состояния начинается становление другого, или, иными словами, когда еще не закончено оформление одного качества (буржуазно-демократический строй) начинается создание нового высшего качества (социалистический строй). Таким образом, вся революционная эпоха представляет из себя большой скачок, в котором в едином непрерывном процессе объединены два разнородных скачка.

Встает вопрос: как возможно такое объединение? Чем объяснить непрерывность процесса, перерастание одной революции в другую? Ответ на эти вопросы неизбежно приводит к проблеме внутренней причины, источника данного процесса. Диалектическая концепция развития требует искать этот источник в единстве и борьбе противоположностей. Следовательно, нужно проанализировать в первую очередь внутренние противоречия, определяющие возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Непрерывность процесса перерастания находит свое объяснение, на наш взгляд, во взаимосвязи и взаимодействии основного и главного противоречий. В связи с этим необходимо указать на различия между основным и главным противоречием, тем более, что в литературе часто эти категории отождествляются. Во всяком процессе имеются многочисленные противоречия, играющие в нем различную роль. Основное противоречие — это такое противоречие, которое определяет самую глубокую сущность данного процесса, обуславливает качество этого процесса как органического целого и оказывает влияние на все другие противоречия, связанные с этим процессом. Оно существует с самого начала процесса до конца его и всегда является внутренним противоречием. Главное противоречие — это противоречие одного из этапов развития того же самого процесса, которое на этом этапе «играет ведущую, решающую роль, тогда как остальные занимают второстепенное и подчиненное положение».¹ Оно может быть как внутренним, так и внешним. Главное противоречие может совпадать с основным и может от-

¹ Мао Цзе-дун, Избранные произведения, т. 2, М., 1953, стр. 443.

него отличаться, при одном основном противоречии могут быть различные (разновременно) главные противоречия. Разрешение главного противоречия создает условия для решения основного, если они различаются, и разрешение главного есть решение основного противоречия, если они совпадают. Разумеется, при определении главного и основного противоречий необходимо учитывать круг явлений, принцип конкретности истины, ибо то, что выступает в одном отношении как основное или главное противоречие, в другом отношении таковым не является.

Можно предвидеть возражение: зачем говорить о двух родах противоречий, когда в каждый данный момент главным и основным практически является одно, за разрешение которого и идет борьба. Но это возражение не учитывает взаимодействия противоречий различной глубины, противоречий на ступенях различных сущностей, игнорирует постоянное, большее или меньшее, влияние основной связи процесса на все явления, к нему относящиеся. В политической практике и вообще в общественной жизни забвение этого различия может принести большой вред. Пренебрежение этим различием приводит либо к сектантскому отказу от борьбы за общедемократические интересы, к перепрыгиванию через неизжившие себя стадии движения во имя достижения конечной цели (разрешение основного противоречия), либо к вариациям известного ревизионистского тезиса «движение — все, конечная цель — ничто». Нужно помнить, что разрешение главного противоречия создает условия для решения основного противоречия, что особенно хорошо показано в ленинских положениях об основном звене в цепи исторических событий.²

Как же взаимодействуют основное и главное противоречие в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую? Перерастание объединяет в единый процесс две революции, причем противоречия между производительными силами и феодальными производственными отношениями разрешаются методом буржуазно-демократической революции, а противоречия между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями разрешаются методом социалистической революции. Возможность перерастания зависит от зрелости (достижения стадии конфликта) обеих групп противоречий. Значит, оно возможно только в период умирающего капитализма, в период империализма.

Основным противоречием капиталистического способа производства является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Наивысшей остроты достигает это противоречие в эпоху империализма. Оно характеризует самую глубокую сущность капиталистического общества со времени его установления до его гибели. Оно оказывает определяющее воздействие на все экономические и клас-

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 244; т. 33, стр. 89, 270—271.

совые, а в конечном счете на все политические и идеологические противоречия капиталистической общественно-экономической формации. Оно выступает на поверхности общественной жизни как ожесточенная классовая борьба между наемными рабочими и капиталистами.

Но чистого империализма никогда не существовало, и существовать в реальной жизни он не может. В период империализма рядом с монополиями, рядом с финансовым капиталом имеется свободная конкуренция, имеется, как говорил В. И. Ленин, «старый капитализм».³ Вместе с тем во многих капиталистических странах имеют место более или менее значительные остатки феодализма. Следовательно, во многих странах не проведены буржуазно-демократические преобразования в экономике и политике, т. е. эти страны не пережили буржуазно-демократической революции. Но даже там, где эти революции совершились, они не всегда были доведены до конца — во многих странах буржуазные революции кончились сделкой контрреволюционной буржуазии с помещиками-феодалами за счет народных масс. Таким образом, основное противоречие капиталистического способа производства как бы окутано густой сетью различных противоречий, многие из которых унаследованы еще от феодальной общественно-экономической формации.

В этих условиях главное противоречие не может совпадать с основным. Главным противоречием является противоречие между производительными силами и феодальными или полуфеодальными производственными отношениями, которое в социальной области выступает как противоречие между помещиками и крестьянством, в политической области как противоречие между демократией и абсолютизмом (может быть противоречие и другого порядка, скажем, между политической раздробленностью и необходимостью буржуазного централизованного государства, как это было в Германии 1848—1871 гг., или между иностранными поработителями и народом, борющимся за национальную независимость, как это было во многих странах Восточной Европы).

Необходимым предварительным условием дальнейшего прогрессивного развития страны при несовершенной или незавершенной буржуазной революции, непосредственной задачей дня, объединившей вокруг себя самые широкие массы народа, становится разрешение этого противоречия. Поэтому-то оно и характеризуется как главное.

С другой стороны, разрешение главного противоречия служит предпосылкой для разрешения основного противоречия. Отсюда следует известное марксистское положение о невозможности бороться за социализм без предварительной борьбы за демократию. Рабочие, писал К. Маркс еще в 1847 г. «могут и должны

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 144—149.

участвовать в буржуазной революции, поскольку она является предпосылкой рабочей революции».⁴ Эту же мысль неоднократно обосновывал В. И. Ленин, — достаточно упомянуть его работу «Две тактики социал-демократии в демократической революции».⁵

При разрешении любого противоречия необходимо, чтобы та противоположность, со стороны которой исходит действие на уничтожение старого качества, стала, если можно так выразиться, сильнее, чем другая противоположность (главная сторона противоречия), которая действует в направлении сохранения старого качества. Осуществление такого перевеса требует создания соответствующих условий, которые могли бы обеспечить реальную возможность⁶ разрушения старого качества и создание нового. Разрешение главного противоречия есть процесс создания условий для решения основного противоречия. Так, буржуазно-демократическая революция создает такие необходимые условия осуществления социалистической революции, как организация и укрепление пролетариата, как упрощение всех классовых противоречий, дающее возможность революционному классу ясно видеть свои социалистические задачи, как привлечение к революционной борьбе самых широких масс трудящегося крестьянства, наконец, как ослабление сил враждебного эксплуататорского лагеря. При наличии всех необходимых для данного процесса условий начинается его осуществление.⁷

Итак, существует неразрывная связь между разрешением главного и основного противоречий в конкретных условиях революции эпохи империализма. Эта связь является объективной основой процесса перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Из сказанного также ясно, что нельзя метафизически противопоставлять завершение буржуазно-демократической революции и начало революции социалистической: завершение буржуазно-демократической революции и есть начало революции социалистической.

Необходимо также проанализировать основы теории перерастания с точки зрения исторического материализма, марксистской социологии. Здесь, по нашему мнению, можно выделить две основные проблемы: во-первых, роль важнейшего социологического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил в процессе перерастания, и, во-вторых, соотношение объективных и субъективных факторов общественного развития в ходе революционных преобразований.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-ое, т. 4, стр. 313.

⁵ См. В. И. Ленин, Соч. т. 9.

⁶ «Реальная возможность составляет целекупность условий». Гегель, Наука логики. Соч., т. V, М., 1937, стр. 660.

⁷ «Если имеются налицо все условия какой-нибудь мыслимой вещи, то она вступает в существование». Гегель, Соч., т. V, стр. 568.

Известно, что самой глубокой причиной всякой социальной революции является конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Историческая роль социальной революции в том и состоит, чтобы привести в соответствие производственные отношения с характером производительных сил. Но буржуазная революция в эпоху империализма не может привести в соответствие производственные отношения с характером производительных сил, так как, уничтожая остатки феодальных отношений, она не затрагивает основ капитализма, основ частнособственнического присвоения. Капиталистические же отношения периода империализма тоже превратились в тормоз общественного развития, стали мешать нормальному функционированию производства. Следовательно, для того, чтобы установить действительное соответствие производственных отношений характеру производительных сил во всех сферах общественного производства, необходимо устранить капиталистические производственные отношения, что можно сделать лишь путем социалистической революции. Таким образом, из характера действия этого, определяющего общественное развитие, закона в современную эпоху в странах с незавершенным буржуазным преобразованием вытекает реальная возможность перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Разумеется, это только самая глубокая связь, которая в конкретных условиях революции действует как общая тенденция.

Рассмотрим главные объективные и субъективные факторы, из которых исходит ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Под объективным фактором понимаются такие отношения и связи общественной жизни, которые складываются независимо от воли и сознания людей. Это такие объективные изменения, которые независимы «от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов»⁸

Объективные факторы, на которых базируется ленинская теория перерастания, — следующие:

1) В начале XX века в экономике и политике многих стран мира значительное место занимали остатки докапиталистических отношений (и в настоящее время таких стран еще немало). Это проявлялось в первую очередь в крайне неравномерном распределении земли, оставшемся в наследство от феодальной эпохи, в широком распространении различных форм феодальной эксплуатации, в политическом господстве крупных земельных собственников — помещиков. Так, в России в руках 30 тысяч помещиков находилось 70 млн. десятин земли, а 10,5 млн. крестьянских дворов владели всего 75 млн. десятин⁹ Понятно, что такое

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 190.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 63.

распределение земельной собственности было экономической основой борьбы между помещиками и крестьянством. В деревне существовало острое противоречие между всем крестьянством, являвшимся носителем буржуазно-демократических требований, и остатками феодальных отношений, которые становились основным тормозом общественного развития.

В то же время развитие капитализма не миновало деревни. В. И. Ленин на огромном статистическом материале показал процесс роста капиталистических отношений в сельском хозяйстве и дифференциацию крестьянства. В деревне выделялась сельская буржуазия, которая организовывала капиталистическое земледелие, эксплуатировала трудовое крестьянство, батраков и поденщиков.

Исследуя особенности развития капитализма в сельском хозяйстве, В. И. Ленин указал на два возможных типа буржуазной аграрной эволюции. Первый тип, так называемый «прусский», означал сохранение феодальных и полufeодальных латифундий, медленное превращение их в капиталистические хозяйства. Этот мучительный для трудового крестьянства путь был наименее благоприятным для революционного движения, он не мог, конечно, создать условий для перерастания буржуазной революции в социалистическую. Второй путь, так называемый «американский» означал революционное разрушение помещичьего хозяйства, решительную ликвидацию остатков крепостничества. «Американский» путь предполагал победу буржуазно-демократической революции, а, следовательно, и создание наиболее благоприятных предпосылок для перерастания ее в социалистическую. Борьба этих двух типов развития, писал В. И. Ленин, «проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции»¹⁰

Таким образом, в деревне существовали и были тесно связаны друг с другом два разнокачественных противоречия и соответственно им две формы классовой борьбы: а) борьба всего крестьянства против землевладельцев-помещиков, против феодальных пережитков; б) борьба нарождающегося и развивающегося сельского пролетариата и полупролетариата против сельской буржуазии, кулаков.

2) Но своеобразие исторического процесса таково, что многие капиталистические страны вступили в высшую и последнюю стадию капитализма — империализм, — не завершив еще ликвидации феодальных отношений. Наглядным примером такой страны была Россия. Образование капиталистических монополий, слияние промышленного капитала с банковским, концентрация промышленности — вот характерные черты ее экономики в начале XX в. Известно, что империализм до крайности обостряет противоречия капиталистической общественно-экономической формации и подготавливает объективные

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 218.

условия для социалистической революции. Империализм — канун социалистической революции.

Но империализм в такой стране, как Россия, наряду с общими чертами имел и свои особенности. По определению В. И. Ленина, это был военно-феодальный империализм. Это означает, что «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹¹ Следовательно, две разнокачественные группы противоречий развивались не отдельно друг от друга, а были тесно связаны, переплетались в один клубок. В области экономики это выражалось в том, что помещики капитализировались, а капиталисты с удовольствием пользовались феодальными средствами эксплуатации, что совместно угнетали трудящиеся массы страны земельная власть помещиков и финансово-промышленная власть капиталистов. В области политики олицетворением этого был царизм, выражающий интересы как класса помещиков-крепостников, так и империалистической буржуазии. Нетрудно увидеть в указанной особенности важнейшую объективную предпосылку перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Так как, «кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую».¹² Необходимо отметить, что эта особенность имеет место (разумеется, с историческими коррективами) и в других странах.

Подведем итог. Наличие двух групп разнокачественных экономических, социальных и политических противоречий, находящихся на стадии конфликта¹³, и тесная связь и переплетение их друг с другом являются объективными предпосылками перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Но одних объективных факторов далеко недостаточно для победы революции, для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Объективные факторы создают только реальную возможность перерастания. Для превращения возможности в действительность необходимо вмешательство в исторический процесс факторов субъективных.

Вопрос о соотношении объективных и субъективных факторов в историческом процессе является важнейшей проблемой марксистско-ленинской философии. Собственно говоря, это кон-

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 246.

¹² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 76

¹³ Конфликт — высшая стадия в развитии противоречия, противоречие на этапе разрешения.

кретное выражение основного философского вопроса применительно к жизни общества, к истории. Связь и взаимозависимость объективных и субъективных факторов наиболее ясно и отчетливо видна в ходе революции. «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика».¹⁴ Всякая революция есть единство объективных и субъективных факторов. Великой заслугой В. И. Ленина является всесторонняя разработка учения о роли субъективного фактора в истории, в предреволюционные и революционные периоды.

Под субъективным фактором революционного процесса В. И. Ленин понимал «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».¹⁵ Нельзя представлять себе субъективный фактор только как идеальную силу. Речь идет о способности революционного класса на революционные действия, т. е. на реальные, материальные, порой даже разрушительные действия. Следовательно, идейный фактор должен превратиться в материальную силу, которая способна была бы разорвать старое качество, опрокинуть противостоящую ей материальную силу. Вспомним великолепные слова К. Маркса: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».¹⁶

Из сказанного вытекает вывод: к субъективному фактору относятся, во-первых, совокупность идей, в которых революционный класс осознает объективные отношения, во-вторых, действия, предпринимаемые революционным классом (или классами) для осуществления этих идей, для претворения их в жизнь. Но только в диалектическом единстве идей и действий субъективный фактор войдет в революционный процесс и составит то недостающее условие, без которого возможность революции не превратится в действительность.

Какие же субъективные факторы обуславливают превращение возможности перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую в действительность?

1. В первую очередь к ним относится наличие у пролетариата революционной марксистской партии. Боевая партия — решающее условие победы пролетариата в революции, ибо у него нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Пролетариат становится непобедимым, когда идейное его един-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-ое, т. 3, стр. 2.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 190.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-ое, т. 1, стр. 422.

ство, основанное на принципах марксизма, закрепляется материальным единством организации.

Революционная партия развивает классовое самосознание рабочих, вносит социалистическую сознательность в стихийное рабочее движение. Особую роль играет революционная партия в периоды крупных качественных общественных преобразований. Здесь ее роль поистине решающая. «Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса».¹⁷

Основной целью марксистской партии в период буржуазно-демократической революции является обеспечение гегемонии пролетариата, так как только при осуществлении этого условия возможно перерастание в социалистическую революцию. Богатый опыт революций XX века достаточно ясно свидетельствует о великой роли передового отряда рабочего класса — коммунистических партий.

2. Всякий революционный процесс предполагает руководство определенного класса, наиболее заинтересованного в тех или иных результатах революции. Руководство революцией может быть осуществлено только благодаря сознательным действиям этого класса или его ведущей части. Следовательно, проблема гегемонии есть проблема субъективного фактора революционного процесса.

Учение о гегемонии пролетариата во всякой народной революции подробно разработано В. И. Лениным. Оно было блестяще проведено в жизнь и обогащено практикой трех революций в России, практикой китайской революции и революций в других странах народной демократии. Отметим основные положения этого учения:

а) «Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д.»¹⁸

Следовательно, гегемония пролетариата предполагает использование до конца революционности других непролетарских классов, подталкивание их на решительные, революционные действия, при сохранении политического руководства со стороны пролетариата. А это в свою очередь делает необходимым, чтобы пролетариат сам выступал как энергичный борец за свободу и демократию, сам являлся наиболее активной силой революции.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 149.

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 56—57.

б) Пролетариат в состоянии руководить большинством народа в том случае, если он достаточно организован и дисциплинирован, если его действия подчинены единой цели. Следовательно, руководство революционным движением может быть осуществлено только при наличии боевого авангарда, марксистской партии, знающей законы общественного развития, могущей на основе этого знания выработать правильную стратегическую и тактическую линию, которая ясно выражает то, что сознают народные массы.

в) Гегемония пролетариата есть необходимое условие полной победы буржуазно-демократической революции и, что совершенно ясно, социалистической. Буржуазия в период империализма в независимых¹⁹ странах превращается в контрреволюционную силу и не заинтересована в последовательном осуществлении буржуазно-демократических преобразований. Крестьянство, как это достаточно подробно выяснено в марксистской литературе, в силу своей двойственной экономической природы не может быть руководителем революционного движения.

г) «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения) способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников...»²⁰

д) Пролетариат в странах с преобладанием крестьянства, мелкой буржуазии в целях осуществления задач социалистической революции должен объединить вокруг себя беднейшее крестьянство против кулака. Только в этом случае можно выйти за пределы буржуазно-демократической революции.

Из всего сказанного следует, что гегемония пролетариата является необходимым субъективным фактором перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Нужно также подчеркнуть, что гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции составляет зародыш диктатуры пролетариата, ее предпосылку, а в социалистической революции гегемония пролетариата и есть диктатура пролетариата.

¹⁹ Именно в странах независимых, так как в зависимых и колониальных странах дело обстоит много сложнее. Опыт многочисленных революций после второй мировой войны показал, что определенные отряды буржуазии участвуют в буржуазно-демократических революциях и даже руководят ими (например, иракская революция).

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 250.

3. Главным вопросом всякой революции является вопрос о политической власти. Революционный народ, свергая старую власть, устанавливает новую. В русской революции, идущей под руководством пролетариата, решительная победа над царизмом означает, как писал В. И. Ленин в 1905 г., установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Эта диктатура необходима, во-первых, для насильственного преодоления сопротивления контрреволюционных элементов, которые будут отчаянно цепляться за свои привилегии и пытаться реставрировать старые порядки, во-вторых, для осуществления полных демократических свобод, коренных экономических реформ и т. п.

При диктатуре пролетариата и крестьянства руководство осуществляет пролетариат. Политическим органом, руководящим этой диктатурой, является революционное правительство. Для того, чтобы осуществлять контроль за деятельностью этого правительства, не только снизу, со стороны народных масс, но и сверху, в нем допустимо участие представителей партии пролетариата.

Характеризуя революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, В. И. Ленин подчеркивал, что она имеет свое прошлое и свое будущее. Ее прошлое — в борьбе с феодализмом. Ее будущее — борьба за социализм. В этом положении уже содержится мысль о переходе диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата, а, следовательно, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Диктатура пролетариата и крестьянства приводит к полной победе демократической революции, конец же демократической революции является началом революции социалистической. К этой мысли В. И. Ленин пришел еще в 1897 г., когда в брошюре «Задачи русских социал-демократов» писал, что только пролетариат способен до конца довести демократизацию политического и общественного строя, но такая демократизация отдаст этот строй в руки рабочих.²¹

Историческая практика внесла дополнения в учение В. И. Ленина о роли диктатуры пролетариата и крестьянства, сформулированное в период первой русской революции. Остановимся подробнее на этом вопросе. Уже много нового дал богатейший опыт перерастания Февральской буржуазно-демократической революции в Октябрьскую социалистическую революцию. Достаточно указать на Советы рабочих и солдатских депутатов. В демократических революциях в странах народной демократии несколько по-иному осуществлялась расстановка классовых сил и соответ-

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 455, изд. пятое.

ственно этому участие представителей различных классов в государственной власти.

Согласно взглядам К. Маркса, в XIX веке в Европе существовали три силы революции, а именно: либеральная крупная буржуазия, радикальная мелкая буржуазия и пролетариат.²² Эти силы олицетворяли три стадии революции, из которых первая «есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т. е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья — социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат»²³. Перед нами, так сказать, три пласта противоречий, различающихся по глубине. Первый — самый «внешний пласт» — противоречия (в классовом отношении) между двумя эксплуататорскими классами, которые решаются буржуазной революцией, второй — более глубокий, противоречия между демократическими массами и феодализмом, решаются более радикальным преобразованием — буржуазно-демократической революцией; наконец, третий — самый глубокий, — противоречия решаются самой основательной революцией, уничтожающей раз и навсегда возможность всякой социальной революции вообще.

В первой четверти XX века положение изменилось. В европейских странах остались две силы революции. Этими силами являлись радикальная мелкая буржуазия и пролетариат. Либеральная буржуазия становится контрреволюционной, она отказывается от своей прежней довольно умеренной революционности. Свои противоречия с феодализмом она пыталась решить реформистским, компромиссным, а не революционным путем. Об этом свидетельствует опыт двух революций в России (революции 1905—07 гг. и Февральской 1917 г.), революции 1918 г. в Германии и в Венгрии, т. е. буржуазно-демократических революций первого этапа общего кризиса капитализма. «Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции *особый* характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции. Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в *такой* революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая *победу* в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»²⁴. Такова

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-ое, т. 7, стр. 257—267.

²³ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 431.

²⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 41.

классическая оценка В. И. Лениным революций этого периода.

Вторая четверть XX века ознаменована существенными изменениями. Боясь революционного движения пролетариата, буржуазия, в ряде капиталистических стран передает власть в руки открытой террористической диктатуры — фашизма. Фашизм немецкий и итальянский покорил, лишил национальной независимости народы большинства капиталистических стран Европы. Империалистическая немецкая буржуазия, воспользовавшись оккупацией этих стран в годы второй мировой войны, вытеснила целые группы национальной буржуазии из ее прежних экономических позиций. Возникло противоречие, на этот раз внешнее, между буржуазией национальной, или, точнее, между отдельными группами национальной буржуазии, так как значительная часть буржуазии довольно спокойно уживалась с оккупантами и иностранным фашизмом. Ясно, что это противоречие могло быть разрешено только путем ликвидации фашизма. Следовательно, можно говорить о появлении в определенных кругах буржуазии революционности (не забывая при этом об ограниченном характере буржуазной революционности вообще, а тем более в период империализма) в странах, потерявших свою национальную независимость. В рассматриваемую эпоху опять можно говорить о трех силах революции, как в XIX веке, само собой разумеется с историческими коррективами. Говоря о революционности буржуазии европейских стран, можно провести аналогию с положением национальной буржуазии в национально-освободительном движении в колониальных и зависимых странах. Сходство состоит в том, что буржуазия европейских стран, поработанных фашизмом, попала в положение национальной буржуазии колониальных и зависимых стран, поэтому в ее поведении, в ее отношении к революции имеются общие черты с буржуазией колоний. Национальная буржуазия колониальных и полуколониальных стран, как это достаточно подробно выяснено в марксистской литературе,²⁵ в условиях борьбы за независимость своей страны играет определенную революционную роль.

Указанное обстоятельство накладывает отпечаток на характер власти, возникающей в результате победы народно-демократической революции. Представители тех групп национальной буржуазии, которые борются против фашизма, иностранного империализма, принимают участие в органах новой власти. По своему классовому содержанию эта уже не та диктатура пролетариата и крестьянства, о которой в свое время писал В. И. Ленин, — ее состав несколько шире. Поэтому, по нашему мнению, лучше говорить о диктатуре революционного народа,

²⁵ Укажем в первую очередь на классические работы Мао Цзе-дуна. В последнее время на русском языке появилась книга Фын Дина «Некоторые вопросы, касающиеся китайской национальной буржуазии», М., 1959. Ценный материал дает обмен мнениями «О роли буржуазии в национально-освободительном движении», опубликованный в журнале «Проблемы мира и социализма» за 1959 г., №№ 8 и 9.

понимая под народом пролетариат, крестьянство, интеллигенцию, мелкую буржуазию города, антиимпериалистически настроенные группы национальной буржуазии.²⁶

Диктатура революционного народа как власть широкой антиимпериалистической коалиции классов есть новый факт в истории революций. Она возможна во время антиимпериалистической революции, если главным противоречием становится внешнее противоречие — противоречие между народом (в вышеуказанном смысле слова) и иностранными империалистами. Конечно, такое внешнее противоречие (между народом и его работниками) имело место и до империализма. Но едва ли можно говорить о диктатуре народа, так как классовые организации эксплуатируемого большинства еще не существовали или были очень слабы, чтобы сколько-нибудь существенно влиять на характер власти. Вследствие неразвитости классовых противоречий буржуазия выступала как представитель интересов всего народа.

Необходимо иметь в виду, что диктатура народа не может оставаться неизменной на протяжении сколько-нибудь длительного периода. Союз между трудящимися массами и буржуазией — это союз классов-антагонистов. Он основывается на общей заинтересованности в ликвидации господства иностранного империализма, в разрешении внешнего противоречия. Но когда это противоречие оказалось разрешенным, исчезла база для союза. И только в том случае, когда буржуазия принимает руководство со стороны пролетариата и соглашается с социалистическими мероприятиями, возможно проводить по отношению к ней политику «использования, ограничения и преобразования», как это и происходит в конкретных условиях Китайской Народной республики. Это, конечно, не значит, что в отношениях между пролетариатом и буржуазией в периоды демократической и социалистической революций нет различий. Общий характер изменений типичен и для китайской революции.²⁷

Качественные изменения в диктатуре народа при прогрессивном развитии революции необходимо ведут к диктатуре пролетариата. При этом возможна и промежуточная стадия, повторяющая в основных чертах главные признаки диктатуры пролетариата и крестьянства. Так было, по нашему мнению, в некоторых европейских странах народной демократии (Венгрия, Ру-

²⁶ См. Мао Цзе-дун, К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. Из-во «Правда». М., 1957, стр. 4.

²⁷ «... после победы китайской революции во всей стране основные противоречия вне страны по-прежнему будут противоречиями между китайским народом и империализмом, а основные противоречия внутри страны — противоречия между китайским народом, с одной стороны, и классом помещиков и бюрократической буржуазией, — с другой, уступят место противоречиям между рабочим классом и буржуазией, то есть противоречиям между социализмом и капитализмом...» Лю Шао-ци, Победа марксизма-ленинизма в Китае. «Проблемы мира и социализма» 1959, № 10, стр. 19.

мыния) в период завершения демократических преобразований и создания условий для перехода к преобразованиям социалистическим.

Таким образом, история революций XX века практически подтвердила ленинский вывод о роли диктатуры революционного народа — одного из главных субъективных факторов перерастания в победу и развитии демократической революции, в переходе к решению социалистических задач.

Итак, руководство коммунистической партии, гегемония пролетариата в демократической революции, диктатура революционного народа являются необходимыми субъективными факторами, которые на базе действия объективных факторов обеспечивают превращение возможности перерастания в действительность.

Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую была разработана В. И. Лениным на основе анализа особенностей развития главным образом России. Но ее применимость не ограничивается одной страной, — эта теория имеет общее значение. Революция в Китае, в странах народной демократии Европы еще раз подтвердили гениальность и плодотворность ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

KODANLIK-DEMOKRAATLIKU REVOLUTSIOONI SOTSIALISTLIKUKS REVOLUTSIOONIKS ÜLEKASVAMISE LENINLIKU TEOORIA FILOSOOFILISTEST KÜSIMUSTEST

R. Blum

Resümee

Kodanlik-demokraatliku revolutsiooni sotsialistlikuks revolutsiooniks ülekasvamise teooria lõi V. I. Lenin 1905.—1907. a. revolutsiooni perioodil. Selles teoorias näitab Lenin, et ühelt revolutsioonilt teisele üleminekul on pidev protsess. Filosoofilisest aspektist on selle protsessi pidevuse aluseks põhivastuolu ja peamise vastuolu vastastikune seos ning mõjustus. Peamise vastuolu lahendamine loob tingimused ka põhivastuolu lahendamiseks. Ülekasvamise teooria vaatlemine ajaloolise materialismi seisukohalt püstitab objektiivsete ja subjektiivsete tegurite probleemi. Ülekasvamise protsessi objektiivsete teguritena võib vaadelda kahe kvalitatiivselt erineva vastuolude grupi olemasolu ja nende teineteisega läbipõimumist. Üks grupp vastuolusid on vana feodaalkorra pärand, nende lahendamise meetodiks on kodanlik-demokraatlik revolutsioon. Teise grupi moodustavad kapitalistliku korra vastuolud; need vastuolud on lahendatavad sotsialistliku

revolutsiooni teel. Kuid see on vaid ülekasvamise objektiivne võimalikkus. Selleks et muuta võimalikkus tegelikkuseks, on vajalik subjektiivsete tegurite lülitamine ajalooprotsessi. Subjektiivsete tegurite hulka kuuluvad: kommunistliku partei poolt teostatav juhtimine, proletariaadi hegemoonia demokraatlikus revolutsioonis, revolutsioonilise rahva diktatuur. XX saj. revolutsioonide ajalugu kinnitab täiel määral Lenini teooriat kodanlik-demokraatliku revolutsiooni sotsialistlikuks revolutsiooniks ülekasvamise küsimuses.

PHILSOPHICAL PROBLEMS OF THE LENINIST THEORY OF THE TRANSITION FROM THE BOURGEOIS-DEMOCRATIC REVOLUTION TO THE SOCIALIST REVOLUTION

R. Blum

S u m m a r y

It was during the revolutionary period of 1905—1907 that V. I. Lenin propounded the theory of the transition from the bourgeois-democratic revolution to the Socialist revolution. In this theory Lenin shows that the transition from one revolution to another is a continuous process. As regards its philosophical aspect the continuity of this process is based on the interaction and reciprocal influence of the fundamental contradiction and the main contradiction. The solution of the main contradiction creates the conditions for the solution of the fundamental contradiction. The examination of the theory of transition from the standpoint of historical materialism raises the problem of objective and subjective factors. The existence of two qualitatively different groups of contradictions and their intermingling may be regarded as the objective factors of the transition process. One group of contradictions consists of the heritage of the old feudal order. The method of resolving these contradictions is the bourgeois-democratic revolution. The group of factors consists of the contradictions of the capitalist order which can be resolved by means of revolution. This is but the objective possibility of transition. In order to turn this possibility into reality it is necessary to include subjective factors in the historical process. The subjective factors comprise: the leadership of the Communist Party, the hegemony of the proletariat in the democratic revolution, the dictatorship of the revolutionary people. The history of revolutions in the 20th century fully confirms the validity of Lenin's theory about the transition of the bourgeois-democratic revolution into the Socialist revolution.

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» ДЛЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ ТЕЛЕОЛОГИИ

М. Макаров

Кафедра диалектического и исторического материализма

В литературе, посвященной бессмертному творению ленинского гения, получили широкое освещение вопросы критики субъективного идеализма, в частности — субъективистской линии в вопросе о причинности. Применение ленинских идей советскими философами и естествоиспытателями сыграло уже значительную роль в борьбе против индетерминизма в современном теоретическом естествознании.

В меньшей мере идейное оружие «Материализма и эмпириокритицизма» используется в борьбе против телеологии, — в основном, проявления объективного идеализма в вопросах причинности и необходимости. Это может быть объяснено тем, что произведение В. И. Ленина непосредственно направлено против субъективного идеализма и положения последнего получили в нем наиболее развернутую критику. Практика же современной идеологической борьбы в области философии выдвигала в свою очередь на первый план задачи опровержения субъективного идеализма. Однако в последнее время в философии империалистической реакции все более начинают активизироваться течения объективного идеализма. Они пытаются занять место в известной мере скомпрометировавших себя в глазах некоторых буржуазных естествоиспытателей субъективно-идеалистических, позитивистских направлений. В связи с этим в буржуазной философии на первый план все чаще выдвигается реакционная идея «конечных причин», изгнание которой из науки было некогда великой исторической заслугой философии подымавшейся буржуазии. Современная телеология заключает в себе мало оригинального, в основном представляя собою модификации давно преодоленных концепций. Телеология Платона и Аристотеля, Лейбница и Гегеля все чаще используется идеологами империализма, неспособными, однако, оценить тех диалектических идей, которые скрывались подчас внутри этих учений. Уровню современной телеологии го-

раздо больше соответствует излюбленная сейчас философия средневековой тьмы — учение Фомы Аквинского.

В настоящих условиях телеология выполняет определенную политическую задачу. «Абсурдное представление, что все на свете происходит по божественному плану, — писал недавно центральный орган Социалистической единой партии Германии, — служит идеологам Аденауэра в качестве основного ядра их человеконенавистнической пропаганды. Преступная боннская политика атомного вооружения равно как и господство монополий выдается при помощи телеологии за якобы желаемое богом. Телеология — это большая повседневная лож аденауэровских писак»¹ Телеологии отводится видное место в прямых атаках империалистической реакции на марксизм. Ряд современных «критиков» марксизма выдвигает абсурднейшее утверждение о якобы телеологическом характере учения Маркса. Другие — пытаются «дополнить», «развить» марксизм путем включения в него идеи «конечных причин». Последнее — распространенный прием философского ревизионизма от Макса Адлера до самых последних его проявлений. Так, например, ревизионизм не преминул воспользоваться телеологическими извращениями марксистской философии, которые допускал в ГДР философ Э. Блох. Телеология играла центральную роль в теориях группы ревизионистов, опиравшихся на философию Блоха в своей деятельности, направленной объективно на подрыв народно-демократического строя.

Между тем в нашей философской литературе вопросам борьбы против телеологии не уделяется иногда достаточного внимания.

«Материализм и эмпириокритицизм» Ленина четко противопоставляет марксистскую философию телеологическому мировоззрению. Партийный характер этого произведения означает, в частности, то, что данная в нем критика субъективного идеализма является критикой идеализма вообще, исключая даже тень возможности компромисса с какими бы то ни было течениями последнего.

«Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки?» — восклицает В. И. Ленин. В этом знаменитом противопоставлении двух линий в философии содержится и противопоставление детерминизма и телеологии, борьба которых в античности была отмечена именами Демокрита и Платона. Известно, что у Платона роль конечных причин развития вещей играют идеи, к которым они стремятся. В этом стремлении их направляет «верховный ум». Последний есть высшая идея в мировой иерархии идей, конечная цель всего. Этим целенаправленным стремлением объясняется целесообразный характер строения живых организмов. Демокрит, а вслед за ним Эпикур и Лукреций, отстаивая науку

¹ Darwinismus und Teleologie, «Neues Deutschland», 21. März, 1959.

против религии, противопоставили телеологии материалистический принцип причинности. Ни одна вещь не возникает беспричинно. В природе нет места целям, воле провидения. В ней все объясняется действием естественной необходимости, причинности. Последовательное проведение античными атомистами детерминизма позволило им высказать при понимании живой природы замечательные догадки, предвосхищавшие идею естественного отбора. Это вызвало негодование идеалистов-телеологов. Воюя, «как с живым врагом, с Демокритом, великолепно иллюстрируя этим партийность философии»², современные представители «линии Платона» всячески пытаются принизить роль детерминизма в истории науки. Например, в работе западногерманского историка биологии Т. Баллауфа «Наука о жизни» (1954) Демокриту не отводится места, зато превозносится роль телеологической философии Платона и Аристотеля.³ Согласно Платону, материальные действующие причины сами по себе, без руководства со стороны стоящей над ними цели, способны производить только одно беспорядочно случайное. С его легкой руки обвинение материализма в сведении всего к чистой случайности становится общим местом телеологов, выступающих против причинного объяснения явлений природы. Это обвинение является, в частности, излюбленным «аргументом» антидарвинизма, отрицающего решающую роль естественного отбора в образовании органической целесообразности. «Материализм и эмпириокритицизм» четко определяет позицию марксизма в этом вопросе, как продолжение и развитие «линии Демокрита», т. е. — детерминизма в борьбе против телеологии.

Указывая в своей книге на неправильность сведения всего идеализма к его субъективной форме, В. И. Ленин пишет, что, в отличие от последней, объективный идеализм «мирится с существованием земли, природы, физического мира без человека, считая природу лишь «инобытием»... идеи.»⁴ Этот вид идеализма вместе с признанием внешнего по отношению к человеку существования природы признает и объективный характер законов, причинных связей, как внешнего выражения скрывающихся внутри них понятий, целей.

Но при всей значительной разнице между ними субъективный и объективный идеализм, к которому относят обычно телеологию, едины в своей основе. Это может проявляться, в частности, в том, что, как показывает В. И. Ленин, субъективный идеализм не исключает определенных моментов объективного идеализма, в том числе и телеологии. Субъективный идеалист Беркли, «выводя «идеи» из воздействия божества на ум человека, ... подходит таким образом к объективному идеализму: мир оказывается не моим

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 339.

³ Ballauf, T., Die Wissenschaft vom Leben, B. I, Freiburg—München, 1954.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 61.

представлением, а результатом одной верховной духовной причины, создающей и «законы природы» и законы отличия «более реальных» идей от менее реальных и т. д.»⁵ В позднем произведении Беркли «Сейрис», свидетельствующем о переходе его на позиции платонизма, содержится уже прямое, открытое утверждение телеологии. В нем природные причины рассматриваются в качестве средств или орудий достижения объективных целей providения. В. И. Ленин вскрывает внутреннюю логику перехода субъективного идеализма в телеологию объективно-идеалистической философии. Поскольку с точки зрения первого не разум есть частичка природы, а природа есть частичка разума, то тем самым этот последний «само собою растягивается таким образом из обыкновенного, простого, всем знакомого человеческого разума в «чрезмерный», как говорил И. Дицген, таинственный, божественный разум. Кантианско-махистская формула: «человек дает законы природе» есть формула фидеизма.»⁶ Такой переход совершил, в частности, эмпириосимволист П. С. Юшкевич, относивший законы природы к символам нашего познания, удовлетворяющим «основной человеческой потребности внести разум, Логос, в иррациональный поток данного.»⁷ «... Чувствуя, что человеческий разум растягивается такой философией в виновника, в родоначальника природы, г. Юшкевич ставит рядом с разумом «Логос», т. е. разум в абстракции, не разум, а Разум, не функцию человеческого мозга, а нечто существующее до всякого мозга, нечто божественное.»⁸

Телеология во взглядах самого Маха заключается прежде всего в волюнтаристском элементе его путаной философии, заимствованном у Шопенгауэра, на что обращает внимание В. И. Ленин.⁹ Как известно, Шопенгауэр хотел построить своеобразную телеологию без понятия «цели». Все процессы природы определяются лежащими в их сущности стремлениями воли, образующей основу мира. Эти стремления, направляющие изменения вещей, бессознательны и бесцельны. Отрицание Шопенгауэром цели представляет собою проявление общего антиинтеллектуализма его философии, это есть отрицание цели как формы мышления для утверждения оторванной от мышления иррациональной воли. Пример иррациональной телеологии Шопенгауэра, заимствованной в определенной мере Махом, показывает, насколько неправильно представление о том, что телеология будто бы обязательно должна быть связана с идеей сознательных целей в природе. Совершенно прав был в этой связи Мах, когда он утверждал, что «можно... незаметным изменением мысли формулировать всякий телеологический вопрос так, чтобы до

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 148—149.

⁷ Там же, стр. 154.

⁸ Там же, стр. 155.

⁹ Там же, стр. 180.

конца понятие цели осталось совершенно в стороне.»¹⁰ Согласно Шопенгауэру, единство мировой воли лежит в основе единства организма и среды. Каждый орган живого существа должен рассматриваться в качестве выражения универсальной воли, проявляющейся в виде стремления вида к жизни. «Каждый животный вид установил свою форму и организацию посредством собственной воли и в соответствии с условиями, в которых он хотел жить.» Воля животного первичнее самого организма. Она — подлинно первичный протоорганизм, из движения и дифференциации которого все возникает.¹¹ Шопенгауэр принимает идею Ламарка о прямом полезном приспособлении организма под воздействием потребности, внутреннего чувства. Но, отрицая объективный характер пространства и времени, он категорически отрицает идею постепенного исторического развития, выдвинутую Ламарком, как основанную на материалистическом понимании времени. Изменения видов происходят только через резкие скачки, не обладающие временной длительностью. При определенных условиях, когда чем-либо задержанная жизненная сила резко возрастает, приходит в состояние исключительного напряжения, при благоприятном сочетании влияний среды парой организмов одного вида порождается не просто индивид, а новый вид, свойства которого лучше соответствуют окружающим условиям.¹²

Эрнст Мах вслед за Шопенгауэром утверждает, что в приспособлении организмов проявляется действие воли. Сфера действия воли шире пределов сохранения вида. «Воля сохраняет род, когда стоит его сохранить, и уничтожает его, когда дальнейшее существование его перестает быть полезным.»¹³

Телеологическим является в махистской философии критикуемый Лениным «принцип экономии мышления». По мысли Р. Авенариуса, этот принцип должен служить проявлением всеобщего первичного начала целесообразности. Воплощением последнего служит мышление. Оно представляется душой для тела в качестве «в высшей степени целесообразного начала сбережения сил.»¹⁴ Наиболее целесообразным, «экономным», для мышления является сведение всей действительности к ощущениям субъекта. Все, что непосредственно не познается нами в ощущениях, должно быть отброшено в интересах этой «экономии»: причинность, необходимость, субстанция. Логически последовательным было бы выбросить и сам первоначальный принцип целесообраз-

¹⁰ Э. Мах, Анализ ощущений и отношение физического к психическому, М., 1908, стр. 88.

¹¹ A. Schopenhauer, Über den Willen in der Natur, Sämmtl. Werke, B. III, стр. 235.

¹² A. Schopenhauer, Parerga und Paralipomena, Sämmtl. Werke, B. V, Leipzig, стр. 115.

¹³ Э. Мах, Анализ ощущений и отношение физического к психическому, стр. 85.

¹⁴ Рихард Авенариус, Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил, Спб., 1899, стр. 7.

ности, т. е. «экономным», целесообразным было бы отказаться от самой целесообразности. Но Авенариус не видит противоречия, в котором он запутался. В. И. Ленин указывает на телеологический характер «принципа экономии мышления», соглашаясь с Вундтом в том, что этот принцип в махистской философии «Kommt wie aus der Pistole geschossen — является на свет божий неизвестно откуда, как телеологический принцип, могущий иметь разные значения.»¹⁵ Признание существования объективной причинности, закона и необходимости природы объявляется Авенариусом и Махом антропоморфизмом и анимизмом. «Причинность мы лишь сами мысленно привносим в цепь событий почти так же, как фетишизм создает одушевленный предмет, лишь мысленно привнося человеческую душу,» — утверждает Авенариус.¹⁶ Необходимость или необходимость природы, говорит И. Петцольдт, рассматриваемая как формулировка причинности, «имеет в себе нечто неясное и мистическое» — идею «фетишизма», «антропоморфизма» и т. д.»¹⁷ Во имя борьбы против антропоморфизма отрицается причинность, но утверждается целевая связь явлений природы. «Принцип наименьшей суммы сил выражает здесь особое отношение между событием, которое мыслится как цель, и некоторым другим, которое мыслится как средство; поэтому его можно было бы назвать «принципом наименьшей траты средств.»¹⁸ Действительные отношения выворачиваются наизнанку: детерминизм выдается за антропоморфизм, телеология же, видящая в природе стремления, желания, цели и средства их достижения, представляется борцом против антропоморфизма. Игнорируется не только элементарная логика, но и все факты реальной истории борьбы детерминизма и телеологии.

Однако махизм пытается все же в подкрепление своей версии об антропоморфическом характере причинности опереться на историю развития сознания человека. Дикарь, согласно Маху, увидев в природе странные для него явления, инстинктивно проводит аналогию между ними и своими собственными движениями. «Благодаря этому в нем является проблеск мысли о своей и чужой воле.»¹⁹ Из возникающих таким образом анимистических представлений ведет якобы свое начало «действующая причина». В современном субъективном идеализме можно встретить близкие этому утверждения, по которым понятие причины образовалось в результате эстраполяции человеком отношений своего внутреннего духовного мира на мир вещей. При этом усиленно

¹⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 159.

¹⁶ Р. Авенариус, Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил, стр. 31.

¹⁷ См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 149.

¹⁸ Р. Авенариус, цит. соч., стр. 32.

¹⁹ Э. Мах, Анализ ощущений и отношение физического к психическому, стр. 95.

подчеркивается идея связи понятия причинности с деятельностью человека, которая сводится этой философией к психическим процессам. Так, английский философ Р. Б. Брэйтуэйт заявляет, что убеждение людей в том, что определенным причинам следуют определенные следствия, есть результат господствующего у человека интереса к собственным произвольным действиям, в которых он воздействует на будущее, а не на прошедшее, перенос волевых процессов на представляемый мир.²⁰ В статье американского философского журнала «The Journal of Philosophy», принадлежащей перу М. Ризера, представление о причинности выводится из отношения между делающим субъектом и сделанной им вещью. Так, когда я говорю, утверждается в этой статье, что тела падают по причине притяжения, «я понимаю» притяжение» как некоего «действующего агента» или как скрытое «божество», как нечто человеческое... Это — анимистическая концепция, происходящая в результате проекции моей собственной природы на «объекты» «Причинная наука мистична. Детерминизм анимистичен.»²¹

Приведенные примеры подтверждают, что ссылки на практическую деятельность как на основу возникновения понятия причинности сами по себе не являются достаточным условием действительно материалистических взглядов. За этой общей формулой может скрываться как материалистическое, так и идеалистическое понимание данного вопроса.

Не идеальная сторона практики, осознанная человеком значительно позднее, но ее материальная сторона, включающееся в нее взаимодействие материальных вещей, явились основой и источником образования категории причинности как формы мышления. Именно в этом смысле говорит о практике Ленин в своем известном положении о том, что практика закрепляется в сознании человека фигурами логики. «Самые обычные логические фигуры ... суть школьно размазанные,... самые обычные отношения вещей.»²²

Огромное значение для опровержения телеологии имеет развитие в «Материализме и эмпириокритицизме» диалектико-материалистического понимания причинности. Исходя из сформулированных Энгельсом положений материалистической диалектики по вопросу причинности, В. И. Ленин разрабатывает в первую очередь гносеологический аспект этой категории. «Причина вещи есть ее связь.» «Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или

²⁰ R. B. Braithwaite, *Scientific Explanation, A Study of the Function of Theory, Probability and Law in Science*, Cambridge Univ. Press. 1953, стр. 312.

²¹ M. Riser, *Causation, action, and creation*, «The Journal of Philosophy», V. XXXVII, №18, 1940, стр. 492—497.

²² В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 38, стр. 168.

иные стороны одного единого мирового процесса.»²³ Объективная причинная связь лишь приблизительно верно отражается человеческими представлениями о причинности,²⁴ достигающими той или иной степени точности.²⁵ Всеобщий диалектический закон причинности выступает в качественно многообразных формах,²⁶ которым соответствуют различные способы выражения причинной связи в науке. Таким видом причинности является, например, как показывает В. И. Ленин, при определенных условиях функциональное соотношение.²⁷ В различных формах каузальных связей выступают на первый план, приобретают особенное значение то одни, то другие аспекты многогранной всеобщей категории причинности. При попытках перенести простейшую, механическую форму причинности на немеханические процессы за ее узкими рамками всегда обнаруживается некоторый «остаток», как проявление тех или иных аспектов диалектической причинности. В. И. Ленин назвал превосходными следующие слова Маха: «Всякое новое открытие вскрывает недостатки нашего знания, обнаруживает до сих пор незамеченный остаток зависимостей.»²⁸ Этот «остаток» представляет собою материальные связи, «вещь в себе», которую наше познание отражает все глубже.²⁹ Идеалистическая же философия выдвигает этот несводимый к механическим отношениям «остаток» на первый план в качестве «доказательства» ограниченности или несостоятельности причинного понимания мира. На примере Маха Ленин показывает, как это служит гносеологическим корнем индетерминизма, перерастающего у этого идеалиста, как мы уже видели, в иррациональную волюнтаристскую телеологию.

Тем самым В. И. Ленин вскрывает один из важнейших гносеологических источников телеологии. В указанном «остатке» телеология видит проявление своих «конечных причин», надмировых или имманентных целей, «форм», «энтелехий», «свободы воли», якобы направляющих движение природы. В этом — определенная закономерность познания, проявлявшаяся в историческом развитии философской и научной мысли. Она проявляется и в наши дни в философской интерпретации идеологами буржуазии некоторых современных открытий в естествознании. Открытие в квантовой механике соотношения неопределенностей ярко показало ограниченность применимости механистической причинности к миру микроявлений. Последнее было истолковано большей частью буржуазных ученых в силу незнания ими диалектики как крах детерминизма вообще. Индетерминизм в квантовой механике привел в свою очередь к возрождению своеоб-

²³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 143.

²⁴ Там же, стр. 142.

²⁵ Там же, стр. 147.

²⁶ Там же, стр. 146.

²⁷ Там же, см. также т. 38, стр. 499.

²⁸ Там же, стр. 179.

разной «физической телеологии». Электрону приписывается «свобода выбора.» Подтверждается раскрытая Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» закономерность перерастания субъективного идеализма в телеологию объективно-идеалистических направлений. Связь телеологических представлений с субъективно-идеалистической интерпретацией соотношения неопределенностей, взаимодействия частицы, прибора и наблюдателя отчетливо выступает в рассуждении известного швейцарского физика В. Паули. Он ставит «разрез» между наблюдателем и микрообъектом в зависимости от воли наблюдателя, который тем самым якобы вносит «целеустремленность» в мир электронов. Познание, пишет В. Паули, «устанавливает до некоторой степени произвольно местоположение разреза, как результат определенного соображения целесообразности, т. е. частично свободного выбора.»³⁰ Другой выдающийся физик, склоняющийся в последнее время к пониманию природы в духе объективного идеализма, В. Гейзенберг, делает попытку найти выход в телеологической философии Платона.

«Квантовый индетерминизм» и вытекающая из него телеологическая тенденция в современной буржуазной физике и философии не только «заслуживающий порицания абсурд» (А. Эйнштейн), находящийся в вопиющем противоречии со всей традицией физической науки вообще и детерминистической сущностью самой квантовой механики, в частности. «Открытие» свободы электрона, якобы «освобождение» природы от господства необходимых объективных законов обладает магической притягательной силой в глазах идеологии умирающего капитализма. Отсутствие детерминизма в самых основах бытия, в «элементарных» частицах, должно означать освобождение сознания капиталиста от кошмара необходимости законов общественного развития. Как писала французская буржуазная газета «Монд», если атом соотносится с законом необходимости, то «становится логичным представлять себе новое общество.. на базе строгого планирования и расчетов.» «... Но если это не так, тогда можно сказать, что «принципы атомной физики» выражают в общем сущность политического строя западных демократий.»

Объективная логика развития самой науки настойчиво подводит буржуазных ученых к осознанию необходимости замены старой, механистической причинности более широкой и гибкой причинностью. Крупнейший физик, в течение продолжительного времени известный также своими идеалистическими, индетерминистическими выводами, Нильс Бор, заявил недавно, что «следует отказаться только от детерминизма лапласовского типа, но не от причинности вообще.»³¹ Такое всестороннее понимание причинности, которое требуется развитием современного естест-

³⁰ «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1951, Н. 1, стр. 86.

³¹ В. А. Фок, Поездка в Копенгаген, «Вестник Академии Наук СССР», 1957, № 7, стр. 56.

вознания, в принципе давно уже дано в философии диалектического материализма. Объективную закономерность развития новейшей науки, в муках рождающей диалектико-материалистическое понимание причинности, показал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Именно диалектика даёт понятия причины и следствия, адекватные материальной причинной связи природы, которые «также обтесаны, обломаны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир».³²

«Беспричинная микрофизика» ведет к оживлению телеологических направлений и в биологии. «Целестремительные направляющие силы», «формирующие целостность» телеологические факторы оказались вновь обнаруженными в строении атома. Западно-германский философ-идеалист А. Венцль связывает телеологическое объяснение явлений органической жизни с представлением о недетерминированном характере целей человека и его свободной воле. Отсюда же он заключает к признанию «души природы», «воли творца», «жизненного порыва», идеи «воли к власти». Это он пытается обосновать апелляцией к мнимому индетерминизму современной физики: «Возможно, формирующие жизненные силы используют широкую сферу недетерминированности (беспричинности) в области микрофизики.»³³ Построить на основе физического индетерминизма телеологическое понимание закономерностей жизни пытается английский философ Р. Кэпп. Поскольку в физическом мире господствует беспричинная случайность, то несомненно закономерный характер организации живых существ должен быть объяснен, по Р. Кэппу, действием некоторых нематериальных реальностей — «дайазетес» («предрасположенность», «внутренняя склонность», англ.), создающих внутреннее предрасположение живых существ к определенному направлению протекающих в них целесообразных процессов. «Дайазетес», это, оказывается, на выбор — «бог, жизнь, разум или душа».³⁴

Диалектическая концепция причинности логически неотделима от диалектического понимания случайности, необходимости, закона. Трактовка данных категорий в марксистской философии имеет большое значение для подрыва гносеологических корней телеологии. Метафизическая абсолютизация необходимости, противопоставление ее случайности, связанное с этим «фетишизирование», по словам В. И. Ленина, закона, логически неизбежно подводят к объективно-идеалистическим, телеологическим положениям. Эта гносеологическая закономерность может быть прослежена на обширном материале истории развития философской и научной мысли. В эмпириокритицизме указанный момент выступает особенно заметно у И. Петцольдта. И. Петцольдт, не до-

³² В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 136.

³³ «Philosophy of Science», Vol. 19, N 4, 1952, стр. 262.

пуская «неопределенности» в процессах природы, выдвинул «закон однозначной определяемости», в который он «перекрестил» механистически понимавшийся им закон причинности. Рассуждения его об этом «законе», представлявшем момент кантианского априоризма в его философии, развивались совершенно отчетливо в сторону телеологии. «... Только в единстве, — писал И. Петцольдт, — обретается та естественная цель, за пределы которой не идет никакая мыслимость, и в которой, следовательно, мышление, если оно учитывает все факты соответствующей области, может придти к спокойствию.»³⁵ Оценивая «однозначную определенность» Петцольдта, понимание им детерминизма, В. И. Ленин отметил: «Перед нами чистейший метафизик, который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого»³⁶

Критика Лениным принципа «однозначности» имеет прямое отношение к уточнению общей позиции диалектического материализма в некоторых теоретических вопросах естествознания. Так, например, смыслу этой критики, «обламыванию» Лениным понятия закона причинности, отвечает учение Ч. Дарвина о так называемой «неопределенной изменчивости» организмов, выбивающее почву из-под ног телеологических теорий. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин еще раз выражает свое отношение к открытому Дарвином закону «борьбы за существование и подбора», определяющему развитие организмов. Этот закон играет, согласно Ленину, в органической природе такую же роль, какую в неорганической природе играет закон сохранения и превращения энергии.³⁷ Всякая попытка отрицать или ограничить действие этих законов в соответствующих отраслях естествознания объективно действует на пользу идеализму, телеологии. Только закон естественного отбора позволяет дать причинное объяснение целесообразной приспособленности в органическом мире. Последняя в переводе ее человеком «на свой язык» находит выражение в слове «цель», — присоединяется Ленин к цитируемому им положению Фейербаха. «Цель» в биологии представляет собою, таким образом, искусственный прием выражения сложной объективной причинной связи развития живой природы.³⁸ Отказ от идеи решающей роли естественного отбора логически означает уравнивание в правах причинного, — детерминистического, и целевого, — телеологического, рассмотрения процессов природы.

В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин оценивает воззрения известного немецкого философа-идеалиста конца XIX — нач. XX века, Эдуарда Гартмана, как философию «после-

³⁴ «Nature», February 25, 1956, стр. 53.

³⁵ Цит. по В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 150.

³⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 150.

³⁷ Там же, стр. 318.

³⁸ Там же, стр. 141—142.

довательного идеалиста и последовательного реакционера в философии.»³⁹ Э. Гартман довел до крайности старое клеветническое обвинение материализма в способности признавать существование одной голой случайности. Он заявлял, что материализм якобы не в состоянии признать даже наличия причинности в природе. Там же, где материализм, дарвинизм в том числе, говорит о законах причинности и необходимости, он переходит на деле на позиции телеологии, ибо понятие закона природы может быть, согласно Э. Гартману, только телеологичным. В этой же связи он утверждает, что видообразование происходит всегда в виде «совершенно внезапного и скачкообразного разового превращения».⁴⁰

Подобно Э. Гартману, из метафизического фетишизирования законов в своих телеологических построениях исходят представители неотомизма. Иезуит Г. А. Веттер пишет, что в математически выражаемом характере законов природы следует видеть проявление надмирового разума, тогда как в результате действия слепых сил математический порядок вселенной не мог бы возникнуть.⁴¹ Телеология неотомизма связана и с трактовкой им соотношения качественно различных форм движения материи. Концепция «конечных причин» издавна цеплялась за факт качественного отличия одних форм от других, в первую очередь, — отличия биологических закономерностей от закономерностей неорганической природы. Абсолютизация качественной специфики формы движения, как якобы не находящейся в причинной зависимости от законов более элементарных процессов, логически ведет к представлению этой специфики в виде таинственной силы, стоящей вне причинной связи природы. Этот ход мысли в его наиболее простом и резко выраженном виде был представлен в схоластической философии средневековья. Природа рассматривалась как сочетание «качественных» форм, «скрытых качеств» — неизменных и неразложимых «натур», обуславливающих определенные свойства данной группы предметов. В представлении об абсолютной качественной несводимости одних свойств явлений к другим, более простым свойствам, в принципиальном отрицании самой возможности объяснения первых при помощи вторых, проявлялась характерная для этой эпохи идея иерархии бытия, неразрывно связанная с телеологией. Причинная зависимость сложного от простого заменяется телеологической зависимостью единичных вещей от отделимых от вещей самостоятельных «сущностей». Исключение причинного подхода к вещам означало подмену действительного объяснения тавтологией, которая всегда так или иначе содержится в телеологии.

Поборники средневековья в современной буржуазной фило-

³⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 53.

⁴⁰ Ed. Hartmann, Philosophie des Unbewußten, III Th., Leipzig, 1889, стр. 356.

⁴¹ См. G. Klaus, Jesuiten, Gott, Materie, Berlin, 1958.

софии, неотомисты, пытаются возродить телеологический принцип субстанциональных форм, отстаивая креационизм и плюрализм в понимании природы. Так, немецкий епископ О. Шпюльбек, стремясь обосновать учение о «творческой деятельности бога», выступает против дарвинизма, отделяет виды друг от друга внезапными макромутациями, путем которых происходит якобы порождение новых видов. Здесь «биология явно стоит перед чем-то, что стоит за и над всем, перед упорядочивающим, направляющим, вечно господствующим духом божьим».⁴² Неотомистов в особенности пугает продвижение биохимии и биофизики в недра живого вещества, беспощадно давящее их «формы» и «души» Неотомистка «сестра» Адриан Мари предостерегает естествоиспытателей против попыток искать решения проблемы вирусов путем изучения превращений молекул. «Стараться вывести природу и действия одушевленных существ из их материальных компонентов, означает для ученого совершать ошибку, на которую уже давно показывал указующий перст философии.» «Свести» природу к миру материи объявляется «серьезным интеллектуальным грехом против природы.»⁴³ Выступления современных схоластов против применения в биологии методов математики, физики, химии, кибернетики направлены на то, чтобы задержать прогресс естествознания. В этом особенно проявляется прямой практический вред, наносимый в настоящее время телеологией развитию науки. Известно, что именно применение достижений точной науки в исследовании живой природы представляет собою сегодня магистральный путь развития биологии. В «Контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», утвержденных XXI съездом КПСС, говорится, что «значение комплекса биологических наук будет особенно возрастать по мере использования в биологии достижений физики и химии.»⁴⁴ Это положение, отражая направление развития современного естествознания, полностью отвечает антитеологическому мировоззрению материализма.

«Сведение» высших форм движения в природе к низшим в смысле причинного объяснения возникновения высшей формы движения из низшей, логического выведения особенностей высшей формы из более элементарных и более всеобщих законов материи, противоположно ошибочному «сведению» в механистическом смысле, отрицающему объективный характер специфики высших форм. Высшая форма движения в природе — особая организация низших форм движения в более сложную систему, представляющую новые связи, зависимости более высокого порядка. Новые законы представляют собою в определенном отно-

⁴² См. S. Kirschke, Wissen und Glauben unvereinbar, «Neues Deutschland», 22. Nov. 1958.

⁴³ Sister Adrian Marie, Viruses: Are They Alive? «The New Scholasticism», v. XXI, 1957, N 3.

⁴⁴ «Правда», 8 февраля 1959 г.

шении сочетание, комплекс действий составляющих эту систему процессов. Объяснить высшую форму движения в этом ее качестве отнюдь не означает объявить ее специфику несуществующей. Это значит причинно объяснить ее специфику. провести принцип детерминизма.⁴⁵

Диалектическая концепция развития как перехода количественных изменений в качественные противоположна не только механицизму, но и плюрализму, выдвигаемому в настоящее время, в частности, философией неотомизма. «Всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи etc.»⁴⁶ — требует В. И. Ленин. В «Материализме и эмпириокритицизме» он приветствует приближение естествознания к «таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку», видит в этом «прогресс науки», «крупный успех в естествознании.»⁴⁷ Он солидаризируется с приводимыми им высказываниями марксиста И. Динэ-Дэнеса: «В самых различных областях естествознания, — пишет И. Динэ-Дэнес, — приобретены новые знания, и все они сводятся к тому пункту, который хотел выставить на первый план Энгельс, именно к тому, что в природе «нет никаких непримиримых противоположностей, никаких насильственно фиксированных разграничительных линий и различий» и что, если встречаются в природе противоположности и различия, то их неподвижность, абсолютность вносятся в природу исключительно нами». Открыли, например, что свет и электричество суть лишь проявления одной и той же силы природы. С каждым днем становится вероятнее, что химическое сродство сводится к электрическим процессам.»⁴⁸ «Естествознание ведет к единству материи,» — резюмирует В. И. Ленин утверждения французского физика Пелла о «сведениях» материи ко все более простым, элементарным ее формам.⁴⁹

Подчеркивая идею материального единства мира, В. И. Ленин выдвигает положение о том, что вся материя обладает некоторым всеобщим свойством, по существу родственным ощущению, которое он определяет как «свойство отражения».⁵⁰ Представляя собою необходимый аспект физических и химических взаимодействий, свойство материи отражать, реагировать развивается в сложных белковых соединениях в свойство раздражимости, переходящее с возникновением нервной ткани в свойство ощущения. В. И. Ленин решительно возражал против абсолют-

⁴⁵ См. В. А. Штофф, К вопросу о специфике химической формы движения материи, «Вестник Ленингр. Гос. Университета», 1956, № 11.

⁴⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 251.

⁴⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 294.

⁴⁸ Там же, стр. 237—238.

⁴⁹ Там же, стр. 247.

⁵⁰ Там же, стр. 34, 81.

ного противопоставления качества нервной системы, выражающегося в способности ощущения и мышления, физическим качествам материи. Расстояние между ними, указывал В. И. Ленин, «не безмерно (хотя мы еще не знаем этой «меры»)».⁵¹ Это положение Ленина направлено непосредственно против отрыва психических свойств высокоорганизованной материи от ее физико-химических свойств, против отрицания возможности определения меры перехода к ощущению при помощи физико-химических методов, идеалистических представлений о надматериальном начале, проявляющемся будто бы в ощущении и мышлении. Это, однако, ни в коем случае не означает недооценки глубокого качественного отличия психических форм отражения от физических и химических способов реагирования. На протяжении всей своей книги В. И. Ленин борется против махизма, стремившегося вынести ощущение, психическое за пределы нервной системы. Э. Мах трактовал известную общность физических и психических процессов в смысле их отождествления, сведения физического к психическому. Он опирался при этом, в частности, на ламаркистские представления физиолога Э. Геринга, отождествлявшего наследственность с памятью,⁵² Э. Гартман в своих панпсихических построениях видел даже в механике движения атомов «реализацию воли логических идей».⁵³ В философии холизма, этой идеологии британского империализма, целесообразное приспособление организма к среде объясняется путем биологизации неорганической природы. Вся природа рассматривается как живой организм. Физическое «снимается» в биологическом. Биологическое же, в свою очередь, оказывается моментом универсального психологического. Физическое, биологическое и психическое оказываются атрибутами, ступенями единой духовной действительности, а также одновременно и последовательными ступенями ее познания.⁵⁴

Одним из общих противоречий теоретического развития, лежавших в основе гносеологических корней телеологии, было противоречие между трактовкой отражательной природы познания домарксовским материализмом и фактом творческой активности сознания человека, объективирующей в целевой деятельности, практике. Непонимание роли производственной деятельности в развитии общества, в возникновении и развитии мышления, приводило в старом материализме к рассмотрению сознания только как пассивного отражения действительности. Цель как категория, в которой активность сознания проявляется особенно непосредственно и ярко, представляла собою непреодолимую трудность для теории познания домарксовского материа-

⁵¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 519.

⁵² Э. Мах, Анализ ощущений и отношение физического к психическому, стр. 76—77.

⁵³ Ed. Hartmann, Philosophie d. Unbewußten, III Th., стр. 474.

⁵⁴ См. J. S. Haldane, Die Philosophie eines Biologen, Jena, 1936.

лизма. Поэтому изучение ее, равно как и всей действенной стороны познания в целом, развивалось в старой философии преимущественно идеализмом на его мистический, телеологический лад. Основой для разрешения указанного противоречия, для решения вопросов действенной стороны познания, явилось открытие материалистического понимания истории. Среди этих вопросов получил ответ и древний, как сама философия, вопрос цели. В «Материализме и эмпириокритицизме» указывается на то, что диалектический материализм, в отличие от старого материализма, охватил научным материалистическим исследованием идеи (а следовательно, — и цели человека).⁵⁵ Маркс вырвал у идеализма монополию на оценку значения активных сил познания благодаря открытию им на основе исторического материализма роли практики в познании.⁵⁶ Это означает, в частности, что был положен конец почти безраздельному господству телеологии в истолковании категории цели. В решении рассмотренной проблемы проявилось тем самым неразрывное единство диалектического и исторического материализма, со столь большой силой показанное В. И. Лениным в его книге.

V. I. LENINI TEOSE «MATERIALISM JA EMPIRIOKRITITSISM» TÄHTSUS VÕITLUSES KAASAEGSE TELEOLOOGIA VASTU

M. Makarov

Resümee

V. I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» parteiline iseloom avaldub muuhulgas ka selles, et temas antud marksistliku filosoofia esitus on vastandatud idealismi kõikidele põhisuundadele. Kuigi teose vahetuks ülesandeks on subjektiivse idealismi kriitika, on tal suur tähtsus ka võitluses objektiivse idealismi vastu, mille üheks avalduseks on teleoloogia.

Subjektiivne idealism ei välista objektiivse idealismi, sealhulgas ka teleoloogia elemente. Uusimas imperialistlikus filosoofias suhtuvad positivistid täiesti sallivalt teleoloogiasse ning koguni otseselt kaitsevad seda.

Mahhismi kriitika ning dialektilise materialismi lausete edasiarendamine Lenini poolt paratamatuse, seaduse, juhuslikkuse, põhjuslikkuse, ruumi ning aja ja mateeria liikumisvormide vahekorra küsimustes omavad suurt tähtsust determinismi võitluses tänapäeva teleoloogia vastu.

⁵⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 232.

⁵⁶ Там же, стр. 93—94.

THE IMPORTANCE OF V. I. LENIN'S WORK «MATERIALISM AND EMPIRIOCITICISM» IN FIGHTING AGAINST CONTEMPORARY TELEOLOGY

M. Makarov

S u m m a r y

The party character of V. I. Lenin's work «Materialism and Empiriocriticism» manifests itself also in the presentation of Marxist philosophy which is opposed to all main trends of idealism. Although the principal aim of the work is to criticize subjective idealism it has also great importance in fighting against objective idealism, the one manifestation of which is teleology.

Subjective idealism does not exclude objective idealism and therewith elements of teleology. In latest imperialist philosophy there is a complete tolerance of teleology by positivists and even its direct support.

V. I. Lenin's criticism of Machism and the elaboration of dialectical views on the problems of necessity, law, chance, causality, space and time, relations between the forms of movement are of great significance in the fight conducted by determinism against teleology.

FÜÜSIKALISTE SUURUSTE REAALSUSE PROBLEEMI GNOSEOLOOGILISTEST ALUSTEST

Dotsent, füüsika-matemaatikakand. P. Kard

Teoreetilise füüsika kateeder

I. Sissejuhatus

Tänapäeva füüsikas omandavad järjest suuremat tähtsust matemaatilised meetodid. Sageli on nad väga abstraktsed, nii et mõnikord isegi paistab, nagu varjutaksid nad füüsikalist reaalsust. Näib, nagu muutuks füüsikaliste nähtuste kirjeldamisel abiks võetud matemaatika autonoomseks ja, veel rohkem, nagu allutaks ta endale kogu füüsika, sundides viimasele peale oma arengu seaduspärasusi. Tulemuseks on, nagu näib, et füüsika irdub sellest materiaalsest maailmast, mille tunnetamiseks ta oli loodud. Järjest enam vallutab füüsikat matemaatilise loomingu vaim ja lõppkokkuvõttes hakkab füüsika paistma inimliku mõtte meelevaldse leiutisena, nagu seda sageli ka matemaatika kohta arvatakse.

V I. Lenin, käsitledes oma teoses «Materialism ja empiriokrititsism» füüsika matematiseerumise protsessi, nimetab seda «füüsikalise» idealismi esimeseks põhjuseks. Ja tõepoolest, eespool kirjeldatud nähtustest võidakse teha ja tehaksegi idealistlikke järeldusi. Paljud idealismi poole kalduvad füüsikud on püüdnud rajada oma tõekspidamisi füüsikalisele matematismile. Teiselt poolt kuulub vahete-vahel hääli, mis materialismi nimel väidavad, et matemaatika liigses tungimises füüsikasse peitub tõsine hädadoht, sest füüsika kaotab sel viisil seose oma toitepinnaga — materiaalse reaalsusega — ja muutub seega tõesti meelevaldsete matemaatiliste konstruktsioonide süsteemiks. Need mõlemad seisukohad, nii materialismist kui ka idealismist lähtuv, ühtivad selles mõttes, et mõlemad käsitlevad füüsika matematiseerumist kui eemaldumist reaalsusest. Idealistid suhtuvad sellesse pooldavalt, materialistid peavad oma kohuseks selle vastu võidelda, kuid nähtuse enda olemust peavad mõlemad samaks.

Muidugi, niisugune mõtteviis, kus kõrgele arenenud matemaatilisi meetodeid vaadeldakse mingi ebasoovitava võõrkehana, ei

saa olla tõeliselt materialistlik. Sügavalt ekslik on arvamus, et kui filosoofid-idealistsid püüavad spetsiaalteaduste tulemusi või spetsiaalteaduste arengus ilmnevaid tendentse kasutada oma eesmärgi huvides, siis on need püüdlused tingimata ka põhjendatud. Tegelikult on alati vastupidi. Vaatamata sellele, et niisugune hoiak on juba korduvalt demonstreerinud oma viljatust ning võimetust spetsiaalteaduste (näiteks füüsika) saavutuste üldistamisel ja tõlgendamisel dialektilis-materialistliku filosoofia baasil, avaldatakse veel praegugi mõnikord seda laadi mõtteid. Seepärast ei tohiks pidada liigseks, kui ka füüsika matematiseerumise probleemisse püüame tuua mõnesugust selgust. Käesolev artikkel ei pretendeeri selle probleemi täielikule haaramisele, kuid tahab siiski valgustada selle mõningaid üksikkülgi, mida meie filosoofilises kirjanduses ei ole seni veel küllaldaselt käsitletud.

Peatume kõigepealt veidi pikemalt Lenini seisukohtadel selles küsimuses. «Materialismi ja empiriokrititsismi» viiendas peatükis tsiteerib Lenin A. Rey'd, kes oma teoses «La théorie de la physique chez les physiciens contemporains» kõneleb «füüsika vallutamise» matemaatika vaimu poolt». Seejärel kirjutab Lenin: «Selgeline on «füüsikalise» idealismi esimene põhjus. Teaduse progress ise tekitab reaktsioonilisi pretensioone. Loodusteaduse suured edusammud, lähenemine sellistele ühelaadilistele ja lihtsatele matera-ria elementidele, millede liikumise seadused võimaldavad matemaatilist ümbertöötamist, põhjustab seda, et matemaatikud unustavad materia. «Materia kaob», jäävad ainult võrrandid. Uues arenemisstaadiumis ja näiliselt uut moodi on tulemuseks vana kantlik idee: mõistus kirjutab ette loodusele seadused.»¹

Pandagu tähele, et selles tsitaadis ei ütle Lenin sõnagi sellest, nagu oleks «materia unustamine matemaatikute poolt» õigustatud või nagu oleks järeldus, et füüsika matematiseerumise tulemuseks on «materia kadumine», ka põhjendatud. Kogu teose «Materialism ja empiriokrititsism» ja eriti selle viienda peatüki eesmärk on just vastupidine — näidata, et neil «reaktsioonilistel pretensioonidel» ei ole mingit alust. Matemaatika sissetung füüsikasse on küll üheks «füüsikalise» idealismi põhjuseks, kuid see ei tähenda, et nimetatud sissetung on ka objektiivselt süüdi selles idealismis. Iga «idee», sealhulgas ka «vana kantlik idee», sünnib ikkagi inimeste peades, kes meelevaldselt tahavad tõlgendada objektiivseid arenguprotsesse.

Niisiis, progressiivse dialektilis-materialistliku filosoofia ülesanne ei seisne selles, et matemaatikat, isegi mitte selle kõige abstraktsemaid vorme füüsikast eemale tõrjuda — niiviisi võib arengule jalgu jääda —, vaid vastupidi, silmas pidades tänapäeva teoreetilise füüsika saavutusi, mis ilma vastavate matemaatiliste vahenditeta ei oleks isegi mõeldavad, tuleb seda tendentsi soodustada ja edasi arendada. Aga selleks on vaja selgesti mõista

¹ V I. Lenin, Teosed, 14. kd., Tallinn 1952, lk. 285.

selle tendentsi progressiivset materialistlikku olemust ja idealistlike pretensioonide alusetust.

Käesoleva artikli eesmärgiks on vaadelda füüsikaliste suuruste reaalsuse probleemi kui üht aspekti matemaatika ja füüsika vahekorra küsimuses.

II. Füüsikaliste suuruste reaalsuse probleem

Füüsika on juba ammu väljunud ainult kirjeldava teaduse arengustaadiumist. Oigupoolest tänapäeva mõiste kohaselt ongi füüsika täppisteadus, s. o. tema iseloomulikuks jooneks on see, et ta kõiki materiaalseid esemeid ja nähtusi püüab tunnetada täpsete mõõtmiste kaudu, püüab neid iseloomustada täpsete kvantitatiivsete karakteristikute abil. Need kvantitatiivsed karakteristikud on mitmesugused füüsikalised suurused. Tuntumad neist on näiteks pikkus, kaal, mass, kiirus, väljatugevus, energia jne. Iga füüsikaline suurus peegeldab ühel või teisel viisil materiaalse objektide omadusi. Seetõttu on loomulik neid füüsikalisi suurusi endid nimetada reaalseteks, mõeldes selle all just seda, et need omadused, mida suurused kvantitatiivselt iseloomustavad, on omased reaalsetele materiaalsele esemetele või protsessidele.

Ühe või teise füüsikalise suuruse reaalsuses ei teki tavaliselt kahtlusi siis, kui see suurus on vahetult meeltega tajutav ja selle konkreetne väärtus on vahetu meelelise aistingu kaudu hinnatav. Täpne mõõtmine toimub muidugi vastava mõõteriista abil, kuid viimase ülesanne seisneb ainult n. ö. vaatleja meeleeelundite jätkamises (pikksilm jms.) Seega on ka mõõteriista abil sooritatav mõõtmine ikkagi vahetu ehk otsene mõõtmine. Niisugused olid füüsika arengu esimestel etappidel kõik füüsikalised suurused. Kõik nad väljendavad objektiivse maailma vahetult tajutavaid omadusi.

Tänapäeval on olukord teistsugune. Füüsikaliste teooriate arenedes komplitseerusid füüsikalised mõisted, ning eriti seoses matemaatiliste meetodite laialdase rakendamisega füüsikas võeti tarvitusele palju niisuguseid suurusi, millel puudub intuiitiivne seos vahetult tajutavate nähtustega. Nad on seotud viimastega kaudselt, enam-vähem komplitseeritud ja matematiseeritud teooria kaudu. Veel rohkem, esineb suurusi, mille kohta näib, nagu ei oleks need suurused isegi mitte kaudselt mõõdetavad, s. o. nende väärtusi ei saa isegi arvutada teistest mõõtmistulemustest. Sellistel suurustel näib olevat ainult teatud matemaatilise fiktsiooni tähendus. Tüüpilisteks näideteks on elektromagnetilised potentsiaalid klassikalises väljateoorias ja lainefunktsioon kvantmehhaanikas. Need suurused on küll matemaatiliselt seotud vaadeldavate ja mõõdetavate suurustega, kuid neid endid ei näi olevat võimalik mõõta isegi printsiipsiaalselt, sest nende definitsioon sisaldub teatud mitteühesus. Nii võib tulla otsusele, et sellised suurused ei peegelda materiaalseid omadusi, et nad ei

ole reaalsed, või kui nad siiski on reaalsed, siis kindlasti vähemal määral kui teised suurused, mis on üheselt defineeritavad ja põhimõtteliselt mõõdetavad.

Analoogiline kujutlus tekib kergesti ka relatiivsete suuruste puhul, mis võivad olla küll otseselt mõõdetavad, kuid mille ühelegi mõõdetud väärtusele ei saa omistada absoluutset, s. o. koordinaatsüsteemist sõltumatut tähendust. Selline vaade mõnede füüsikalistele suurustele kui mittereaalsetele, fiktiivsetele suurustele on üsna levinud. Tõsiasi on see, et niisuguste suuruste sissetoomine füüsikasse käib paratamatult kaasas füüsika matemaatiseerumisega. Ning see asjaolu, et nende suuruste taga ei leidu seda materiaalist omadust, mida nad võiksid peegeldada, viibki kergesti mõttele, et «võrrandid jäävad, materiaa aga kaob». Võib kergesti sattuda kiusatusse püüda kitsendada selliste suuruste eluõigust füüsikas, pidades nende esinemist füüsika materiaalsest reaalsusest irdumise tunnuseks.

Käesoleva artikliga tahetakse näidata, et niisugused kartused on alusetud. Sellele on pühendatud artikli kolmas osa. Alljärgnevas aga vaatleme mõningaid tüüpilisi näiteid füüsika ajaloost, eriti seoses niinimetatud füüsika kriisiga, mis tekkis käesoleva sajandi algul ning kestab osaliselt tänapäevalgi.

Maxwelli elektromagnetilise välja teooria oli algul lahutamatu seotud eetri mõistega. Eeter oli selle teooria järgi mingi eriline aine, mis täidab kogu maailmaruumi ja mille liikumine tekitab kõik elektromagnetilised nähtused. Eetrit peeti mehhaanika seadustele alluvaks, kuigi tema omadused pidid mõnevõrra erinema tavaliste kehade omadustest. Eetriteooria tõi seega füüsikasse rea füüsikalisi suurusi, mis pidid kirjeldama eetri mehhaanilisi omadusi; tema elastsust, tihedust jne. Elektromagnetilist välja kirjeldavad suurused, nagu väljatugevused, pidid avaldama nende mehhaaniliste suuruste kaudu. Selles pildis on kõik suurused kahtlemata reaalsed, ja kuigi eetri mehhaaniliste omaduste mõõtmine tegelikult ei õnnestunud, väitis teooria siiski, et põhimõtteliselt on nad mõõdetavad. Selles Maxwelli teooria esialgses kujus esinesid ka potentsiaalid, kuid neil ei olnud siis veel omaette tähendust. Nad figureerisid seal ainult matemaatiliste abisuurustena.

Vaatleme Maxwelli teooria edasist arengut. Siin võib tähele panna teoorias esinevate suuruste arengutee iseloomulikku hargnemist. Ühelt poolt, mida enam laienes teooria rakendamise valdkond, seda usaldatavamaks muutus teooria see osa, kus esikohal on Maxwelli võrrandid koos väljatugevustega, mida nad sisaldasid. Teiselt poolt aga ei toonud see areng kaasa mitte mingisugust edu eetri lähema tunnetamise alal. Ei õnnestunud mõõta ühtki eetri mehhaanilist karakteristikut, ja mis on veel tähtsam, ükski selline karakteristik ei osutunud vajalikuks teooria arendamisel. Eetrit vahetult iseloomustavate suuruste reaalsus hakkas kahanema. Kuid väljatugevused olid ju eetri karakteristikutega

teoreetiliselt seotud. Järelikult tekkis olukord, kus ka väljatugevusi ei saadud enam pidada reaalseteks suurusteks. Välja materiaalne kandja — eeter — kadus, jäid järele vaid Maxwelli võrrandid. Näis paratamatuna järeldus, et nendes võrrandites esinevad suurused — väljatugevused — ei kirjelda materiaa-omadusi, vaid kujutavad endast matemaatilisi konstruktsioone, mis on välja mõeldud selleks, et mugavalt kirjeldada vaadeldavaid nähtusi. Niisuguseks kujunes tol ajal (käesoleva sajandi algul) paljude füüsikute vaade.

Tänapäeval rõhuv enamik füüsikuid küll enam ei kahtle selles, et elektromagnetilise välja vektorid kujutavad reaalseid suurusi, mis spetsiifilisel viisil kvantitatiivselt kirjeldavad uut liiki materiaalse reaalsuse — elektromagnetilise välja — omadusi. Seega on materiaa ikkagi alles jäänud koos võrranditega. Kadus vaid eeter: relatiivsusteooria näitas lõplikult, et eeter oli fiktsioon, et eetrihüpotees oli ekslik (kuigi ei saa loomulikult eitada selle hüpoteesi progressiivset osa teatud varasemal arengujärgul)

Niisiis, elektromagnetilise välja teooria areng õpetab, et mõned füüsikalised suurused, mis algul näivad olevat ebareaalsed, osutuvad hiljem, vastupidi, täiesti reaalseteks. Osutub, et nad kirjeldavad uut liiki füüsikalist reaalsust. Seejuures on äärmiselt oluline, et selle uut liiki reaalsuse tunnetamisel on otsustavat osa etendanud just need suurused ise. Seevastu mõned teised suurused, mida omistatakse hüpoteetilistele objektidele (eeter), kaovad koos selle hüpoteesiga. Idealistid nägid ajutises väljatugevuste ebareaalseks muutumises «materiaa kadumist». Kuid materialistlikult seisukohalt ainuvõimalik järeldus on niisugune: kui võrrandid peavad vastu praktika kriteeriumile, siis on nad õiged ja nendes sisalduvad suurused peavad olema reaalsed, ka sel juhul, kui see näib meile antud hetkel harjumatuna või isegi mõttetuna.

Aga ka tänapäeva elektrodünaamika sisaldab ikka veel suurusi, millele tavaliselt omistatakse väiksemat reaalsuse astet kui väljatugevusele. Need on elektromagnetilised potentsiaalid. Kuid kas on õige pidada potentsiaale vähem reaalseteks suurusteks? Fakt on see, et teoorias etendavad potentsiaalid küllaltki tähtsat osa, nii et vaevalt oleks tänapäeva teooria mõeldav ilma nendeta. Kas ei ole me praegu nende suhtes analoogilises olukorras nagu kunagi varem väljatugevuste suhtes? Kas tõesti on potentsiaalid mingi meelevaldne väljamõeldis, mida kasutatakse ainult mugavuse pärast? Viidatakse mõnikord sellele, et potentsiaalid ei ole põhimõtteliselt mõõdetavad, sest nad ei ole üldse üheselt defineeritavadki. Allpool katsume põhjendada, et see vastuväide ei ole küllalt kaalukas. Peamine on see, et potentsiaalid moodustavad teooria struktuuris niivõrd olulise komponendi, et ilma selle mõisteta oleks teooria kindlasti puudulik. Aga see teooria tervikuna on leidnud praktikas täielikku kinnitust. Sellest piisab, et lugeda potentsiaale — vähemalt niikaua, kuni pole vastupidist tõestatud (nagu

see juhtus eetriga) — täiesti reaalsateks suurusteks, võrdsel alusel väljatugevustega.

Teise, mõnevõrra teistlaadilise näitena vaatleme spetsiaalse relatiivsusteooria poolt loodud uusi mõisteid, mis tõid muudatusi senistesse vaadetes füüsikaliste suuruste reaalsuse kohta. Eespool me juba rääkisime eetri mõiste likvideerimisest relatiivsusteoorias. Teiselt poolt näitas relatiivsusteooria, et paljud füüsikalised suurused, mida varem peeti absoluutseks, on tegelikult relatiivsed, s. o. nende väärtus oleneb sellest inertsiaalsüsteemist, milles neid mõõdetakse. Kuid relatiivsusteooria näitas samuti reaaliisuguste suuruste olemasolu, mis on invariantid Lorentzi teisenduste suhtes. Relatiivsusteooria matemaatiline aparatuur on küllaltki abstraktne (või vähemalt näis ta paljudele niisugusena oma arengu algjärgudel), ja seetõttu tekkis ning levis vaade, et relatiivsed suurused on vähem reaalsed kui invariantid. Hiljuti kaitses seda seisukohta eriti M. Born². Born kasutas oma invariantidele rajatud tõlgendust selleks, et kaitsta relatiivsusteooriat subjektivistlike arusaamiste vastu. Seega on Borni eesmärk tergitatav, kuid siiski tuleb tunnistada tema tõlgendust tarbetuks. Fakt on see, et invariantid üksi ei peegelda veel kogu reaalsust. Teooria ei saa läbi ilma relatiivsete suurusteta. Aga siis tuleb paratamatult järeldada, et relatiivsed suurused ei ole mitte vähem reaalsed kui invariantid.

III. Füüsikaliste suuruste reaalsuse gnoseoloogilise probleemia

Eespool öeldust järgneb, et füüsikaliste suuruste reaalsuse probleem on suurelt osalt gnoseoloogiline. Me tunnetame füüsikalist reaalsust kvantitatiivselt füüsikaliste suuruste kaudu. Järelikult, et õigesti otsustada suuruste reaalsuse üle, tuleb lähutada teatud tunnetusteoreetilistest printsiipidest.

Me nägime, et füüsikaliste teooriate arenedes arenevad ja muutuvad ka meie arusaamised teooriates esinevate suuruste reaalsusest. Mõnikord on nii, et suurus, mida on peetud reaalseks ja mis on etendanud teoorias teatud olulist osa, muutub hiljem teoreetiliselt üleliigseks ja eksperimentaalselt kättesaamatuks. Nii juhtus kõigi eetri omadustega, mis kadusid koos eetri mõistega. Nii juhtus ka absoluutse aja ja ruumiga ning teiste absoluutsete suurustega, mille asemele relatiivsusteooria tõi sisse relatiivsed suurused. Tuleb märkida, et selliste suuruste saatuses on igakord teooria etendanud otsustavat osa. Eksperimentaalsed tulemused on muidugi vajalikud, kuid lõpliku otsuse annab alati teooria. Kui ei oleks relatiivsusteooriat, siis ei oleks tänapäeval võimalik näiteks absoluutse kindlusega eitada eetri olemasolu, isegi kui ükski eksperiment ei kõneleks tema kasuks. Teisest küljest, teooriate

² М. Борн, Физическая реальность. «Успехи физических наук» 1957, 62, № 2, lk. 129—139.

arenedes kasvab ka nendes esinevate suuruste reaalsus, sedamööda kuidas kasvab nende teoreetiline tähtsus. See tähendab, et füüsikaline teooria, olgu tema matemaatiline abstraktsus kui tahes kõrge, peegeldab ikkagi materiaalist reaalsust. Ja seepärast, kui abstraktsed teoorias esinevate suuruste mõisted ka on, nad peavad olema vastavuses reaalsete objektidega. Seejuures ei tarvitse need suurused olla vahetult või isegi üheselt mõõdetavad. Oluline on ainult see, et teooria tervikuna on kooskõlas eksperimentaalsete andmetega ja seepärast, niikaua kui seda teooriat ei ole asendatud uue, täiuslikuma teooriaga, tuleb teoreetiliselt arvatavaid tulemusi pidada samaväärseks vahetult mõõdetavatega, seda ka sel juhul, kui arvutustulemus on põhimõtteliselt mitteühene. Seega ei takista füüsikalise teooria abstraktsus või tema matemaatiliste mõistete komplitseeritus teoorias esinevate suuruste pidamist reaalseteks — muidugi niivõrd ja niikaua, kuni see teooria püsib, s. o. kuni ei ole avastatud fakti, mida see teooria ei oska seletada. Viimasel juhul teooria täieneb. Osa vana teooria mõisteid läheb üle uude teoriasse, tarbe korral vastavalt modifitseerituna. Ja mida elujõulisemaks osutub mingi suuruse mõiste niisuguste üleminekute korral, seda suurema tõenäosusega võib väita, et see suurus ei ole ajutine puhtmatemaatiline mõiste, vaid kujutab endast füüsikaliste objektide või protsesside reaalsel karakteristikut.

Esitatud vaated leiavad kinnitust füüsika tegelikus arengus, mille kohta tõime juba paar näidet eespool. See järgneb samuti üldisest dialektilise materialismi teesist praktikakriteeriumi kohta teaduslike vaadete tõepärasuse hindamisel. Siinjuures tuleks ainult eriti rõhutada, et tänapäeva füüsika (ja teiste täppisteaduste) praktika on teooriaga palju tihedamalt seotud, kui seda tavaliselt arvatakse. Nii ei oleks õige ka füüsikaliste suuruste reaalsuse probleemis püüda lahendada üht või teist konkreetset küsimust otsese eksperimendi teel. Niisugune suund viib kergesti operatsionalismi ja positivismi. Ükski suurus, olgu ta kui tahes abstraktne, ei saa olla ebareaalne ainult oma abstraktsuse tõttu. Alati tuleb arvestada, et me liiga sageli oleme veel vanade arusaamiste ja mõistete kammitsas. Alati tuleb mõelda sellele, et kui üks või teine suurus tundub meile ebareaalne, siis on see vahest tingitud meie intuitsiooni arenematusesest. Tegelikult jõuab teooria areng peaaegu alati ette tõlgenduse ja kujutluse arengust. Teooria näitab suunda, milles talle peab järgnema intuitsioon. Ja vastupidi, tänapäeva füüsikas asendab sageli vana «naiivset» intuitsiooni matemaatiline intuitsioon. See on positiivne nähtus, sest ta on lahutamatu seotud kogu tegeliku arenguga.

IV Mõtteid relatiivsusteooria ja kvantmehhaanika tõlgendamisest

Viimasel ajal on meil, Nõukogude Liidus, intensiivselt töötatud relatiivsusteooria ja kvantmehhaanika filosoofilise tõlgendamise alal. Suurt tähtsust nendes tõlgendustes omab ka füüsikaliste suuruste reaalsuse probleem. Sageli algabki tõlgenduse ülesehitamine sellega, et autor teeb kindlaks, missugused suurused antud teoorias on reaalsed ja missugused mitte (või on vähemal määral reaalsed). Alljärgnevalt ei kavatse ma kuigi ammendavalt kritiseerida olemasolevaid või esitada omapoolseid tõlgendusi. See viiks käesoleva artikli raamidest kaugele välja. Küll aga tahaksin eespool toodud mõtete taustal fikseerida mõned olulised momendid, mida edaspidises töös relatiivsusteooria ja kvantmehhaanika tõlgendamisel tuleks võib-olla silmas pidada.

Alustame relatiivsusteooriaga. Nagu eespool mainitud, näeb Born relatiivsusteooria objektiivset iseloomu selles, et relatiivsete suuruste kõrval esinevad teoorias invariantid. Ta kirjutab: «Olen veendunud, et invariantide idee on võtmeks reaalsuse ratsionaalsele mõistmisele.»³ Analoogilisele seisukohale on asunud ka tuntud nõukogude matemaatik ja füüsik A. D. Aleksandrov.⁴ Ta leiab, et relatiivsusteooria tavaline ülesehitus, kus alustatakse relatiivsetest suurustest, ei vasta selle teooria olemusele. Viimane seisneb Aleksandrovi arvates selles, et füüsikaliste nähtuste relatiivsed karakteristikud on materia absoluutsete karakteristikute aspektid. Näiteks relatiivne aeg ja relatiivne ruum on absoluutse aegruumi aspektid. See on muidugi õige, kuid raske on siiski nõustuda relatiivsete suuruste tahaplaanile nihutamisega, nagu see paratamatult järeldub relatiivsusteooria ülesehitamise viisist Aleksandrovi järgi. Ta soovib alustada absoluutsest ning vaadelda relatiivseid karakteristikuid kui absoluutse aspekte ehk projektsioone. Kuid kas on see tõesti tarvilik? Kas see ei tähenda seda, et relatiivseid suurusi peetakse vähem reaalseteks kui absoluutseid? Arvan, et selleks puudub küllaldane alus. Relatiivsusteooria ei ole tegelikult mõeldav ilma relatiivsete suurusteta ja seepärast tuleb neid pidada niisama reaalseteks nagu invariante. Nii ühed kui ka teised on võrdselt, igaüks omal kohal, kohased materia tunnetamiseks absoluutsele tõe lähendamise mõttes.

Asjaolu, et igal relatiivsel suurusel on erinevad väärtused erinevates inertsiaalsüsteemides,* ei kõnele nende suuruste väiksema reaalsuse või alamat liiki reaalsuse kasuks. Sageli väidetakse⁵, et relatiivsed suurused on küll reaalsed, kuid nad ei väl-

³ М. Борн, viidatud teos, lk. 134.

⁴ А. Д. Александров, Философское содержание и значение теории относительности. «Вопросы философии» 1959, № 1, lk. 67—84.

* Me vaatleme siinkohal ainult spetsiaalset relatiivsusteooriat.

⁵ Vt. А. Д. Александров, viidatud teos.

jenda objekti enese omadusi, vaid tema vahetkorda teiste objekti-dega. Autori arvates ei ole vahetkord teiste objektidega siin üldse oluline, sest meil on õigus valida inertsiaalsüsteeme meelevald-selt, ilma et valitud inertsiaalsüsteem oleks seotud mingi konk-reetse objektiga. Seega on kõik võimalikud inertsiaalsüsteemid puhtmatemaatilised konstruktsioonid. Kuid kõigi nende süstee-mide kogu väljendab siiski aegruumi reaalsset meetrikat. Abso-luutset ei tule otsida relatiivsete suuruste taga kui midagi nii-sugust, mille aspektideks ehk projektsioonideks on need suurused. Absoluutsus on relatiivsetes suurustes enestes, sest iga niisugust suurust võib iseloomustada tema väärtuste lõpmatu komp-leksiga, kusjuures iga väärtus vastab teatud inertsiaalsüsteemile. See väärtuste kompleks on absoluutne, sest tervikuna ei sõltu ta inertsiaalsüsteemi valikust. Miks ei võiks relatiivse suuruse absoluutse väärtusena vaadelda nimetatud väärtuste kompleksi? See vastaks täielikult relatiivsusteooria struktuurile ja sellelt seisukohalt ei saa tekkida mingeid kahtlusi relatiivsete suuruste reaalsuse kohta.

Analoogiline seisukoht osutub otstarbekaks ka elektromagneti-liste potentsiaalide reaalsuse küsimuses. On teada, et potentsiaa-lid on defineeritud gradientteisenduse täpsusega. Gradientteisen-dused moodustavad rühma, mis on analoogiline (eriti jäävuse seaduste seisukohalt) Lorentzi teisenduste rühmaga. Miks ei või kõiki potentsiaalide väärtusi, mis saadakse kõigi mõeldavate gradientteisenduste abil, kokku võtta üheks «absoluutseks» väärtuseks? Seega ei seisaks potentsiaalide reaalsuse tunnustamisel ees mingeid takistusi, samuti nagu ei ole neid ka Lorentz-relatiiv-sete suuruste osas.

Esitatud seisukohad on mõnevõrra ebatavalised, sest ollakse harjunud, et iga suurus omab korraga ainult üht väärtust. Kuid füüsika ajalugu on juba küllalt õpetanud, et uued mõisted hari-likult ei mahu vanadesse raamidesse. Meie kujutlusvõime peab kohanema edasiareneva teooriaga.

Siirdume kvantmehhaanika juurde. Tänapäeva kvantmehhaani-kas omab keskset tähtsust lainefunktsiooni mõiste. See mõiste on seda laadi, et kvantmehhaanika ei ole ilma sellela mõeldav. On samuti teada, et kvantmehhaanika omab väga rikkalikku eksper-imentaalselt baasi. Kas on lainefunktsioon reaalne suurus? Kui otsustada selle tähtsuse järgi, mida lainefunktsioon omab täna-päeva teoorias, siis peaks sellele küsimusele vastama jaatavalt. Ometi enamik interpretatsioone niisugust selgepiirilist jaatavat vastust ei anna.

Üheks populaarsemaks interpretatsiooniks on meil viimasel ajal kujunenud V. A. Foki interpretatsioon. Oma artiklis⁶ esitab Fok rea kaalukaid argumente selle väite kasuks, et lainefunkt-

⁶ В. А. Фок, Об интерпретации квантовой механики. «Успехи физических наук» 1957, 62, № 4, lk. 461—474.

siooni ei saa pidada klassikalise väljafunktsiooni taoliseks suurus- seks (nagu mõnede teiste autorite poolt püütakse põhjendada). Foki väited on kahtlemata õiged, kuid sellest ei järgne, et lainefunktsioonile ei saa omistada füüsikaliselt reaalse suuruse tähendust niisama täielikus, kuigi kvalitatiivselt erinevas mõttes, nagu on omane klassikalisele väljafunktsioonile. Mitte väga kauges minevikus ei osatud isegi klassikalist väljafunktsiooni vaadelda niisama reaalsena, nagu näiteks mehhaanilisi suurusi. Analoogiline on vahest olukord tänapäeval kvantmehhaanilise lainefunktsiooniga. Selle funktsiooniga kirjeldatavad objektid (mikrosüsteemid) omavad küll erilisi kvalitatiivseid iseärasusi, võrreldes makrosüsteemidega, kuid nende intuiitiivne tunnetamine on siiski võimalik. Selle eelduseks on vaid lainefunktsiooni reaalsuse tunnustamine.

Fok jõuab oma interpretatsioonis otsusele, et kuigi lainefunktsioon on üksiku mikroobjekti seisundi objektiivne karakteristik, kujutab see seisund ise ainult potentsiaalset võimalust, mitte aga tegelikkust. Tegelik seisund saabub alles sooritatud katse lõppstaadiumis, kusjuures üksiku katse tulemuse ühene ennustamine on võimatu.

Tuleb rõhutada, et Foki interpretatsiooni faktiline külg ei tekita mingeid vastuväiteid. Kuid käesolevate ridade kirjutaja arvates lainefunktsiooni tähenduse piiramine ainult potentsiaalselt võimalikuga kahandab selle funktsiooni reaalsuse määra, mis ei ole kooskõlas selle suuruse esmajärgulise teoreetilise tähtsusega. On vaja kaaluda, kas ei ole see suurus siiski tegeliku seisundi väljendaja, kuna seda protsessi, mida Fok vaatleb potentsiaalse võimaluse üleminekuna tegelikkusse, tuleb vaadelda lihtsalt kui selle tegeliku seisundi osalist mõõtmist. Arvan, et niisuguse seisukoha üksikasjaline põhjendamine on võimalik, kuid käesoleva artikli raamidesse see küsimus enam ei mahu.

V. Kokkuvõte

1. Füüsika matematiseerumine on progressiivne nähtus, mis peegeldab füüsikalise reaalsuse järjest sügavamale minevat tunnetamist. Sellega kaasneb paratamatult füüsikaliste mõistete abstraktsemaks muutumine, kusjuures füüsikaliste suuruste iseloom muutub komplitseeritumaks. Nende käsitlemine on võimalik ainult lahutamatus seoses kogu selle füüsikalise teooriaga, milles nad esinevad.

2. Füüsikaliste suuruste reaalsuse või reaalsuse astme üle ei saa otsustada ainult vahetute eksperimentide tulemuste põhjal, vaid selleks on tingimata tarvis arvestada vaadeldava suuruse teoreetilist osatähtsust. Eriti juhul, kui antud suurus on arenenud paralleelselt teooria arenguga ja tema areng on avaldanud positiivset mõju teooria arengule, võib teda suure kindlusega pidada reaalseks sõltumatult tema abstraktsuse astmest või ühesusest

või tema määramiseks kasutatavatest mõõtmisprotseduuridest.

3. Eespool väljendatud seisukohtade rakendamine relatiivsetele suurustele, sealhulgas elektromagnetilistele potentsiaalidele (klassikalises teoorias) või lainefunktsioonile (kvantmehhaanikas) võib osutada mõõduandvaks relatiivsusteooria ja kvantmehhaanika tõlgendamisel filosoofiliselt, eriti gnoseoloogiliselt seisukohalt.

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ВЕЛИЧИН

П. Кард

Резюме

В статье рассматривается процесс математизации физики как прогрессивное явление, отражающее углубленное познание физической реальности. Этот процесс проявляется, в частности, как усложнение физических понятий, выражающих различные физические величины. Многие физические величины оказываются вследствие этого столь абстрактными, что их часто рассматривают как математические построения, лишенные в значительной мере реальности в физическом смысле. Таковы, например, электромагнитные потенциалы в классической теории поля или волновая функция в квантовой механике. Однако в качестве основного правила при оценке реальности физических величин следует руководствоваться их ролью, которую они выполняют в теории. В особенности в тех случаях, когда развитие понятия данной величины оказывало положительное влияние на развитие всей теории, эту величину нужно с большой степенью вероятности считать реальной, независимо от уровня ее абстрактности, от ее однозначности или неоднозначности или от процедур, необходимых для ее измерения. Эта точка зрения, будучи применена к относительным величинам (в теории относительности) и к волновой функции (в квантовой механике), может оказаться не лишенной существенного значения в интерпретации теории относительности и квантовой механики с философской, особенно с гносеологической точки зрения.

ON THE GNOSIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PROBLEM OF THE REALITY OF PHYSICAL QUANTITIES

P. Kard

Summary

The article deals with the process of mathematization of physics as a progressive phenomenon, reflecting a profounder cognition of physical reality. This process is revealed in particular as a complication of physical concepts expressing different physical quantities. Many physical quantities turn out, in consequence, to be so abstract that they are often regarded as mathematical constructions, in a large measure devoid of reality in its physical meaning. Such are, for instance, the electro-magnetic potentials in the classical field theory or the wave function in quantum mechanics. It is, however, necessary as a rule, when estimating the reality of physical quantities, to be guided by the role they play in the theory. In such cases in particular where the development of the concept of the given quantity has had a positive influence upon the development of the whole theory, that quantity must with a great degree of probability be considered as real, regardless of the level of its abstractness, of its being single-valued or not single-valued, or of the procedures needed for its measurement. This point of view, being applied to the relative quantities (in the theory of relativity) and to the wave function (in quantum mechanics) may prove not without a substantial significance in the interpretation of the theory of relativity and of quantum mechanics from a philosophical, particularly from the gnosiological point of view.

MATEERIA AMMENDAMATUSEST SÜGAVUTI

Füüsika-matemaatikakand. H. Õiglane

ENSV TA Füüsika ja Astronoomia Instituut

Teaduses on olemas mitmesuguseid ennustusi. On ennustusi, mis juhatavad vaatlejat või eksperimentaatorit uue kvantitatiivset laadi fakti juurde. On ennustusi, mis suunavad uurijat uurimisobjekti uute kvaliteetide ja uute omaduste avastamisele. Ja lõpuks on ennustusi, mis saadakse kõige üldisemate teoreetiliste seisukohtade alusel ja mis moodustavad konkreetsetele uurimissuundadele ideelise raamistiku.

Niisuguseks ennustuseks füüsikute jaoks on Lenini seisukoht materia ammendamatusel.

Elektron avastati alles aastal 1897. See oligi õieti ainuke elementaariosake, mida tunti siis, kui Lenin kirjutas oma silmapaistvat tööd «Materialism ja empiriokrititsism». Valgusosakest foonit sel ajal veel elementaariosakeste hulka kuuluvaks ei loetud. Ka elektroni omadustest oli füüsikutel alles väga ebamäärane ettekujutus. Arvati, et elektroni mass on elektromagnetilise päritoluga, s. t. et ta on tihedalt seotud elektroni laenguga. Peale selle oli selge, et elektroni mass peab olenema ka kiirusest. Kuid juba sellest piisas, et kõigutada senise füüsika põhiprintsiipe. Koos idealistlike ja agnostitsistlike vaadete levimisega füüsikute hulgas viis see olukorrani, mida me tunneme füüsika kriisi nime all. Füüsikud olid seni arvamisel, et füüsika hoone on juba peaaegu valmis, jääb teha veel ainult väiksemaid viimistlusteid. Võib siis ette kujutada nende hämmeldust ja peataolekut, kui tervete põlvkondade uurimistööga loodud ehitus hakkas vundamendist peale pragunema. Ja teiselt poolt on raske ülehinnata Lenini geniaalsust, kes, tuginedes dialektilise materialismi printsiipidele, suutis näidata väljapääsuteed kriisist, teed, mida füüsikud ise sel ajal veel näha ei osanud.

Analüüsides füüsika kriisi tekkimise põhjusi, kirjutas Lenin oma raamatus «Materialism ja empiriokrititsism» järgmist: «Kuid dialektiline materialism rõhutab kindlalt, et igal teaduslikul teisel materia struktuurist ja tema omadustest on ligikaudne, suhteline iseloom, et looduses ei ole absoluutseid piire, et liikuv materia

muutub ühest olekust teise, meie seisukohalt nähtavasti eelmisega vastuolulisse olekusse.»¹

Ja edasi:

«Asjade «olemus» või «substants» on ka suhtelised; nad väljendavad ainult seda, et inimene tunnetab objekte sügavamalt, ja kui eile see tunnetus ei läinud kaugemale aatomist, täna — kaugemale elektronist ja eetrist, siis rõhutab dialektiline materialism, et kõigi nende progresseeruva inimliku teaduse poolt ülesseatud loodusetunnetamise teetähiste iseloom on ajutine, suhteline, ligikaudne. Elektron on niisama a m m e n d a m a t u kui aatomgi, loodus on lõpmatu .»²

Nii kirjutas Lenin sel ajal, kui füüsikud teadsid materia struktuurist ja elektroni omadustest alles õige vähe. Vahepeal on möödunud 50 aastat. Materia struktuuri ja elementaarosakeste uurimisel töötavad kogu maailmas tuhanded füüsikud. Maailma suurimad aparaadid, mille mõõtmised ulatuvad kümnetesse ja isegi sadadesse meetritesse, on ehitatud just elementaarosakeste ja materia struktuuri probleemide lahendamiseks. Lubatagu mul siis «Materialismi ja empiriokrititsismi» juubeli puhul anda lühike ülevaade sellest, missuguse konkreetse sisu on füüsikud juba jõudnud Lenini eeltoodud seisukohtade tagant avastada.

Aastal 1909 tunti ainult ühte elementaarosakest. Aastaks 1959 on neid tegelikult vaadeldud 23, kusjuures see arv pole kindlasti veel lõplik. Varem või hiljem ulatub avastatud elementaarosakeste arv vähemalt 30-ni. Kuid see on ainult probleemi väline külg. Elementaarosakeste omaduste uurimine on avanud füüsikute ees hoopis omapärase maailma, kus valitsevad seadused erinevad õige tugevasti makromaailma seadustest.

Esimeseks üllatavaks tulemuseks oli elementaarosakeste, konkreetset elektroni laineomaduste avastamine (1924 — 1926). Makromaailma mõttelaadiga inimesel oli esialgu täiesti võimatu aru saada, kuidas võib üks ja seesama objekt esineda kord lainena, teinekord osakesena. Samasuguseks üllatuseks oli annihilatsiooniprotsessi avastamine, kus elektron ja positron kaovad ning tekivad valgusosakesed, footonid. Tänapäeva füüsiku jaoks pole siin enam midagi üllatavat. Nii laineomadused kui ka muundumisvõime, erijuhul annihilatsioonivõime, on omased igale elementaarosakesele. Iga füüsik teab, et osakeste niisugused «libahundiomadused» on ainult näivalte vastuolulised, tegelikult on nad materia liikumise ja muundumise seadustega kooskõlas. Kõrvutame seda seisukohta Lenini eeltoodud väitega, et « liikuv materia muutub ühest olekust teise, meie seisukohalt nähtavasti eelmisega vastuolulisse olekusse». Jääb üle ainult imestada, kui hästi tabas Lenin materia struktuuri moodustavate osakeste olemust ligi 20 aastat enne füüsikuid.

¹ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., Tallinn 1952, lk. 241.

² Sealsamas, lk. 242.

Elementaarosakesi vaadeldi kuni kõige viimase ajani jagamatute ja struktuuritute objektidena. Füüsiku seisukohalt oli mõtet rääkida küll elementaarosakeste omadustest, kuid osakest ennast tuli käsitleda lõplikuna ja jagamatuna. Niisugune seisukoht peidab endas varjatud vastuolu Lenini teesiga mateeria ammendamatusest. Tõepoolest, kui me piirame oma uurimisala altpoolt pikkusega 10^{-13} cm, s. o. kui me sellest pikkusest väiksemate objektide uurimise kuulutame mõttetuks, siis me seame enda ette tõkke, mis ei luba meid mateeria uurimisel minna kuitahes sügavale. Ja jällegi oli eksperiment see, mis kummutas füüsikutele sügavalt sisesejuurdunud vaate. 1956. aastal, kui eksperiment jõudis kaugusteni 10^{-14} cm, selgus, et prootonil on olemas sisemine struktuur.

Prooton on teatavasti positiivselt laetud osake. Kuni 1956. aastani arvati, et laengu jaotusest prootonis pole mõtet rääkida. Siis aga selgus, et laengu jaotust prootonis saab isegi katseliselt kindlaks teha. Osutus näiteks, et laengu tihedus prootoni keskpunktis on null. Sisemine struktuur on avastatud ka neutronil ja on väga tõenäoline, et see on olemas kõigil elementaarosakestel.

Kas see tähendab, et me võime elementaarosakest samuti koostisosadeks lõhkuda, nagu seda saab teha aatomiga? Selgub, et ei. Elementaarosakese struktuur on hoopis teistsuguse iseloomuga kui aatomi struktuur. Elementaarosakese struktuuri määrab kõigi teiste elementaarosakeste olemasolu. Selgitame seda väidet lähemalt.

Kaasaegse füüsika seisukohalt on ruumil olemas terve rida konkreetseid füüsikalisi omadusi. Need omadused avalduvad elementaarosakeste muundumiste kaudu. Eespool me rääkisime annihilatsiooniprotsessist, kus elektron ja positron kadusid, kuna tekkisid footonid. Selle protsessi füüsikaline olemus seisneb selles, et elektron ja positron neelduvad mingis ruumpunktis, kusjuures tekivad footonid. Füüsikud ütlevad selle kohta, et elektron ja positron neelduvad vaakuumis, kusjuures vaakuum kiirgab välja footoneid. Energia, mille töid kohale elektron ja positron, viiakse ära valgusosakeste poolt. On võimalik ka vastupidine protsess: vaakuumis neeldub foton, kusjuures kiirguvad elektron ja positron. Niisugune võime neelduda vaakuumis ja kiirguda sealt on olemas kõigil elementaarosakestel. Osakese tekkimiseks vaakuumist on seejuures alati vaja teatud hulk energiat, sest tuntud Einsteini valemi järgi $E=mc^2$ peab kindla massiga osake endaga alati kaasa viima ka kindla portsjoni energiat.

Kuid osutub, et ruumi füüsikalised omadused avalduvad isegi niisugustes protsessides, kus puuduvad osakeste tekkimiseks vajalikud vabad energiahulgad. Iga osake niiöelda «ergutab» oma lähemas ümbruses olevat vaakuumi, mille tagajärjel seal tekivad teiste elementaarosakeste fluktuatsioonid. Näiteks elektroni ümber tekivad ja seejärel otsekohe jälle kaovad teised osakesed, nagu footonid, positronid, elektronid, prootonid, antiprootonid ja teised.

Niisugused «hetkelised» osakesed, mida füüsikas nimetatakse virtuaalseteks osakesteks, määravadki elementaarosakese struktuuri. Arvatakse, et prootoni struktuur on tingitud peamiselt virtuaalsetest π -mesonitest, mis tekivad prootonit ümbritsevas vaakuumis. Prooton oleks seega omapärane süsteem, mis koosneb neutraalsest «tuumast» ja seda ümbritsevate virtuaalsete positiivselt laetud π -mesonite «pilvest». Prootoni seesmise struktuuri moodustumisel etendavad teatud osa ka teised virtuaalsed osakesed, mitte ainult π -mesonid.

Siit on näha, et elementaarosakese struktuur ei kuulu ainult osakesele endale, vaid see on osakese ja vaakuumi koosmõju efekt. Nii nagu pole võimalik mõelda osakest väljaspool ruumi ja aega, nii ei saa kujutleda osakest, mis ei oleks vaakuumiga vastastikusel mõjustuses. Rääkida elementaarosakese lahutamisest struktuurituteks koostisosadeks on niisama mõttetu kui uskuda, et elementaarosakest on võimalik ruumist ja ajast välja viia.

Olgu möödaminnes märgitud, et virtuaalsete osakeste poolt esilekutsutud efekte (elektroni magnetiline lisamoment ja energiatasemete nihkumine vesinikuaatomis) mõõdeti eksperimentaalselt juba 1947 aastal.

Elementaarosakeste struktuur pole ainuke kaasaegse mikro maailma uurija ees seisev küsimus. Elementaarosakestega seotud probleemide arv on iseäranis viimaste aastate jooksul tohtu suureks kasvanud. See on kõige paremaks illustratsiooniks Lenini väitele materia ammendamatusel. Mida sügavamale objekti olemusse uurija tungib, seda rohkem kerkib tema ette veel lahendamata probleeme. Iga lahendatud küsimus tõstatab kümneid uusi küsimusi — seda näitab füüsikute ja kõigi loodusteadlaste sajanditepikkune praktika. Lenini tees materia ammendamatusel leiab üha rohkem ja rohkem kinnitusi.

Käesoleva eesmärgiks ei ole elementaarosakeste füüsika tulemuste refereerimine. Seetõttu pole siin võimalik lähemalt peatuda paljudel huvitaval faktidel, mis füüsikud viimaste aastate jooksul on avastanud. Kuid üldise tendentsina hakkab selgelt silma, et järjest avastatakse seoste olemasolu niisuguste nähtuste vahel, millel ei tundu esimesel pilgul midagi ühist olevat. Eespool oli juba juttu sellest, et on avastatud konkreetne füüsikaline seos ruumi (muidugi siis ka aja) ja elementaarosakeste vahel, samuti üksikute elementaarosakeste liikide vahel. Viimastel aastatel on avastatud rida viiteid ka selle kohta, et elementaarosakese laeng on kuidagi ühenduses ruumi peegeldusomadustega. Et meile tuntud maailm koosneb aatomitest, millede tuumades on prootonid ja neutronid ning väliskattes elektronid — see on fakt, mis on kuidagi tingitud meie ruumi omadustest. Maailmas, mis oleks peegelpildiks meie maailmale, peaksid aatomite tuumad koosnema antiprootonitest ja antineutronitest, kuna aatomi väliskate peaks koosnema antielektronidest. Kas niisugust

maailma tegelikult olemas on, s. o. kas mõni osa meie lõpmatust universumist koosneb antiaatomitest, seda me praegu ei tea.

Elementaarosakeste füüsika astub alles oma esimesi samme. Need sammud on olnud uueks veenvaks tõestuseks Lenini seisukohtadele materia ammendamatuses. Ja pole kahtlust, et füüsika edasine areng saab neid seisukohti ainult kinnitada. Seoses sellega kerkib aga teine küsimus: kas Lenini filosoofilised seisukohad materia struktuuri ja ammendamatuses küsimustes on kasulikud ka füüsika konkreetsete probleemide lahendamisel? Ei saa muidugi oodata, et Lenini seisukohad annaksid üksikasjalisi näpunäiteid ühe või teise füüsikalise teooria detaile puudutavates küsimustes. Kindlasti aga saab leninlikke seisukohti kasutada üldise suuna fikseerimisel ja alusprintsipiide püstitamisel konkreetsetele füüsikalistele mõttekäikudele. Füüsika ajaloost võib tuua terve rea näiteid, mis viitavad sellele, et õige filosoofiline lähtekoht võib tunduvalt kaasa aidata füüsika konkreetsete probleemide lahendamisele. Ja vastupidi, ebaõige filosoofiline positsioon võib saada uurijale õige tõsiseks tõkkeks tema teel.

On näiteks teada, et spetsiaalse relatiivsusteooria valemiteni ja formaalse struktuurini jõudis H. Poincaré juba 1904. aastal. Sellele vaatamata omistame me relatiivsusteooria loomise au A. Einsteinile, kes kirjutas vastava töö alles 1905. aasta kevadel. Põhjus on siin lihtne. Poincarél olid välja kujunenud tugeva mahhistliku kallakuga filosoofilised vaated. Tema arvates ei seisnud teadusliku teooria väärtus mitte tegelikkuse õiges peegeldamises, vaid ainult teooria rakendamise otstarbekohasuses ja mugavuses. Kõikvõimalikud teooriad olid Poincaré jaoks samaväärsed, eelistada ühte neist teistele oli ainult otstarbekohasuse küsimus. On loomulik, et ta ka relatiivsusteooria valemities ei näinud midagi kvalitatiivselt uut, vaid pidas neid samaväärseteks näiteks mingil viisil modifitseeritud klassikalise füüsika valemitega.

Lenin ütleb Poincaré kohta, kui ta analüüsib Poincaré seisukohti füüsika kriisi küsimustes:

«Need on idealistlikud järeldused. Kõige põhilisemate printsiipide lammutamine tõendab (säärane on Poincaré mõttekäik), et need printsiibid ei ole mitte mingid koopiad, ülesvõtted loodusest, mitte kujutised millestki, mis on väline inimese teadvuse suhtes, vaid selle teadvuse produktid. Poincaré ei arenda neid järeldusi järjekindlalt edasi, ta ei tunne kuigi suurt huvi küsimuse filosoofilise külje vastu.»³

Need Lenini sõnad iseloomustavad täpselt ka Poincaré suhtumist relatiivsusteooria loomise probleemi. Nii juhtuski, et relatiivsusteooria loodi sisuliselt noore füüsiku Albert Einsteini poolt, kellel ei olnud veel takistavat mahhistliku filosoofia pagasit.

Või võtame teise näite kaasajast. Viimastel aastatel on kvantmehhaanikas tekkinud nn. varjatud parameetrite suund. Selle

³ V. I. Lenin; viidatud teos, lk. 233.

suuna esindajad arvavad, et kvantmehhaanika kaasaegne **aparatuur** ei ole täielik, seda tuleks täiendada uute **parameetrite** sissetoomise teel. Sisuliselt püüab see suund mikromaaailma seaduspärasusi taandada sama liiki seadustele, nagu on makromaaailma seadused. Niisuguse suuna kohta võime öelda juba algusest peale, et see on mehhanistlik suund, mis viia ei saa sisuliselt uutele tulemustele.

Kuidas oleks siis võimalik kasutada õige filosoofilise maailmavaate, dialektilise materialismi poolt teritatud pilku selleks, et kaasa aidata mikromaaailma uurimisel tekkinud probleemide lahendamisele? Julgeksime siin püstitada paar väidet, mis tulenevad otseselt leninlikest seisukohtadest mateeria struktuuri ja ammen-damatuse küsimustes.

1. Dialektiline materialism vaatleb kõiki loodusnähtusi vastastikusel seoses ja sõltuvuses üksteisest. See tähendab, et ka meie teooriad peavad olema võimalikult üldised, nad peavad ühendama võimalikult palju fakte ja käsitlema neid ühtsest vaatekohast. Kuid teiselt poolt on teada, et mida üldisem on teooria, seda komplitseeritumaks muutub tema matemaatiline aparatuur. Siit järeldub, et teooria arendamisel kasutatavad füüsikalised ideed peavad olema võimalikult lihtsad ja üldkehtivad, kuna sellega kaasnevat matemaatiliste võrrandite komplitseeritust ei tule pidada mingiks puuduseks. Mida abstraktsem ja keerulisem on matemaatika, võrreldes meie igapäevases elus kasutatava matemaatikaga, seda paremini võimaldab ta peegeldada füüsikalist realiteeti. Kuid oluline on seejuures muidugi, et ei tohi kaduma minna füüsikaline mõte. Hädadoht ei ole mitte matemaatika abstraktsuses, vaid selles, et unustatakse ära objektiivne reaalsus, mida see matemaatika peegeldab.

2. Lenin kirjutab, et «liikuv mateeria muutub ühest olekust teise, meie seisukohalt nähtavasti eelmisega vastuolulisse olekusse»⁴. Siit järeldub, et teooria arendamisel ei tule karta näivaid vastuolusid. Elementaarosakest võivad iseloomustada olekud või karakteristikud, mis näivad meie «tervele mõistusele» teiste karakteristikutega vastuolus olevat. Ainult faktide range ning kannatlik loogiline analüüs võib siin tõe avastada, ükskõik kui veidrana või uskumatuna see tõde meile esialgu ka näib.

3. Lenin kirjutab, et «inimliku teaduse poolt ülesseatud looduse tunnetamise teetähiste iseloom on ajutine»⁵. See tähendab, et teooria arendamisel peame olema valmis loobuma vanadest sisseharjunud kujutlustest ja mõistetest, ükskõik kui loomulikena nad meile

⁴ V. I. Lenin, viidatud teos, lk. 241.

⁵ Sealsamas, lk. 242.

ka näiksid või kui metsikutena ka tunduksid uued mõisted ja kujutlused.

Tooksin siin paar võimalikult ilmekat näidet.

Üheks tõsiseks probleemiks on praegu elementaarosakeste süsteemi loomine. Üht-teist on siin juba ära tehtud. Elementaarosakeste süsteem on praegu umbes samasugusel väljatöötuse astmel nagu oli keemiliste elementide süsteem enne Mendelejevit. On tõenäoline, et elementaarosakeste süstematiseerimise probleem varsti lahendatakse, kuid meil ei oleks midagi imestada, kui see probleem lahendatakse, piltlikult öeldes, elementaarosakeste endi ohverdamise kaudu. Tõepoolest, eespool me nägime, et iga elementaarosakese omadused ja struktuur on määratud, põhimõtteliselt rääkides, kõigi ülejäänud osakeste ja ka tema enda poolt. Siit tekib otsekohe küsimus, kas need inimliku tunnetuse teetähised, mida me nimetame elektroniks, prootoniks jne., ei jää edasiminekul varsti juba seljataha. Kas ei osutu vajalikuks ühtset materiat kuidagi teisiti suhteliselt iseseisvateks üksusteks jagada, et võimaldada materia omaduste, eriti elementaarosakeste struktuuri paremat ja sügavamat analüüsi. Atomaarsete protsesside uurimisel on elementaarosakese mõiste kasutamine paratamatu — seda näitab meile praktika. Kuid, põhimõtteliselt võttes, on täiesti loomulik, et tungides materiasse veelgi sügavamale, osutub elementaarosakese mõiste teisejärguliseks, sekundaarseks. Selle asemel omandaks valitseva koha näiteks universaalse välja mõiste. Muidugi peaks siis olema ka selge, missugustel eritingimustel universaalne väli avaldub elementaarosakeste näol.

On mõeldav, et näiteks ka ruumikoordinaadi ja ajahetke mõistet tuleks elementaarosakeste teoorias kuidagiviisi muuta, et ka need on ainult ajutised teetähised inimliku tunnetusprotsessi teel. See ei tähendaks muidugi loobumist ruumist ja ajast. Materia ei saa eksisteerida väljaspool ruumi ja aega, need on tema olemise vormid, kuid ruumi ja aja omadused mikromaailmas võivad olla hoopis teistsugused, kui need on meie makromaailmas. Ajal ja ruumil võivad mikromaailmas avalduda nii veidrad ja vastuolulistena näivad omadused, võrreldes «hariliku» aja ja ruumi omadustega, et meie ei peagi neid enam ajaks ja ruumiks makroskoopilises mõttes.

Füüsikute hulgas räägitakse sageli, et millegi uue ja silmapaistva loomiseks peab olema julgust uute seisukohtade püstitamiseks, ükskõik kui kummalistena need esialgu ka näivad. Sellest tingituna saavad uusi suundi rajada ainult noored teadlased, kelle mõte ei ole veel «kivinenud». Esimesel pilgul näib see seisukoht olevat õige. Enamik suuri teoreetilisi avastusi füüsikas on tehtud noorte, vähem kui 30 aastaste füüsikute poolt. Ma julgeksin siin siiski väita, et n. ö. «kivinemine» on suurel määral tingitud ebaõigetest filosoofilistest vaadetest. Ebaõige maailmavaade avaldas elu teisel poolel ilmselt pidurdavat mõju Einsteinile ja mitmele teisele praegu veel elavale füüsikule, kes oma

parimad tööd kirjutasid siis, kui neil erilist filosoofilist maailmavaadet veel ei olnud. Seevastu näiteks E. Fermi, kes filosoofia küsimustele kunagi erilist tähelepanu ei pööranud ja endale idealistliku filosoofia pagasit ei kogunud, töötas tõusvas joones kuni oma elu lõpuni. Teiselt poolt võiks võtta näideteks tuntud nõukogude teoreetikud, nagu akadeemikud V. A. Fok ja L. L. Landau, kellede töödes esineb kuni viimase ajani tugev novaatorluse ja uue otsimise joon. On selge, et selle juures etendab suurt osa õige filosoofiline maailmavaade, dialektiline materialism, mis säilitab teadlasel uurimistööks vajaliku mõtteelastsuse.

Seepärast on loomulik, et iga meie füüsik või mistahes teise ala teadlane peab olema kursis marksistliku filosoofia põhiküsimustega ja tundma muuhulgas ka Lenini raamatut «Materialism ja empiriokrititsism». Ei saa olla kahtlust, et Lenini seisukohad mateeria struktuuri ja ammendamatus küsimustes on väärtuslikeks metodoloogilisteks juhtnöörideks kaasaegse füüsika probleemide, sealhulgas ka elementaarosakeste probleemide lahendamisel.

* * *

Käesoleva ettekande teksti trükivalmis seadmisel olid autorile suureks abiks dots. P. Kardi sisulised märkused ja parandused, millede eest avaldan siinkohal oma sügavaimat tänu.

О НЕИСЧЕРПАЕМОСТИ МАТЕРИИ ВГЛУБЬ

Х. Ыйглане

Резюме

В 1908 году, когда В. И. Ленин писал свою знаменитую книгу «Материализм и эмпириокритицизм», физики знали только одну элементарную частицу — электрон. К настоящему времени число открытых частиц уже больше двадцати. Развилась новая большая отрасль физики — физика элементарных частиц, все результаты которой подтверждают ленинские положения о исчерпаемости материи, а также о том, что движущаяся материя превращается «из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения непримиримое с ним.»¹

Особенно хорошим подтверждением ленинских положений является современное представление о структуре элементарных частиц. Структура элементарных частиц обусловлена действием виртуальных частиц, т. е. взаимодействием частицы с «вакуумом». Поэтому надежда разделить элементарную частицу на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 248.

бесструктурные составляющие оказывается такой же бессмысленной, как представление о существовании частицы вне пространства и времени.

Многие примеры из истории физики свидетельствуют о том, что правильные философские взгляды исследователя содействуют решению конкретных физических проблем, в то время как идеалистическое мировоззрение, как правило, оказывается серьезным препятствием на научном пути ученого.

Исходя из положений, изложенных в книге «Материализм и эмпириокритицизм», мы можем сделать следующие выводы, которые могут оказаться полезными при дальнейшем развитии теории элементарных частиц.

1) Физические идеи, применяемые при развитии теории, должны быть как можно более простыми и общими; возникающая при этом сложность математических уравнений не должна рассматриваться как недостаток теории. Опасность не в абстрактности математики, а в том, что исследователи забывают объективную реальность, отраженную с помощью математики.

2) При развитии теории не следует бояться кажущихся противоречий. Только с помощью строгого логического анализа фактов мы можем открыть истину.

3) При развитии теории следует отказаться от многих привычных представлений и понятий и заменить их новыми, более глубоко отражающими действительность.

INEXHAUSTIBILITY OF THE INNER DEPTHS OF MATTER

H. Øiglane

Summary

In 1908, when V. I. Lenin wrote his famous book «Materialism and Empiriocriticism» physicists knew only one elementary particle — the electron. At the present time the number of discovered particles is over twenty. A new wide branch of physics has been developed — physics dealing with elementary particles the results of which corroborate Lenin's principle of the inexhaustibility of matter, and confirm his thought that moving matter is converted «from one state into another, which, as it seems from our point of view, is incompatible with it.»

The modern idea of the structure of elementary particles is an excellent corroboration of V. I. Lenin's principles. The structure of elementary particles is due to the action of virtual particles, i. e. to the interaction of particles with the «vacuum». The hope of dividing an elementary particle into nonstructural elements is therefore as foolish as the idea of existence of a particle out of space and time.

Many examples from the history of physics bear witness to

the fact that right philosophical views of an investigator help to solve concrete physical problems, at the same time the idealistic conception of the world is a serious obstacle on the way of the scientist.

On the basis of the principles of the book «Materialism and Empiriocriticism» we can draw the following conclusions which may prove to be useful in the future development of the theory of the elementary particles.

1. Physical ideas, applied to the development of a theory, should be as simple and general as possible; the possible complication of mathematical equation should not be considered as a fault of the theory. The danger is not in the abstract tendency of mathematics, but in the fact that investigators forget objective reality reflected in mathematics.

2. In the course of the development of a theory one should not be afraid of seeming contradictions. Only with the help of a strictly logical analysis of facts we are able to discover the truth.

3. In the course of the development of theory it is necessary to give up many traditional ideas and notions and replace them by new ideas which reflect reality more exactly

MÖTTELISTE MUDELITE TUNNETUSLIKUST TÄHTSUSEST FÜÜSIKAS

L. Valt

Dialektilise ja ajaloolise materialismi kateeder

Looduse teaduslik tunnetamine on objektiivse maailma keerukas peegeldamine inimteadvuse poolt. Füüsikaliste teooriate püstitamisel ja katsetulemuste tõlgendamisel kasutati ja kasutatakse laialdaselt mõttelisi mudeleid.

Sõna «mudel» on üle koormatud oluliselt erinevate mõistetega. Mudeliks nimetatakse näiteks sarnasusteooria põhjal loodud materiaalsel objektil, esel, mis enam või vähem täpselt jäljendab originaali (masina, elektriijaama jne. mudel). Mudelist räägitakse ka siis, kui uuritava protsessi kopeerimine toimub hoopiski teistsugust füüsikalist iseloomu omavate vahenditega, s. t. kui modelleerimise aluseks on fakt, et füüsikaliselt erinevad nähtused alluvad samale üldisele seaduspärasusele, samale diferentsiaalvõrrandile. Mõlemal juhul on aga tegemist materiaalsete protsesside või esemetega, mis on sarnased, ühetaolised või analoogilised teiste, samuti materiaalsete protsessidega. Mudelid, millele on pühendatud käesolev artikkel, on hoopiski teiselaadilised — need on mudelid, mis eksisteerivad füüsiku teadvuses uuritava nähtuse kirjeldamise või selgitamise viisi näol (aatomi mudel, tuuma mudel, luminestsentsitsentri mudel jne.). Et nimetatud mudelid tavaliselt ei kehastu konkreetse materiaalses vormis, siis nimetame neid mõttelisteks.

Tuleb märkida, et kuigi mõttelisi mudeleid võib füüsikalistes teooriates kohata igal sammul, ei ole nende gnoseoloogilist osa seni vajalikul määral analüüsitud. Nõukogude Liidus on selle probleemi kohta ilmunud kaks artiklit Leningradi filosoofi Stoffi sulest.¹

Et süveneda mõtteliste mudelite olemusse, püüame algal konkreetse materjali varal analüüsida, kuidas mõtteline mudel aitab kaasa uute nähtuste tunnetamisel. Nii kasutatakse füüsikas laial-

¹ В. А. Ш то ф ф, О роли моделей в квантовой механике. «Вопросы философии» 1958, № 12; seesama, К вопросу о роли модельных представлений в научном познании. Ученые записки ЛГУ. 248, вып. 13, Л., 1958.

daselt ostsillaatori mudelit. Masspunkti liikumist jõu mõjul, mis on võrdeline hõlbega tasakaaluasendist, on lihtne ette kujutada, see on näitlik. Seda lihtsaimat mudelit on aga võimalik modifitseerida, tuues näiteks sisse kiirusega võrdelise hõõrdumisjõu. Selline võte võimaldab arvestada uut, endisest erinevat füüsikalist olukorda. Vaadeldes aatomeid kristallvõres kui lineaarseid ostsillaatoreid ja rakendades energia võrdse jaotumise printsiipi vabadusastmete järgi, leiame, et metalli erisoojus on $6 \frac{\text{cal}}{\text{gramm-aatom. kraad}}$ (küllalt kõrgel temperatuuril, kus kvantefektid ei ole olulised), s. t. jõuame teoreetiliselt Dulong-Petit' seadusele. Uurides valguse levimist keskkonnas, vaatleme seotud elektroni kui ostsillaatorit, läbiiva valguslaine poolt polariseeritud keskkonda aga käsitame kui selliste ostsillaatorite kogumit. See meetod võimaldab leida avaldise murdumisnäitaja jaoks, mis osutub lainepikkuse funktsiooniks. Vaadeldes musta keha õõnsust kui virtuaalsete ostsillaatorite kogumit, võime jõuda tasakaalulise musta kiirguse energia tiheduse valemile (Rayleigh-Jeans-Michelsoni valem). Lõpuks, kvantides ostsillaatori, saame Planck'i valemi. Toetudes looduse ühtsusele, erinevaid loodusnähtusi kirjeldavate «diferentsiaalvõrrandite hämmastavale sarnasusele» (Lenin), leidis Planck valemi, mis oli katsega suurepäraselt kooskõlas. On oluline tähendada, et kiirgavate aatomite endi ehitust ja kiirguse tekkimise mehhanismi tol ajal ei tuntud. Ostsillaatorite konkreetne olemus Planck'i teoreetilise mudeli seisukohalt polegi oluline. Siit nähtub, millise heuristilise väärtuse omandas ostsillaatori mudel tänu abstraktsiooni süvenemisele. Meenutagem, et ka Maxwell jõudis oma võrranditele, rakendades mõttelisi mudeleid.

Stoff², analüüsides mõttelisi mudeleid, jõuab järeldusele, et nendes sisaldub viis olulist momenti: 1) näitlikkus, 2) abstraktsioon, 3) teaduslik fantaasia, 4) analoogia kui loogilise meetodi kasutamine, 5) hüpoteetilisuse element. Nendest analüüsib ta ainult mudeli näitlikkust. Näitlikkus seisneb tema järgi selles, et mudel esineb vormilt kui tegelikkuse peegeldamine konkreetse meelelise kujundi näol. Näitlikkust peab Stoff mudeli tähtsaks omaduseks: kaotades selle, muutub mudel teaduslikuks abstraktsiooniks loogilise otsustuse või matemaatilise valemi näol. Nagu näib, mõistab Stoff näitlikkust liiga kitsalt, arvestamata selle evolutsiooni. On aga selge, et see, mis on näitlik kaasaegsele füüsikule, ei olnud seda kaugeltki tema kolleegile saja aasta eest.

Püüame mõnevõrra analüüsida mudeli teisi aspekte, mis on seni filosoofilisest küljest käsitlemata. Kõigepealt märgime, et mõtteline, teoreetiline mudel, mida teadlane kasutab loodusnähtuste seletamisel, pole ühene. Mudel ei saa hõlmata originaali kogu tema struktuurses ja funktsionaalses keerukuses (seetõttu pole õige ütelda, et originaal ja mudel on isomorfised: nad on

² В. А. Штофф, К вопросу о роли модельных представлений в научном познании. Ученые записки ЛГУ 248, вып. 13, Л., 1958.

ainult osaliselt homomorfsed). Mudeli ülesanne on välja eraldada üksikud, olulised momendid, tunnetada need ja sel teel liikuda järk-järgult lähemale absoluutsele tõe. Modelid on objektiivselt õiged, kuivõrd nad kajastavad üht või teist tegelikkuse külge või aspekti. Nii nagu üks diferentsiaalvõrrand võib kirjeldada erinevaid nähtusi, nii saab ka ühe nähtusega vastavusse seada erinevaid objektiivselt õigeid mudeleid (näit. Debye ja Einsteini erisoojuse teooriates). Füüsika ajalugu annab hulgaliselt näiteid ühtede modelite asendamisest teistega. Mudeli puudulikkus, tema rakendatavuse piirid selguvad siis, kui minnakse väljapoole sellest piiratud kogemusest, millele toetudes mudel oli loodud. Uus teooria, andes sageli põhimõtteliselt uue tõlgenduse endise teooria tulemustele, jätab alles kõik konkreetseid tulemusi kui objektiivselt õiged. Füüsikaline teooria on teatud mõttes «invariantne» mudeli suhtes, mis oli aluseks tema püstitamisel (see ei tähenda aga seda, et iga mõeldav mudel annaks sama rakendusliku väärtuse ja matemaatilise kujuga teooria). Just sellise «invariantsuse» tõttu sai sisuliselt väär eetrihüpotees olla aluseks Fresneli klassikalistele töödele laineoptikas ja soojusvedeliku hüpotees Carnot' töödele termodünaamikas.

Mitteühesus koos kaugeleulatuva abstraktsiooniga toob mudelite rakendamisel kaasa teatava subjektiivsuse momendi. Mõttelised modelid on objektiivse maailma subjektiivsed kujundid, materiaalsete esemete koopiad. Nende koopiate iseloomu küsimuse dialektiline lahendamine eeldab kaht momenti: 1) selle määratlust, millise materiaalse objekti koopiks on antud subjektiivne kujund, 2) selle määramist, millises vastavuses on see koopia originaaliga. Esimene on seotud dialektilise materialismi õpetusega tõe konkreetsusest, teine aga õpetusega absoluutse ja suhtelise tõe vahekorra. Marksistlik filosoofia, vastandina metafüüsilisele materialismile, lähtub sellest, et tunnetuse objekt praktika arenguga laieneb, s. t. toimub üleminek antud objektilt laiema objekti uurimisele, mille osaks on antu. On selge, et uurija seisukohalt, kes püüab kirjeldada laiemat objekti olemasolevate piltlike ettekujutuste varal, mis on saadud kitsama objekti peegeldamise tulemusena, see laiendatud objekt on «mittenäitlik».

Mudel on näitlik kujund esemest, mis on kättesaamatu vahe-
tule kaemusele ja on moodustatud teadvuses teiste, tuntud nähtuste analoogia põhjal. See, et mudel on välismaailma kujund, tähendab dialektilise materialismi peegeldusteooria seisukohalt seda, et ta gnoseoloogiline sisu on lahutamatu esemest, objektist, mille mudeliks ta on. Mudel pole ideaalne ese, mis eksisteerib koos materiaalse esemega, vaid ta on viimase kujund. Ta on määratud meelelise mulje tunnetusliku suhtega reaalsusse, mis on temast väljaspool ega ammendu tema sisuga. Lahutamatus seoses suhtega kujundi ja objekti vahel, mudeli ja eseme vahel on vahekord kujundi ja subjekti ning tema tunnetusliku tegevuse vahel. Ka siin ei ole mingit metafüüsilist eraldatust. Mudel ei

eksisteeri väljaspool objektiivse reaalsuse peegeldamise protsessi subjekti poolt. Küsimus mudeli kui ideaalse kujundi suhtes objekti ja subjektiga on ühtne küsimus tema osast subjekti vastastikuses mõjustuses teda ümbritseva maailmaga. Mõteline mudel omandab seejuures tunnetusprotsessis teatud iseseisvuse, ta saab ise mõttetöö objektiks, temale toetudes tehtud järeldused aga kuuluvad kontrollimisele praktikas. Siin on selgesti jälgitav tõe tunnetamise dialektiline tee — elavalt kaemuselt abstraktsele mõtlemisele ja sealt praktikasse. Mõteline mudel on siin tunnetuse abivahendiks, ta on hüpoteesi või teooria väljendus näitlikus vormis. Tema subjektiivsus tähendab ennekõike seda, et ta on subjekti tegevuse, tema tunnetusprotsessi vili. Selles mõttes on subjektiivne igasugune tunnetus, ka see, mis avab inimesele objektiivse reaalsuse ja väljendub objektiivses tões. Tunnetustegevuse subjektiivsus ei ole vastuolus tema resultaate objektiivsusega. Subjektiivsus muutub illusoorseks vaid siis, kui meelelist kujundit käsitletakse lahus teda objektiivselt määravatest tingimustest. Subjektiivsuse ületamine on võimalik ainult siis, kui teda käsitletakse kui objektiivse spetsiaalset avaldumisevormi. Näiteks mitteadekvaatse ettekujutuse taevakehade tegelikest mõõtmetest saame siis, kui nende kohta saadava vahetu aistingu, subjektiivse kujundi eraldame objektiivsetest tingimustest, milles see kujund tekkis, ning kanname kujundi ebateadlikult üle eseme enda kohta. Taevakehade tegelikud mõõtmed määratakse, lähtudes jällegi meelelistest andmetest. Me saame õige pildi, kui subjektiivne seatakse vastavusse teda tekitavate tingimustega (antud juhul arvestatakse koos taevakeha nähtavate nurkmõõtmega ka tema kaugust).

Subjektiivse momendi väär mõistmine oli üheks kvantmehhaanikas avaldunud indeterminismi allikaks. Indeterminism kvantmehhaanikas, nagu teada, tugineb determinismi mehhanistlikule mõistmisele. Mikrofüüsikas katse- või vaatlusseade muudab oluliselt mikroobjekti olekut, kuna klassikalises füüsikas mõõtmine või jälgimine praktiliselt ei mõjusta uuritava protsessi kulgu. Et uuritava mikrofüüsikalise süsteemi olekut mõjustavad need operatsioonid, mida sooritab füüsik mõõtmisi teostades, siis püsitatav füüsikaline teooria ja katsest tehtavad järeldused otsekui oleksid sõltuvuses uurimisviisist ja uurija mõtetegevusest. Siin avaldub selgesti subjekti tunnetusliku tegevuse vastandamine tunnetuse resultaate objektiivsusele. Selle taga peitub positiivistlik dogma, nagu oleks objektiivne ainult see, mis on vahetult kättesaadav meie meelte (või süsteemile, mis koosneb meeleorganitest ja aparaatidest). See on nn. «jälgitavuse printsiip», mis nõudis teooria ülesehitamist nii, et see ei sisaldaks «varjatud parameetreid». (Faktide sunnil on sellest printsiibist loobunud üks tema autoreid, W Heisenberg, kelle uus unitaarne mateeria teooria opereerib juba printsiipiaalselt mittejälgitavate suurus- tega.) Niisiis, indeterminismi üheks aluseks oli vale alternatiiv,

nagu võiks miski olla 1) objektiivne ja siis vahetult antud 2) subjektiivne, inimteadvuse produkt ja seega täielikult mitteobjektiivne. Muidugi on iga teaduslik tõde subjekti tunnetuse vili, see aga ei välista sugugi selle tõe objektiivsust.

Füüsikalise teooria loogilis-matemaatiline aparaat väljendab tunnetuse ratsionaalset külge, mudel aga, mis on lähtekohaks teoreetiliste tulemuste saamisel (võrrandite püstitamisel ja nende interpreteerimisel), on tunnetuse meelelis-piltliku külje väljendajaks. Nende ühtsus on loogilise ja meelelise dialektilise ühtsuse avaldus.

Mõttelised mudelid sisaldavad alati abstraksiooni momendi. Abstraksiooni jõul kustutatakse teisejärgulised omadused, avaneb võimalus vaadeldava nähtuse käsitlemiseks «puhtal kujul». Meelelisele tunnetusele on kättesaadav vaid mitmesuguste vastastikuste mõjustuste summaarne efekt. Seda tuleb analüüsida, et selles summaarses efektis välja eraldada üksikute mõjustuste tulemused ja asja sisemised omadused, mille kaudu antud välismõjustused viivad antud summaarsele efektile. Niiviisi jõuame asja, nähtuse sisemistele omadustele, et pärast, sellise analüüsi tulemusena saadud andmeid sünteesides ja vastavusse seades, taastada terviklik pilt tegelikkusest ja seletada seda. Nii näiteks sõltub kristallfosfoori luminesentsispekter paljudest välistest (ergutava valguse lainepikkus, temperatuur, rõhk jne.) ja seestmistest teguritest (aktivaatori kontsentratsioon, defektide hulk jne.). Uurija seisab ülesande ees selgitada spektri iseärasusi sõltuvalt nendest teguritest ja hiljem ennustada selle alusel uute fosfooride omadusi. Siin tuleb talle appi mõtteline mudel, mis püstitatakse teatava hulga empiiriliste andmete alusel ja mis hiljem saab toekaks abivahendiks uute nähtuste seletamisel. Olgu toodud näitena eksperiment, et leelis-halogeniidfosfooridel spektraalsed karakteristikud on oluliselt määratud vaba aktivaatori iooni poolt (seda tõendab eriti näitlikult aktivaatorite ja aluste homoloogilistes ridades esinevate seaduspärasuste uurimine). Sel alusel püstitatud Seitzi kiirgustsentri mudel seletab rahuldavalt luminesentsispektri elektronstruktuuri, kuigi igakord pole lihtne näha, millisele konkreetsele üleminekule vaba iooni spektris tuleb vastavusse seada kiirgusriba luminesentsispektris. Edasine katseandmete tõlgendamine nõuab mudeli täiustamist nii, et oleks arvestatud elektron-võnkeüleminekud tsentris, s. t. vastastikune mõju kristallvõrega. Esimeses lähenduses arvestatakse kõige sümmeetrilisemat normaalgõnkumist (harmoonilises lähenduses) ja seatakse igale elektronseisundile vastavusse harmooniline ostsillaator. Käsitledes viimaseid kvantmehhaaniliselt, võib edukalt tõlgendada uut katseandmete hulka — Stokes'i kadusid, spektri võnkestruktuuri jne. Saab anda ka luminesentsi tekke kriteeriumi. Mudeli edasine täiustamine võimaldab arvestada võnkumiste anharmoonilisust, mittesümmeetriliste normaalgõnkumiste osa ning saada juba kvantitatiivseid tulemusi (Williams

jt.). See on juba sünteesi staadium. Nagu näeme, on vaadeldav järjest täienev mudel väga viljakas niihästi analüüsi kui sünteesi staadiumis. Mudel muutub täienedes üha abstraktsemaks, samal ajal aga ka spetsialiseeritumaks. Analüüs, mis eraldab välja uuritava objekti sisemised omadused, on seotud abstraherumisega teiste mõjutuste efektist (peale ühe) ja sama mõjutuse efektist, mis ilmneb teiste sisemiste omaduste kaudu. Abstraktsioon toimub siin kõrvaliste asjaolude väljalülitamise teel ja seejuures puhtal kujul toimivate sisemiste omaduste uurimise teel. Niisugune on mõttelises mudelis esineva abstraktsiooni positiivne tunnetuslik tähtsus. Abstraktsioon antud juhul pole ainult abstraherumine millestki, tal on esiplaanil just positiivne aspekt — millegi abstraherimine. Niisugune abstraktsioon realiseerub uurimise käigus selliselt, et tingimused, millest on vaja abstraheruda, hoitakse konstantsed ja seega nende mõju lülitatakse välja (eeldusel, et efektid liituvad aditiivselt). Selline abstraktsioon ei seisne sugugi ainult subjektiivses negatiivset laadi aktis — ühe või teise põhjuse mitteamvestamises — vaid ennekõike selle väljaselgitamises, millisena esinevad ese või nähtus ja ta sõltuvus teistest esemetest ja nähtustest. Sisemised omadused ilmnevad puhtal kujul, kui kaasnevad, antud efekti maskeerivad efektid on kõrvaldatud. See on üleminek nähtumuse tasemelt olemuse tasemele.

Abstraktsiooni eesmärgiks pole aga mitte lahkumine meeleliselt antud maailmast abstraktsioonide valdkonda, vaid reaalse maailma nähtuste selgitamine ja lahtimõtestamine. Liigendanud integraalse efekti üksikuteks komponentideks, tuleb see efekt mõtteliselt taastada, lähtudes neist komponentidest. Seejuures tekitavad vastuolud — esialgne mudel ei võimalda selgitada kõiki tegelikkuses esinevaid üksikasju ja vajab ise täiendamist, et kaotada tekkinud lahkumine teooria ja katse vahel. Sellise mõttelise analüüsi ja sünteesi tulemusena taastatakse esialgne konkreetne samm-sammult ikka järjest paremas lähenduses, kuid juba oma sisu poolest läbianalüüsitud, tunnetatuna uuel astmel. Tunnetus liigub seega kaemuselt abstraktselt mõtlemisele ja sealt praktikkasse, toetudes analoogia varal loodud mudelile, mis annab juhtniite tunnetuse jätkamisel. Konkreetne tegelikkus kui tunnetuse objekt ja eesmärk määrab abstraktsiooni kaudu kulgeva teadusliku mõtlemise tee. Nähtuste pinnal esineva näivalt kaootilise pildi analüüs, seda pilti tingivate vastastikuste mõjustuste järkjärguline arvestamine avab üksteise järel sündmuste käiku mõjustavad seaduspärasused. Algul ollakse kaugel sellest, et seletada tegelikkust kogu tema konkreetsetes. Süntees, mis seisneb abstraktsete seaduspärasuste vastavusse seadmises ikka enam ja enam spetsialiseeritud tegelikkusega mudeli abil, võimaldab teoreetiliselt tuletada ühtedest seaduspärasustest teisi ja tõestada empiirilisi seaduspärasusi teoreetiliselt. Seega küsimus sellest, miks ja kuivõrd teoreetilised järeldused langevad kokku katseandmetega,

on tegelikult küsimuse sellest, millisel viisil ja missugusel määral üleminekul abstraktselt konkreetsele taastatakse mõtteliselt tegelikkuse see konkreetsus, millest lähtus abstraktsetele mõistetele viinud analüüs. Tunnetuse meelelise astme subjektiivsus sel juhul ületatakse ja nimelt sel teel, et toimub üleminek objekti omaduste vahetult määratlemiselt subjekti poolt nende omaduste vahendatud määratlusele tunnetusobjektide ja nende omaduste vastastikkuste suhete kaudu (näiteks üleminek «sooja» ja «külma» subjektiivselt tundelt temperatuuri mõistele — algul empiirilisele temperatuuriskaalale, hiljem aga Carnot' teoreemi abil niisugusele temperatuuri määratlusele, mis on invariantne termomeetrilise keha suhtes). Mõttelise mudeli näitlikkus (наглядность, Anschaulichkeit) seisneb selles, et tema aluseks on peamiselt niisugused objektiivse tegelikkuse suhted, mis on meelele kättesaadavad, s. t. makroskoopiliste objektide ja nähtuste suhted. Kuid näitlikkus pole objektile immanentselt omane, vaid ta iseloomustab tunnetuslikku vahekorda objekti ja subjekti vahel. Kas ja millisel määral osutub võimalikuks luua uuritavast objektist näitlik kujutus (mõtteline mudel), see sõltub peale objekti omaduste veel inimmõistuse konstruktiivsetest võimetest, mis arenevad ja süvenevad ühiskondliku tunnetustegevuse baasil.

Mikromaaailma seaduspärasuste tunnetamisel on mudelitel oma spetsiifika ning nende rakendamine on piiratud iseloomuga. See ei tähenda, et nende osa langeks nullile. Ka kvantteoorias rakendatakse näitlikke mudeleid, kui räägitakse korpuskulitest, lainetest, vahetusjõududest jne. Kuid kvantmehaanika kitsendab klassikaliste mudelite rakendatavust: need kajastavad ainult üht, kas korpuskulaarset või lainelist aspekti mikroosakeste vastuolulisest loomusest. Suhted mikroosakest iseloomustavate suuruste vahel ei ole klassikalisest mudelist väljaloetavad. Väljaspool kvantmehaanika printsiipiaalseid probleeme, tema praktiliste rakenduste valdkonnas, on aga sellistel mudelitel tunduv eluõigus (eriti ligikaudsetes poolklassikalistes arvutustes). Mistahes konkreetse probleemi lahendamisel on hamiltoniaani koostamise aluseks ikkagi näitlik mudel, olenemata sellest, missugusel viisil toimub probleemi lihtsustamine.

On teada, et tuumasiseste protsesside selgitamisel, kus tugeva osakestevahelise mõjustuse tõttu kvantmehaanika lähendusmeetodid ei kõlba, võimaldasid mitmesugused mudelid tunduvat edu teoorias (tuuma tilkudel, kihiline mudel, kollektiivmudel). Elementaarosakeste teoorias leiavad mudelid laialdast rakendamist, kuigi on selge, et nad ei saa kajastada kõike olulist, et nad on liiga otsesed, liig klassikalised. Niisuguste hulka kuuluvad Sakata skeem, mis «ehitab» elementaarosakesed üles nii, et tõeliselt elementaarsed barionid on ainult nuklon ja Λ^0 -hüperon. Fermi ja Yang käsitlevad Π -mesonit kui tugevasti seotud süsteemi nuklonist ja antinuklonist. Goldhaber loeb «elementaar-seks» nukloni ja K-mesoni. Tuntud on veel Gell-Manni ja Nis-

hijima poolt esitatud struktuurskeemid. On selge, et nendes mudelites on mõndagi, mis pole adekvaatne tegelikkusele. Need on tööhüpoteesid, mille tähtsus on ennekõike heuristilist laadi.

Meie arvates on otstarbekas eristada kolme liiki mõttelisi mudeleid. I liiki mudeleid on sellised, milles teataval tunnetusastmel toimub uuritava protsessi terviklik reprodutseerimine meelelises vormis. Siia kuulub enamik klassikalise füüsika mudeleid, näit. ideaalse gaasi mudel, millest lähtudes on võimalik teatavas lähenduses seletada kogu empiiriliste andmete kompleksi.

II liiki modelid esitavad meelelises vormis vaid ühe külje, ühe aspekti uuritavast nähtusest. Siia kuuluvad näiteks kvantmehaanika raamides loodavad klassikalised ettekujutused. (Sellelt seisukohalt on de Broglie, Vigier' ja Bohmi püüded kvantmehaanika interpreteerimiseks «varjatud parameetrite» abil sisuliselt katsed asendada II liiki modelid I liiki mudelitega. On põhjust arvata, et kvantmehaanikas käsitletavate objektide kvalitatiivsete iseärasuste tõttu on siin võimalikud ainult II liiki modelid).

III liiki mudelitel puudub vahetu meeleline moment ja nad esinevad lihtsustatud matemaatilise skeemina (näit. Lee mudel Heisenbergi unitaarses materia teoorias). Vahetud piltlikud kujutlused, kui nad esinevad, omavad siin ainult sümboolset tähendust (näit. Feynmani graafikud). Meie poolt esitatav mõtelistelise mudelite liigitus on üsna tinglik. Selle täpsustamine, konkretiseerimine ja praktiline rakendamine on autoril kavas edaspidi.

Igasuguse mudeli tunnetuslik edu sõltub ennekõike sellest, kuivõrd täielikult temas kajastuvad uuritava nähtuse olulised jooned. Mudelite ja analoogia rakendamise objektiivne alus on selles, et nähtused omavad paljuskü ühiseid jooni. Üldiselt rääkides on selle aluseks maailma materiaalne ühtsus ja tema seaduste objektiivsus. Mõtteline mudel kui näitliku kujundi ja teadusliku abstraktsiooni ühtsus on tegelikkuse peegeldus, mitte aga teaduse meelevaldne konstruktsioon või lihtsalt sümbol, nagu püüavad näidata seda probleemi analüüsinud semantikud Hutten³ ja Hesse⁴.

³ E. H. Hutten, The Role of Models in Physics. Br. Journ. Phil. Sc. 1954, vol. 4, Nr. 16.

⁴ M. B. Hesse, Models in Physics. Br. Journ. Phil. Sc. 1953, vol. 4, Nr. 15.

О ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ВООБРАЖАЕМЫХ МОДЕЛЕЙ ПО ФИЗИКЕ

Л. Вальт

Резюме

В построении физической теории и истолковании результатов эксперимента широко применяются наглядные модельные представления. В статье делается попытка анализа некоторых гносеологических проблем, связанных с этими воображаемыми моделями. Выясняется роль наглядных представлений в движении познания от конкретного к абстрактному и наоборот; указывается специфика абстракции, свойственной воображаемым моделям; ставится вопрос о применимости модельных представлений в квантовой механике.

В работе указывается, что наглядность не является имманентным «свойством» исследуемого объекта или процесса. Это понятие характеризует отношение объекта и познающего субъекта.

Статья содержит попытку классификации моделей. Воображаемые модели первого рода являются сравнительно целостными воспроизведениями в чувственно-наглядной форме исследуемых объектов и процессов (модель идеального газа и другие модели классической физики). В моделях второго рода в наглядной форме выступают лишь отдельные аспекты и стороны исследуемого (модели, лежащие в основе построения гамильтониана в квантовой механике). Модели третьего рода лишены непосредственной чувственности и выступают в форме упрощенной математической схемы (модель Ли в нелинейной квантовой теории поля). Но независимо от степени абстракции модели являются формой отражения действительности, а не произвольными умозрительными конструкциями, как считают некоторые современные буржуазные философы.

ABOUT THE COGNITIVE IMPORTANCE OF IMAGINARY MODELS IN PHYSICS

L. Valt

S u m m a r y

Visual models are widely used when setting up physical theories and interpreting the results of experiments. In the present paper an attempt is made to analyse certain gnosiological problems connected with these imaginary models and to clear up their role in the movement of cognition from the concrete to the abstract and vice versa. The author points out the specifcness of abstrac-

tion characterizing imaginary models and raises the problem of their applicability in quantum mechanics.

He maintains that visualisation is not an immanent quality of the object or process investigated. This notion characterizes the relation between the object and the cognizing subject.

An attempt is made to classify these models. Imaginary models of the first order are comparatively complete reflections in the sensuously perceptible — visual form of the objects and process investigated (the model of ideal gas and other models of classical physics). In the case of models of the second order only some aspects and sides of the investigated objects and processes appear (the models being the bases of Hamilton's function in quantum mechanics) Models of the third order lack this immediate sensuousness and take the form of simplified mathematical schemes (the model of Lee in the nonlinear quantum theory of field) Regardless of the degree of abstraction the models are the forms of reflection of reality not arbitrary constructions as some contemporary bourgeois philosophers think (3, 4).

MÕNINGAID TUNNETUSTEOREETILISI KÜSIMUSI SEOSES LÕPLIKE AUTOMAATIDE TEOORIAGA

Füüsika-matemaatika kand. I. Kull

Geomeetria kateeder

Käesoleva töö eesmärgiks on lõplike automaatide teooria mõningate tulemuste esitamine, mis on teataval määral seoses tunnetusteoreetiliste küsimustega.

Kaasaegse tehnika, eeskätt elektron-arvutusmasinate ja automaatika areng nõudis informatsiooni mõistega seotud küsimuste uurimist. Seejuures ilmnes, et informatsiooni edasisaatmisel ning ümbertöötamisel elektron-arvutusmasinais ja närvivõrkudes on olulisi ühiseid jooni.¹ Ühtesid või teisi ühiseid jooni kokku võttes jõuamegi teatava lõpliku automaadi mõisteni. Selliselt saadud mõiste kuulub täielikult matemaatika valdkonda, sest saadud objektile — lõplikul automaadil — puuduvad igasugused füüsikalised ja füsioloogilised omadused. See on samasugune matemaatiline abstraktsioon nagu seda on naturaalarvu või funktsiooni mõiste, mis kajastab abstraktsel kujul tegelikkuse teatavaid protsesse või külgi.

Lõplikke automaate (erijuhul abstraktseid närvivõrke) on uurinud mitmed matemaatikud, nagu S. C. Kleene ja J. Medvedev², L. A. Skornjakov³ jt. Anname siin lõpliku automaadi definitsiooni Medvedevi järgi.

Lõplikuks automaadiks nimetame objekti, millel on lõplik arv m ($m > 1$) sisemisi seisundeid

$$s_1, s_2, \dots, s_m$$

ja lõplik arv n ($n > 1$) retseptoorseid seisundeid

$$r_1, r_2, \dots, r_n$$

ja kus mistahes retseptoorse seisundi r_i korral toimub üleminek ühelt siseseisundilt s_j teisele siseseisundile s_k üheselt

$$r_i(s_j) = s_k \quad (i = 1, 2, \dots, n; j, k = 1, 2, \dots, m),$$

¹ Н. В и н е р, Кибернетика, М., 1958.

² Автоматы, Сборник статей под. ред. К. Э. Шеннона и Дж. Маккарти, М., 1956, lk. 15—67 ja 385—401.

³ Л. А. С к о р н я к о в, Первые системы. Успехи матем. наук, том XIII, вып. 3(81), 1958, lk. 233—234.

s. t. et iga r_i on teatav siseseisundite hulga $S = \{s_1, s_2, \dots, s_m\}$ kujutis iseendale.

Lõpliku automaadi näiteks võib olla elektrilamp koos lülitiga; elektron-arvutusmasin, kus siseseisundi määravad masinasse viidud andmed; Turingi masin lõpliku lindiga; sõnu mittepikendav normaalalgoritm, kus lähtesõnad on tõkestatud pikkusega; refleksikaared teatava lühikese ajavahemiku vältel jms. Viimase näite puhul toodud kitsendus «teatava lühikese ajavahemiku vältel» on sellepärast vajalik, et närvirakkudes ei toimuks olulisi muudatusi ja ka närvirakkudevahelised seosed jääksid muutumatuks. Kui vaatleksime mõnd närvivõrku pikema ajavahemiku vältel, siis võib osutuda, et närvirakkude vahel tekivad mõned uued seosed. Sel puhul see nn. arenev närvivõrk ei mahu enam eespool esitatud lõpliku automaadi mõiste alla. Selline ajas täiustuv närvivõrk viiks meid juba uue, areneva lõpliku automaadi mõiste juurde, mida vaatleme hiljem.

Sündmuse mõiste — samuti nagu automaadi mõiste — defineeritakse matemaatiliselt. Oletame, et meil on mingi seadeldis, mille abil saab anda vaadeldavale lõplikule automaadile mistahes retseptoorse seisundi r_i ($i = 1, 2, \dots, n$), kusjuures see seadeldis tekitab (ja annab lõplikule automaadile edasi) lõpliku arvu retseptoorseid seisundeid. Näiteks

$$r_1 r_2, r_3 r_3 r_3, r_3 r_2 r_1 r_5 \text{ jne.}$$

Selliseid moodustisi nimetame retseptoorsete seisundite lõplikeks rühmadeks. Nende lõplike rühmade hulki nimetataksegi sündmusteks. Toome näiteks kaks sündmust

$$A = \{r_1 r_2, r_3 r_3 r_3, r_3 r_2 r_1 r_5\}, \\ B = \{r_1, r_1 r_2, r_1 r_1 r_2, r_1 r_1 r_1 r_2, \dots\}.$$

Sündmused jaotame lõplikeks ja lõpmatuteks. Lõplikud on sellised sündmused, milles esineb ainult lõplik arv retseptoorsete seisundite rühmi. Kõik teised sündmused on lõpmatud. Lõpliku sündmuse näiteks on sündmus A ja lõpmatu sündmuse näiteks on B . Nüüd vaatleme, kuidas mõistetakse sündmuse kujutamist (eristamist) lõplikus automaadis. Öeldakse, et mingi sündmus C on kujutatav (eristatav) lõplikus automaadis, kui selles automaadis leidub selline siseseisund $s^\circ \in S$ ja siseseisundite hulk $S^\circ \subset S$, nii et lõplik automaat läheb seisundist s° üle hulga S° mingisse seisundisse siis ja ainult siis, kui retseptoorseid seisundid omandavad järjest sellised väärtused, nagu see on mingil retseptoorsete seisundite lõplikul rühmal sündmuses C .

On ilmne, et reaalse maailma asjade ja nähtuste tunnetamise protsess inimaju on analoogiline sündmuse kujutamise protsessiga lõplikus automaadis. Kuid nendel kahel protsessil on ka olulisi erinevusi.

1. Lõplik automaat on väga jäme inimaju mudel. Selle mudeli loomisel ei ole üldse arvestatud inimaju eriomadusi, võrreldes teiste elusolendite ajudega ja isegi elektron-arvutusmasinatega.

Peale selle areneb inimaju ajas, lõplik automaat aga mitte. Inimaju töötab loominguiliselt, automaat töötab aga skeemide (algoritmide) järgi. Inimajus toimuvad, vähemalt osaliseltki, pidevad üleminekud, lõplikus automaadis aga mitte.

2. Ka «reaalse maailma asja» ja «matemaatilise sündmuse» mõisted pole mitte täiesti samalaadsed. Matemaatilise sündmuse mõiste on pigemini võrreldav aistingute hulgaga mingist konkreetsest asjast. Aistingutel mingist kindlast asjast on omavahe-line seos, sellevastu aga retseptoorseid seisundid matemaatilise sündmuse mõiste puhul ei tarvitse olla üldse mitte mingil viisil seotud.

3. Samuti pole mitte päris samased mõisted «asja tunnetamine» ja «sündmuste kujutamine». Sündmuse kujutamine lõplikus automaadis tähendab õieti sedasama, mida sündmuse eristamine kõikidest teistest sündmustest. Üldiselt mõistame me asja tunnetamise all aga midagi rohkemat kui ainult eristamist.

Niisiis selgub sellest analüüsist, et sündmuste kujutamise kohta käivatest matemaatilistest tulemustest ei saa teha õieti mitte mingisuguseid kaaluvaid tunnetusteoreetilisi järeldusi. Kõigest sellest hoolimata on sündmuste kujutamise kohta käivatel matemaatilisel tulemustel siiski ka oma tähtsus filosoofilises mõttes.

Esitamegi siin sündmuste kujutamise kohta saadud põhilised tulemused.⁴

I. Iga lõpliku sündmuse jaoks leidub lõplik automaat, mis seda sündmust kujutab (eristab).

Enne kui sõnastada teist põhitulemust, on vaja anda elementaarsündmuse ja põhioperatsiooni mõiste.

Olgu meil n retseptoorset seisundit r_1, \dots, r_n . Elementaarsündmusteks loeme siis järgmisi sündmusi:

$$E_1 = \{r_1, r_2, \dots, r_n\}$$

(see on sündmus, mis koosneb kõigist üheelemendilistest retseptoorsete seisundite rühmadest),

$$E_2 = \{r_1 r_1, r_1 r_2, \dots, r_n r_n\}$$

(see on sündmus, mis koosneb kõigist kaheelemendilistest retseptoorsete seisundite rühmadest),

$$E_3(r_i) = \{r_i, r_k r_i, \dots, r_k r_i r_i, \dots\}$$

(see on sündmus, mis koosneb kõigist retseptoorsete seisundite rühmadest, kus viimasel kohal on r_i)

$$E_4(r_i) = \{r_i r_k, \dots, r_k r_i r_l, \dots\}$$

(see on sündmus, mis koosneb kõigist retseptoorsete seisundite rühmadest, kus elementide arv pole väiksem kui 2 ja eelviimasel kohal on r_i).

Põhioperatsioonideks loeme operatsioone \vee , \neg , $'$ ja $[r_i \rightarrow r]$, mille tähendus on järgmine:

⁴ Esitatud tulemused ja mõisted on võetud eespool mainitud J. T. Medvedevi ja S. C. Kleene'i artiklitest koguteosest «Автоматы».

$A \vee B$ tähendab sündmust, mille moodustavad sündmuste A ja B retseptoorsete seisundite rühmad;

$\neg A$ tähendab sündmust, mille moodustavad retseptoorsete seisundite rühmad, mis A -sse ei kuulu;

A' tähendab sündmust, mille moodustavad sellised rühmad $r_{\alpha_1} r_{\alpha_2} \dots r_{\alpha_k}$ mille iga osarühm $r_{\alpha_1} r_{\alpha_2} \dots r_{\alpha_l}$ ($1 \leq l \leq k$) kuulub A -sse;

$[r_i \rightarrow r]$ A tähendab sündmust, kus A kõikides retseptoorsete seisundite rühmades r_i on asendatud r -iga.

II. Lõplikes automaatides leiavad kujutamist need ja ainult need sündmused, mis on saadud elementaarsündmustest põhioperatsioonide lõplik arv kordi rakendamise teel.

III. Leidub lõpmatuid sündmusi, mida ei kujuta ükski lõplik automaat.

Muidugi ei saa viimasest matemaatilisest tulemusest teha järeldust, et on nähtusi, mis on inimesele tunnetamatud, ja seda nimelt eespool toodud analüüsi (1—3) põhjal. Kuid sellest hoolimata on ka sellel matemaatilisel tulemusel oma arusaadav tunnetusteoreetiline tähendus. Tuletame meelde, mida tähendas sündmuse matemaatiline mõiste. Sündmus oli defineeritud kui (üldiselt lõpmatu) retseptoorsete seisundite rühmade hulk ja see mõiste on ilmselt analoogiline asja või nähtusega, mis on võetud kogu tema mitmekesisuses ja ammendamatuses. Niisiis pole selles asjas, et lõplik automaat ei kujuta lõpmatut sündmust tervikuna, mingit tunnetusteoreetilist vastuolu.⁵

Dialektilise materialismi tunnetusteooria järgi on inimese tunnetus järjest täpsustuv tegelikkuse peegeldus. Ka sellel väitel on olemas analoog lõplike automaatide teooria seisukohalt. Vaadel-des lõpmatut sündmust B , võime selle üles kirjutada kujul

$$B = \{\sigma_1, \sigma_2, \dots, \sigma_v, \dots\},$$

kus σ_v ($v=1, 2, \dots$) abil tähistame retseptoorsete seisundite lõplikke rühmi. Sündmusele B vastavalt moodustame sündmuste jada

$$B_1, B_2, \dots, B_k, \dots,$$

kus

$$B_k = \{\sigma_1, \sigma_2, \dots, \sigma_k\}$$

on juba lõplik sündmus, mida võime nimetada sündmuse B lähend-sündmuseks. Lähendsündmus B_k iseloomustab aga sündmust B seda paremini (naivselt kõneldes) mida suurem on indeks k . Iga k korral leidub aga lõplik automaat, mis kujutab kõiki lähend-sündmusi B_i ($i \leq k$)

Eespool tegime viite ajas areneva lõpliku automaadi kohta. Loomulikult tekib küsimus, kas selline automaat kujutab (eristab) kõiki lõpmatuid sündmusi. Enne kui sellele küsimusele vastata saab, tuleb selgitada, mida õieti mõista sellise automaadi all. On muidugi selge, et sellises automaadis tekivad uued siseseisundid,

⁵ Vrd. V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., Tallinn, 1952, lk. 240.

tekivad uued üleminekud ühest siseseisundist teise ja suureneb ka siseseisundite hulk S° , mis iseloomustab sündmuse C saabumist. Kuidas aga see uus automaadi osa liitub vanaga? See liitumine võib olla kas algoritmiline või mittealgoritmiline.⁶ Ja ainult algoritmilise täiustumise korral me kõneleme ajas arenevast automaadist. Peab märkima, et sellise automaadi mõiste on samaväärne algoritmi (normaalalgoritmi) mõistega.

Kasutades algoritimide teooria tulemusi, võib öelda, et ka selles automaadis pole kõik lõpmatud sündmused kujutatavad, kuigi sellise automaadi «eristusvõime» on märksa laiem lõpliku automaadi omast. Kuid nendest tulemustest ei saa teha mitte mingisuguseid «pessimistlikke» tunnetusteoreetilisi järeldusi, sest tekib õigustatud küsimus: kas inimaju üldse kujutab endast sellist ajas arenevat algoritmilist automaati. Kui inimaju areneks kitsalt füsioloogiliste seaduspärasuste alusel, siis võiks seda vahest väita. Kuid inimaju arengut mõjustab ka väliskeskkond, ja see mõjustus on juba üldiselt mittealgoritmiline. Teiseks mõtleb inimene ikkagi loominguliselt, mittealgoritmiliselt (mõtlemine on võrreldav hulga S° moodustamisega). vaadeldavat tüüpi automaat aga töötab algoritmiliselt.

Loodetavasti nendest väikestest märkustest nähtub, milliseid huvitavaid võimalusi pakub automaatide teooria tunnetusteoreetiliste küsimuste valgustamisel.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В СВЯЗИ С ТЕОРИЕЙ КОНЕЧНЫХ АВТОМАТОВ

И. Куль

Резюме

В работе приводится определение конечного (детерминированного) автомата, понятие события и представимости события и дается основной результат теории конечных автоматов: существуют бесконечные события, для которых нет никакого конечного автомата, в котором это событие представимо.

Рассматривая процесс познания явления (или вещи) реального мира в мозгу человека и представимость события в конечном автомате, выясняется, что эти процессы аналогичны. Несмотря на это, нельзя сделать из вышеприведенного результата теории конечных автоматов никакого теоретико-познавательного вывода отрицательного характера, так как понятия конечного автомата, события и представимости события не тождественны соответственно с понятиями мозга человека, явления (или вещи)

⁶ Algoritmi (normaalalgoritmi) mõiste on antud A. A. Markovi monograafias (Теория алгорифмов. Труды мат. ин-та им. В. А. Стеклова, М.—Л., 1954).

и познания явления. Но и приводимый математический результат имеет свой теоретико-познавательный смысл, ибо аналогично конечному автомату и человек не может познать любое явление во всей его бесконечной многосторонности.

С другой стороны, соответственно с конечным приближенным событием любого бесконечного события можно сконструировать такой конечный автомат, в котором представимо это приближенное событие и все предшествующие ему приближенные события. Этот результат сравним с положением диалектического материализма, по которому познание человека — постепенно уточняемое отражение действительности.

Наконец рассматривается еще способность представимости событий в конечном автомате, развивающемся во времени. И в этих автоматах представимы не все бесконечные события. Но мозг человека не представляет собой автомата такого рода, ибо он развивается соответственно неалгоритмическим влиянием внешней среды.

SOME GNOSIOLOGICAL PROBLEMS CONCERNING THE THEORY OF FINITE AUTOMATA

I. Kull

S u m m a r y

This paper presents the definition of the finite automaton, the concept of the event and its representation and gives the basic result of the theory of finite automata: there exist infinite events, for which there are no finite automata to represent these events.

Following the process of cognition in the human brain and the representation of the event in the finite automaton, it becomes clear that these processes are analogical. In spite of this it is impossible to draw any negative gnosiological conclusions from the above mentioned result of the theory of automata because the concept of the finite automaton, event and its representation cannot be identified with the notion of the human brain, phenomenon (thing) and the cognition of the phenomenon respectively. But also the presented mathematical result has its gnosiological aspect, because analogically with the finite automaton it is not possible for a human being to arrive at the cognition of any phenomenon in all its infinite manysidedness. On the other hand, corresponding to the finite approximate event of any infinite event we can construct such a finite automaton, which represents this approximate event and all those preceding it. This result is comparable with the gnosiological standpoint of dialectical materialism, according to which human cognition is the reflection of reality becoming more and more exact.

Lastly the representation ability of the finite automaton developing in time is dealt with. These automata are also unable to represent all the infinite events. But the human brain is not even such an automaton because it develops corresponding to the non-algorithmic influence of external medium.

V I. LENINI TEOSE «MATERIALISM JA EMPIRIOKRITITSISM» TÄHTSUS PALEONTOLOOGIA KRIISI PÕHJUSTE MÕISTMISEKS

Filosoofiakand. T. Loit

Dialektilise ja ajaloolise materialismi kateeder

Pool sajandit on möödunud V I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» ilmumisest. Selles raamatus väljendatud Lenini ideed aga elavad ka tänapäeval, on võimsaks relvaks idealismi, metafüüsika ja revisionismi vastu võitlemisel. Lenin analüüsis üksikasjaliselt mahhismi — idealismi vormi, mis oli eriti moes XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses, ning näitas ära «füüsikalise» idealismi sotsiaalsed ja gnoseoloogilised alused. Üldistades XIX sajandi lõpu ja XX sajandi alguse loodusteaduse uusimaid saavutusi füüsika valdkonnas ning hävitavalt kritiseerides füüsika arengule tuginevate idealistlike õpetuste argumentatsiooni, paljastas Lenin igasuguste idealistlike õpetuste sisu, näitas, kuidas idealistlik filosoofia parasiteerib teadusel ja võtab teadusekujulise vormi. Lenin näitas ära loodusteaduses toimuva revolutsiooni olemuse ning objektiivse tähenduse ja juhatas sellega kätte tee mitte ainult füüsika, vaid ka loodusteaduse teiste mitmesuguste eriharude arengus esilekerkinud filosoofiliste probleemide lahendamiseks. Lenini seisukohad «füüsikalise» idealismi tekkimise põhjuste kohta on aluseks kogu kaasaegse loodusteaduse üldiste arenguseaduste mõistmisel. Lenini ideede õigsust ning jõudu ei kinnita mitte ainult tänapäeva füüsika areng, vaid samuti loodusteaduse teiste harude, eriti bioloogiateaduste, sealhulgas paleontoloogia areng.

Paleontoloogia arengus võib täheldada kahte suurt ajaloolist epohhi, mis erinevad teineteisest selle ideederingi üldise iseloomu poolest, milles teaduslik mõte liigub, ja nende üldiste eesmärkide ning ülesannete poolest, millele on suunatud teaduslikud uurimused. Paleontoloogia kujunes selle tagajärjel, et tehti kindlaks erinevused taim- ja loomorganismide praeguste vormide ning elusolendite fossiilsete jäänuste vahel maakoore kihtides. Küsimus, kas need erinevused annavad tunnistust orgaaniliste vormide pidevast muutumisest, elava looduse aja-

loolisest arenguprotsessist või on need erinevused, vastupidi, üksteisele järgnenud loomisaktide tõestuseks — see küsimus oli paleontoloogia arengu esimese etapi teoreetiliste kujutluste keskpunktiks. Kogu seda perioodi paleontoloogia arengus, mis haaras XIX sajandi esimese poole ja tunduva osa XIX sajandi teisest poolest, läbis punase joonena lepitamatu võitlus kreatsioonismi ja evolutsionismi vahel.

XIX sajandi lõpus väljus evolutsionism sellest võitlusest võitjana. Koos elusolendite ajaloolise arengu idee lõpliku kinnitumisega teaduses muutus oluliselt paleontoloogiliste uurimiste üldiste huvide ja eesmärkide suund. Kuigi juba esimesed paleontoloogid-evolutsionistid püüdsid samaaegselt fossiilsete vormide muutuste käigu kirjeldamisega lahendada ka nende muutuste põhjuste küsimust, oli evolutsioonilise paleontoloogia peaülesandeks tema arengu esimesel perioodil siiski fossiilsete looma- ja taimevormide vaheliste geneoloogiliste seoste väljaselgitamine, s. o. fülogeneetiliste ridade kindlaksmääramine ja uurimine. Kuid just evolutsionismi lõplik võit seadis esiplaanile evolutsiooni konkreetsete viiside ja vormide väljaselgitamise ülesande — ülesande avastada organismide muutuste otsesed põhjused ja nende mõjumisviis. Evolutsioonilise paleontoloogia eesmärgiks ei ole nüüd enam niivõrd organismide arengu ajaloo kui välise fenomeni kirjeldamine, vaid peamiselt evolutsiooniprotsessi sisemiste tegurite ning seaduspärasuste avastamine, evolutsiooni sisemise «mehhanismi» väljaselgitamine.

Ülalmainitud pöördeline moment paleontoloogia ajaloos on seotud oluliste sündmustega kõnesoleva teaduse üldteoreetiliste aluste arengus. Evolutsiooniline paleontoloogia tekkis selle tulemusel, et fossiilse materjali uurimisel hakati rakendama C. Darwini õpetuse põhiprintsiipe. Evolutsionismi võit paleontoloogias (nagu üldse bioloogias) tähendas oma olemuselt eluslooduse arengu materialistliku seletuse võitu idealistliku käsituse üle. Oma arengu esimestel aastakümnetel seisis evolutsiooniline paleontoloogia üldiselt materialistlikel darvinlikel positsioonidel.

Möödunud sajandi lõpus aga muutus olukord tunduvalt. Alates umbes XIX sajandi 90-ndatest aastatest hülgas enamik evolutsiooniõpetuse üldteoreetiliste küsimuste kohta sõna võtnud paleontolooge Darwini teooria, väites, et see ei kõlba fossiilsete organismide evolutsiooni seletamiseks. Paleontoloogia arengu antud perioodi iseloomustab üldse suur kaos ja segadus elusorganismide fossiilsete vormide evolutsioonilise arengu tegurite ja seaduspärasuste küsimuses. Tekkis hulgaliselt väga mitmesuguseid evolutsiooniteooriaid. Neid kõiki ühendas aga ühine tunnus: lahtiütlemine darvinismist ja pöördumine kõikvõimalike autogeneetiliste ja teiste, oma olemuselt idealistlike kontseptsioonide juurde. Paleontoloogiline mõte tegi suure pöörde idealismi poole. See teoreetiline segadus ja idealismi laialdane pealetung evolutsiooni materialistlikule käsitusele räägib pale-

ontoloogia kriisist XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses. Paleontoloogia kriis on tihedalt seotud füüsika kriisiga, mille olemuse avas igakülgselt V Lenin oma teoses «Materialism ja empiriokrititsism». Nii nagu füüsikas nii ka paleontoloogias seisneb kriisi olemus «materialismi asendamises idealismi ja agnostitsismiga»¹

Idealism paleontoloogias avaldus mitmesuguste autogeneetiliste kontseptsioonide näol. Kuid kõige iseloomulikumaks, võib isegi öelda, idealismi spetsiifiliseks vormiks paleontoloogias sai vaadeldaval perioodil neolamarkism. Neolamarkismi «paleontoloogia filosoofia» peamiseks iseloomustavaks jooneks on see, et evolutsiooni aktiivseks teguriks peetakse organismides toimuvaid «seesmisi» jõude — kas teadvust, psüühikat või siis erilist salapärast «täiustumistungi», «arengu sisemist seadust», «ortogeneesi» jms. Organismide evolutsiooni kui materiaalsete tegurite vastastikuse mõjustamise protsessi asemele seab neolamarkism elu seesmise teleoloogia ja looduse hingestatus.

Lenin märkis, et iga idealistliku õpetuse lähtekohas peitub tavaliselt mingisugune tõe moment. Lenin rõhutas eriti asjaolu, et idealistlik filosoofia on selline vale, mis varjab end tõega, et ta on «kahtlematult liigliha, kuid liigliha, mis kasvab viljaka, tõelise, jõulise, kõikvõimsa, objektiivse, absoluutse inimtunnetuse elaval puul»². Igasugune idealistlik moonutus tugineb objektiivse teadmuse mingisugusele osale. Teeks idealismi on mõtte paindumatus, oskamatus või mittetahtmine kajastada tegelikkuse dialektikat mõistete dialektikas. Lenin näitas, et maailma kõigi protsesside tunnetamise põhitingimuseks on nende kui vastuolude arengu tunnetamine, nende kui vastandite ühtsuse tunnetamine. Idealistliku kujutluse tekke põhjuseks on tegelikkuse mingi ühe külje, ühe momendi ühekülgne ülespuhumine, tema absolutiseerimine. Iga õige väite muutmine «igaveseks» dogmaks ja selle asjaolu unustamine, et «iga teadusliku seisukoha tõe piirid on suhtelised»³, viib idealismile.

Need Lenini näpunäited on suunanäitajaks paleontoloogia arengus esilekerkinud filosoofiliste probleemide lahendamisel.

XIX sajandi lõpu ja XX sajandi alguse «paleontoloogiline» idealism tugines fossiilsete organismide arengu tegurite ning seaduspärasuste küsimuses teatavatele evolutsioonilise paleontoloogia poolt avastatud objektiivsetele faktidele. Asi on selles, et evolutsionismi võit bioloogiateadustes seadis paleontoloogia ette tema tõelise ülesande: orgaaniliste vormide ajaloo uurimise. Paleontoloogiliste uurimiste «põhilüliks» uue teaduse arengu esimesel perioodil sai fossiilsete vormide genealoogiliste seoste väljaselgitamine, s. t. fülogeneetiliste ridade kindlakstegemine ja uurimine. Evolutsiooniline paleontoloogia saavutas selles

¹ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., Tallinn 1952, lk. 238.

² В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1934, lk. 328.

³ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 118.

osas suurt edu. Ta avastas genealoogilised seosed terve rea fossiilsete organismide erisuguste vormide vahel, tõestades seega ümberlükkamatute faktidega elusolendite ajaloolist muutumist, ühtede liikide muundumist teisteks järkjärguliste üleminekute teel.

Kuid samal ajal tõi organismide genealoogiliste seoste väljaselgitamine ning uurimine esile orgaanilise maailma arengu «suunatuse», mis avaldus fülogeneetiliste ridade suunatuses. See tähendab, et organismide muutused ei kõigu korrapäratult kõikvõimalikes suundades, et muutused ei ole juhuslikud (määramatud), vaid paratamatud (määratud). Antud fakti avastamine oli teaduse suur saavutus. See oli otseseks teaduslikuks tõestuseks filosoofilise materialismi poolt juba ammu väljendatud seisukohale elava looduse arengu seaduspärasusest.

Ent sellest faktist tegid metafüüsiliselt mõtlevad teadlased täiesti ebaõiged järeldused. Metafüüsiku arusaamise järgi on juhuslikkus ja paratamatus absoluutselt vastandlikud, teineteist välistavad kategooriad. Metafüüsik ei mõista, et, nagu ütles Hegel, «. juhuslikul on teatud alus, sest ta on juhuslik, kuid samuti ei ole alust, sest on juhuslik, et juhuslik on paratamatu, et paratamatus ise määrab end kui juhuslikkus ja et, teisest küljest, see juhuslikkus on ennem absoluutne paratamatus»⁴. Seejärel paljud paleontoloogid, tuginedes evolutsioonilise paleontoloogia poolt avastatud fülogeneesi suunatusele, väitsid, et organismide evolutsioonilises muutmises ei ole juhuslikkust, vaid et areng kujutab endast ettemääratud protsessi. Toetudes just sellele faktile, «täiendas» saksa botaanik K. Nägeli juba 1865. a. Darvini õpetust täiustumise printsiibiga.⁵ Samuti tuntud ameerika paleontoloog-zooloog E. D. Cope, keda tavaliselt loetakse neolamarkismi rajajaks, väitis, et «variatsioonid, mille tagajärjel toimub evolutsioon, ei ole mitmekesised ja juhuslikud, vaid määratud ja suunatud, vastupidiselt meetodile, mis ei otsi variatsioonidele teist allikat peale loodusliku valiku.»⁶

Neolamarkistid olid ebaõigelt seisukohal, et Darvini õpetus peab organismide muutusi eranditult juhuslikeks, ja kujutasid asja selliselt, nagu oleks darvinismi põhiteesiks muutlikkuse määramatuse tunnistamine ja orgaaniliste vormide evolutsiooniliste muutuste paratamatuse, määratuse eitamine. Nad eitasid täielikult juhuslikkusi evolutsioonis ja seetõttu heitsid kõrvale Darvini teooria, väites, et see ei kõlba fülogeneetiliste ridade suunatud arengu seletamiseks. Kui, nagu ütles neolamarkismi väljapaistev esindaja paleontoloogias A. Hyatt, organismide tun-

⁴ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, 1950, lk. 174.

⁵ К. Нэгли, Происхождение естественно-исторического вида и понятие о нем, СПб., 1866, lk. 34.

⁶ E. D. Cope, The Primary Factors of Organic Evolution, 1904, lk. 9.

nused «ei ole arenenud juhuslikult ning määramatus hulgas»⁷, vaid «ilmuvad vältimatult»⁸, siis, saksa paleontoloogi-neolamar-kisti G. Steinmanni sõnade järgi, «ei ole liikide ülejääki, millest loodus võiks valida» ja sellega «kaob ainus tõeline alus, millele võib olla ehitatud loodusliku valiku teooria.»⁹

Kui aga kõrvaldada organismide ajaloolisest arengust objektiivne juhuslikkus, muutub eluslooduse evolutsioon mingiks müstiliseks, mittemuutuvaks, ettemääratud üleloomulikuks järjekor-raks. Kuid «ajaloolises arengus etendab juhuslikkus oma osa.»¹⁰ Muidugi puudub Darwini töodes evolutsiooniprotsessi paratama-tuse ning juhuslikkuse vastastikuste dialektiliste suhete igakülgne ja selge käsitus. Sellest on tingitud ka Darwini väljenduste ja määrangute mõningane ebatäpsus ning vasturääkivus. Kuid see ei muuda mingil määral asja tuuma. Antud küsimuse õige lahendus konkreetse bioloogilise materjali põhjal kuulub just Darwinile. Oma olemuselt «Darwini teooria,» kirjutas F Engels, «on paratamatuse ja juhuslikkuse sisemise seose heegelliku kontseptsiooni praktiliseks tõestuseks».¹¹ Oma töödes rõhutas Darwin organismide muutuste juhuslikku (määramatut) külge. See oli peamiselt ajalooliselt tingitud ning oli õige samm tol perioodil. Nagu märkis F En-gels, ainult lähtudes juhuslikest, objektiivselt eksisteerivatest individuaalsetest muutustest, mis süvenedes võivad väljuda liigi tunnuste raamidest, oli võimalik lõpp teha nii kreatsio-nismi kui ka mehhaanilise transformismi aluseks olnud meta-füüsilisele arusaamisele juhuslikkusest ja paratamatusest. Täiesti ekslik on arvamus, et Darwin pidas määramatuid (juhuslikke) muutusi absoluutselt sõltumatuteks olelustingimuste muutustest, absoluutselt määramatuteks. Tegelikult vaatleb Darwin juhus-likkust paratamatuse avaldumise vormina ja täiendusena. Dar-win ei mõtelnud määramatu muutlikkuse all muutuste üldist määramatust, vaid pidas silmas organismide erinevat, mitte-ühest reageerimist olelustingimuste mõjustustele. «Kõiki selliseid muutusi (s. o. määramatuid muutusi — T L.), nõrku või tera-vamalt väljendatud, mis ilmnevad koos elunevatel isenditel, võib vaadelda kui olelustingimuste määramatuid mõjuavaldusi igale individuaalsele organismile.»¹²

Neid Darwini ideid arendas edasi oma töödes evolutsiooni-lise paleontoloogia rajaja V O. Kovalevski, samuti paleonto-loogid-darvinistid M. Neumayr, L. Dollo, A. P. Pav-

⁷ A. Hyatt, Phylogeny of an Acquired Characteristic. Proc. Amer. Philos. Soc., vol. 32, Nr. 143, May 1893, lk. 387.

⁸ A. Hyatt, Genesis of Arietidae. Smithsonian Contributions to Know-ledge, Nr. 673, Washington 1889, lk. VIII.

⁹ G. Steinmann, Die geologischen Grundlagen der Abstammungs-

¹⁰ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, М., 1950, lk. 176.

lehre, Leipzig 1908, lk. 28.

¹¹ Sealsamas, lk. 248.

¹² Ч. Дарвин, Происхождение видов, М., 1952, lk. 90.

lov jt. Kabjaliste arenguteede adaptiivsuse ja inadaptiivsuse probleemile pühendatud uurimustes näitas V. O. Kovalevski, et «uute vormide areng ei toimu mitte ühes, vaid väga paljudes suundades, kusjuures võit jääb sellele suunale, mille esindajad on ümbritsevatele tingimustele kõige paremini kohanenud; vähem kohanenud surevad välja ja hävitatakse enam kohanenud vormide arenguga».¹³ Järgnevad fülogeneetilised uurimused näitasid ümberlöökkamatult, et põhimõtte, mis oli V. O. Kovalevskil aluseks kabjaliste jäsemete inadaptiivse ja adaptiivse reduktsiooni eristamisel, väljendab kogu orgaanilise maailma ajaloolise evolutsiooniprotsessi üldist seaduspärasust.

Juhuslikkuse ja paratamatuse metafüüsiline vastandamine teineteisele evolutsiooni käigus viis neolamarkistid vältimatult paratamatuse absolutiseeritud tõlgendusele, paratamatuse käsitlemisele arengu ettemääratusena, kindla eesmärgi suunas toimuvate muutuste ette valmismääratud teena. Neolamarkistide järgi evolutsiooniprotsess «toimub iseennast määravalt ja sõltumatult väliskeskkonnas olevate põhjuste mõjustusest»¹⁴ Kui aga tunnistada, et kõik muutused toimuvad teatud ettemääratud eesmärgi suunas, siis tuleb ühtlasi ka tunnistada, et on olemas eesmärgipäraselt toimiv tegur kui sellise arengu põhjus. Ja seda neolamarkism teebki, lugedes evolutsiooniliste muutuste aluseks kas organismide eneste teadvust, nende psüühikat (nagu see on psühholamarkismi puhul, mille järgi ka kõige madalamatel loomadel ja isegi taimedel on otsustusvõime)¹⁵, või kuulutades evolutsiooni liikumapanevaks jõuks mitmesugused erilised «seesmised» seadused, «ortogeneesi», «immanente arengutungi» jne. Seega tuuakse uuesti elava looduse arengut käsitlevasse teadusesse vana idealistlik teleoloogiline printsiip, millele andis purustava löögi Ch. Darwin oma liikide tekke teooriaga.

Neolamarkistide eitavat suhtumist Darwini õpetusse põhjustas veel asjaolu, et nad käsitasid looduslikku valikut — evolutsiooni peamist faktorit Darwini järgi — puhtkvantitatiivse protsessina. Valiku toimet evolutsiooniprotsessis võrdlesid neolamarkistid passiivse ükskõikse sõelaga, mis paremal juhul võib ainult kõrvaldada, likvideerida, kuid mis «ei loo mitte midagi.»¹⁶

Eitades loodusliku valiku loovat osa evolutsiooniprotsessis, otsisid neolamarksistid elusolendite arengu põhjusi ümbritseva keskkonna tingimuste vahetus mõjus organismisse. Selles organismide evolutsiooni seostamises keskkonnatingimustega peitub

¹³ В. О. Ковалевский, Краткое предварительное сообщение об ископаемых копытных. Известия Общества любителей естеств., антропологии и этнографии, т. XIV. 1874, lk. 57.

¹⁴ Ш. Денере, Превращения животного мира, Петроград, 1921, lk. 210.

¹⁵ Vt. E. Cope, The Primary Factors of Organic Evolution, Chicago 1904, lk. 503.

¹⁶ H. F. Osborn, Science, N. S., vol. XXVII, Nr. 682, 1908, lk. 149.

kahtlematult neolamarkistlike kontseptsioonide teatud positiivne moment. Kuid neolamarkism vaatlleb organismi ja teda ümbritseva keskkonna vastastikuseid suhteid eranditult mehhanitsismi positsioonilt. Ja siin peitubki teine põhiline asjaolu, mis lõppkokkuvõttes viis neolamarkistid kogu antud probleemi idealistlikule lahendusele.

Neolamarkistlikes teooriates on mehhaaniline liikumine nii anorgaanilise kui ka orgaanilise looduse põhiliseks liikumisvormiks. Neolamarkismi järgi on elu organismi suhtes «seesmist» ja «väliste» komponentide mehhaanilis-füüsikaline tasakaal, mis põhineb mehhaanika mõju ja vastumõju seadusel. Elu üldise olemuse neolamarkistlikus käsituses ilmneb inglise positivistliku filosoofi Spenceri «tasakaaluteooria» tunduv mõju. Elusolendite vormide muutuste «mehhanism» seisneb neolamarkistide arvates organismi otseses reageerimises keskkonna vahetule toimele. Vastavalt neolamarkistlikule käsitusele kujutab organisme ümbritsev keskkond endast peamiselt mehhaaniliste ja füüsikaliste tegurite kompleksi, mille mõju organismisse (sealhulgas ka orgaanilise keskkonna mõju) teostub põhiliselt keskkonna komponentide mehhaanilis-füüsikalise toime kaudu. Nii on Cope'i arvates evolutsiooni peamiseks teguriks nn. kinetogenees — mehhaaniline mõjustus (molaarne liikumine) Hyatt'i järgi tekivad organismide muutused kui keskkonna mehhaaniliste mõjustuste «orgaanilised ekvivalendid» ja kogu kohastumuslike muutuste tekkeprotsess kujutab endast mehhaanilist tasakaalustumist.

Mateeria liikumise mehhanitsistliku käsituse aluseid ja olemust on oma töödes igakülgselt vaadelnud F Engels ja V. I. Lenin. Mehhanitsismi peamiseks veaks on mateeria kvalitatiivselt erinevate liikumisvormide taandamine (nende täieliku samastamise mõttes) ainult ühtedele seaduspärasustele — mehhaanika seaduspärasustele. Selle tagajärjel, nagu näitas Lenin, mehhanitsismi metafüüsilises kontseptsioonis «jääb varju iseliikumine, tema liikumapanev jõud, tema allikas, tema motiiv (või see allikas kantakse väljapoole — jumalasse, subjekti etc.)».¹⁷ Mehhanitsism on üheks peamiseks takistuseks orgaanilise maailma kui mateeria liikumise kvalitatiivse erivormi spetsiifiliste seaduspärasuste tunnetamisel.

Kuivõrd neolamarkistid mõistsid mateeriat ja liikumist mehhanitsistlikult, siis olid nad sunnitud elu ja tema arengu spetsiifiliste protsesside seletamisel pöörduma mittemateriaalsete jõudude ja tegurite poole (kuna mehhanitsistliku arusaamise järgi materiaalne samastatakse mehhaanilis-füüsikaliselega) Neolamarkistlikes kontseptsioonides ei ole organismide evolutsioon lõppkokkuvõttes mitte orgaanilise mateeria liikumine temale enesele omaste materiaaalsete seaduspärasuste alusel, vaid vastupidi, mateeria kujutab siin, Cope'i väljenduse järgi, mittemateriaalsete

¹⁷ В. И. Ленин, *Философские тетради*, М., 1934, lk. 326.

tegurite kui evolutsiooni tõeliste aktiivsete algete tegevuse «füüsilist baasi». Ühe osa neolamarkistide järgi on elusolendite muutuste tõeliseks aktiivseks tõukejõuks organismide teadlik jõupingutus, püüe, tahe või psüühiline harjumus. Väliskeskkonda, ümbritsevad elutingimusi käsitab psühholamarkism vaid kui organismi psüühilise tegevuse esilekutsujat, ajendajat, muutus ise aga toimub organismi sisemiste tegurite, sisemiste impulsside tagajärjel kui aktiivne enesekohandamine. Psühholamarkismi olemuse väljendas selgelt R. Francais, kes väitis, et «kohanemine toimub tänu elusolendite endi tegevusele (aktiivsusele), mitte aga passiivselt Elava keha poolt tajutav vajadus on sellele vajadusele vastava kehamuutuse ajendavaks põhjuseks»¹⁸. Samasuguse idealistliku olemusega on ka need neolamarkistlikud teooriad, mis organismide evolutsiooni tõelisteks liikumapanevateks teguriteks peavad erilisi jõude, nagu ortogeneesi, «täiustumistungi» jms. Neolamarkistid kuulutasid need jõud «eranditult elulisteks omadusteks», «sisemise iseloomuga» teguriteks (Deperet), mis väga vähe erinevad vana vitalismi «elujõust».

Seega teadlaste mõtlemises valitsev metafüüsika ei võimaldanud neil mõista ei materiaa füüsikalise ja orgaanilise vormi tõelist ühtsust ega ka nende kvalitatiivset erinevust. Vaatamata oma pretensioonidele looduse monistlikule käsitlemisele, asusid neolamarkistid tegelikult dualistlikul positsioonil, mis lahutab elu ja tema arenguprotsessid kui mingi erilise «eranditult elulise» nähtuse materiaa teistest vormidest, eeskätt anorgaanilisest, füüsikalis-mehhaanilisest. Selline dualism viib aga vältimatult idealistlikele ja vitalistlikele järeldustele orgaanilise looduse arengu põhjuste osas. Asja olemust ei muuda ka see, et enamikus neolamarkistlikes kontseptsioonides käsitatakse materiaalse liikumise aktiivseks aluseks peetavat vaimset, ideaalset mehhanistlikult seisukohalt, kui mehhaanilise energia eriliiki. XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses levib energetism üldse väga laialdaselt loodusteaduse mitmesugustes harudes. Energetismi kaudu liitub paleontoloogiline idealism vahetult füüsikalise idealismiga. Järjekindel psühhomonist R. Francais tunnistas avalikult, et «... psühhomonistlik neolamarkism jõuab välja sellesamani, milleni jõudis ka elektronide ajastu füüsika: nimelt energeetikani.»¹⁹ Muidugi on energetismil loodusteaduse erinevates valdkondades omad iseärasused, mis tulenevad antud teadusharu spetsiifikast. Kuid kõiki neid energetismi eri vorme ühendab üks põhiline joon — nii anorgaanilise kui ka orgaanilise looduse nähtuste idealistlik tõlgendus, mille olemuse ja alused näitas ära V. I. Lenin oma teoses «Materialism ja empiriokrititsism». Nagu energetism üldse, nii on ka tema neolamarkistlik eriliik vaid idealismi varjatud vormiks loodusteaduses, antud juhul paleontoloogias. Näiteks käsi-

¹⁸ Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма, СПб., 1908, lk. 53—58.

¹⁹ Р. Франсэ, viidatud teos, lk. 63.

tab E. Cope teadvust, mis tema järgi «eelnes organismile ja oli primum mobile orgaanilise ehituse loomises»,²⁰ kui energia esialgset olekut²¹ Samuti kirjutab R. Francais, et «kaasaegne lamarism (s. o. neolamarism — T. L.) näeb kohastumiste ja nendest sõltuva evolutsiooni põhjust plasma psüühilistes võimetes, mida ta käsitleb energeetilises tähenduses»²². Seega on energia siin vaid vaimse, ideaalse «teaduslikumaks» väljenduseks. Energia kui aktiivne kategooria on lahutatud passiivsest materiest ja ainult energia rakendamine põhjustab ka materia liikumise.

Evolutsioonilise paleontoloogia kogu arengukäik XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses kinnitab eriti selgelt Lenini seisukohta, mida ta väljendas «Materialismis ja empiriokrititsismis» füüsika arengu suhtes: loodusteadlased libisesid idealismi eelkõige sellepärast, et nad ei tundnud dialektikat. Mitte teaduse progress omaette, kuigi ta loob selleks võimalused, vaid vanast metafüüsikaliseist mõtlemisviisist veel mitte vabanenud teadlaste ebaõiged seisukohad ja ideed põhjustavad ekslike, oma olemuselt idealistlik teooriate tekkimist. Täiesti ebaõige on väide, et idealism tuleb paratamatult teaduse saavutustest ja järeldustest, antud juhul paleontoloogia andmetest vaadeldaval perioodil. Kriis paleontoloogias ei ole mitte kogu paleontoloogia kriis, vaid vana, metafüüsilise teaduse kriis. Fossiilsete organismide evolutsiooni tegurite ja seaduspärasuste küsimuses tekkinud teoreetilise segaduse ja kõikumiste üldiseks gnoseoloogiliseks põhjuseks on metafüüsiline mõtlemisviis; just dialektika mittetundmine viis osa paleontolooge idealismi.

Paleontoloogia kriis on antud teadusharu kui komplitseeritud ühiskondliku nähtuse arengu tagajärg, mis sõltub ühiskondliku elu kõikidest külgedest. Idealismi laialdase leviku gnoseoloogilised põhjused paleontoloogias on lahutamatu seotud loodusteaduse arengu sotsiaalsete tingimustega vaadeldaval ajajärgul.

Teadus on ühiskondlik nähtus, mille tekkimine ja areng on lahutamatu seotud ühiskonna vajadustega, eelkõige inimese eluks vajalike materiaalsete väärtuste tootmise nõuetega. Kuigi loodusteaduse vahetuks ülesandeks on meid ümbritseva looduse tunnetamine, ei ole teadmiste kogumine siin omaette eesmärgiks, vaid teadusliku tunnetuse eesmärgiks on inimese eksisteerimise vajaduste rahuldamine. Loodusteadus on eriti tihedalt seotud materiaalsete hüvede tootmisega selle tõttu, et ta kujutab endast otseselt üht olulist vahendit tootmispraktika ülesannete lahendamiseks. Seepärast on loodusteaduse erinevad ülesanded ühiskonna arengu erinevatel etappidel alati olnud määratud tootmise vajadustega.

Tootmine on aga alati ühiskondlik protsess. Inimese suhe loo-

²⁰ E. D. Cope, The Primary Factors of Organic Evolution, Chicago. 1904, lk. 513.

²¹ Sealsamas, lk. 508.

²² Р Ф р а н с э, viidatud teos, lk. 103.

dusega, kust ta hangib oma eluks vajalikke materiaalseid vahendeid, on alati toimunud inimeste omavaheliste suhete kaudu, milledesse inimesed astuvad tööprotsessis. Seepärast tootmispraktika kui tootlike jõudude ühiskondlik funktsioneerimine on lahutamatu seotud tootmissuhete praktikaga, ühiskondliku tootmise struktuuriga. Ja loodusteaduse areng ei sõltu ainult tootlike jõudude arengu otsestest vajadustest ning nõuetest, vaid ka tootmissuhete praktika nõuetest ja sellel alusel pealisehituslike ideoloogiliste suhete nõuetest. Loodusteaduste arengu aluseks on kogu ühiskondlik praktika kogu tema keerukuses. Selle klassi praktika, kelle valduses on ühiskonna tootlikud jõud ja kellel on valitsev koht tootmissuhetes ning neile vastavais poliitilistes, ideoloogilistes ja ühiskondlikes asutustes, avaldab alati, igal ajaloojärgul olulist mõju teaduslikele uurimustele, nende suunale, eesmärkidele, meetoditele ja sisule.

Klassihuvi ühe või teise teadusliku teooria suhtes ilmneb eriti selgelt ühiskonna arengu murrangulistel ajajärkudel. XIX sajandi lõpus astus kapitalistlik ühiskond oma arengu uude, imperialistlikku faasi. Imperialism on, nagu näitas Lenin, roiskuv kapitalism, on sotsialistlike revolutsioonide eelõhtu. Proletariaadi ja kodanluse otsustavast võitlusest ei saa jääda kõrvale ükski ühiskondliku elu külg, sealhulgas ka teadus. K. Marxi sõnad, et kodanluse jaoks «asi ei olnud nüüd enam selles, kas üks või teine teoreem on õige, vaid selles, kas ta on kapitalile kasulik või kahjulik, soodne või ebasoodne, politseiliselt lubatav või lubamatu»,²³ omandavad erilise jõu imperialismi perioodil. Nad on maksvad mitte ainult humanitaarteaduste, nagu ajalugu, sotsioloogia, poliitökonoomia jt. kohta, mis otseselt puudutavad ühiskonna klasside vahetust, vaid ka loodusteaduse kohta, mille ennenägematu progress meie ajal on eriti teravalt päevakorrale tõstnud rea suuri ja komplitseeritud filosoofilisi probleeme ja mis seetõttu otseselt puudutab maailmavaatelisi klassihuviseid.

Ideoloogilisel rindel suunab imperialistlik kodanlus pealöögi eelkõige materialistliku maailmavaate vastu. Materialistlikus maailmavaates etendab väga tähtsat osa ka teaduslik, materialistlik lähenemine eluslooduse tekkele ja tema arengule Maa ajaloos. Idealism, olles tegelikkuse komplitseeritud protsesside ühekülgsed, sirgjoonelise käsituse tagajärg, muudab vältimatult antud ajaloolise reaalsuse vaid mingi absoluutse ideaalse tõe metafüüsiliseks «teisitiolekuks». Sellega annab idealism antagonistlikus ühiskonnas valitseva klassi kätte tähtsa argumendi kehtiva sotsiaalse olukorra õigustamiseks. Materialism, vastupidi, lähtudes seisukohast, et tegelikkuse nähtuste aluseks ei ole mitte ühe või teise subjekti või jumala ideed, vaid objektiivse tegelikkuse enese areng, kuulutab ka valitseva ühiskondliku korra tõesuse kriteeriumiks antud sotsiaalse tegelikkuse enese praktika. Sellega ta

²³ K. Marx, Kapital, I kd., Tallinn 1953, lk. 11.

suunab ja mobiliseerib inimesi objektiivse tegelikkuse igakülgsel uurimisele ning tema sisemiste arenguseaduste väljaselgitamisele. Seepärast ründavadki ühiskonna reaktsioonilised klassid nii ägedalt materialistlikku filosoofiat ja teaduse materialistlikke teooriaid ning järeldusi, mis ei räägi enam nende kasuks, vaid on toeks ühiskonna progressiivsetele edasiliikumist taotlevatele jõududele.

Idealismi erakordselt laialdane levik paleontoloogias XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses on üks osa kodanliku ideoloogia pealetungist materialistlikule loodusteadusele, üks osa sellest üldisest subjektivismi, agnostitsismi ja nn. «teadusliku objektivismi» propagandast, mida imperialistlikud ringkonnad hakkasid arendama kodanluse ja proletariaadi vahelise otsustava võitluse perioodil. Väljaastumine darvinismi vastu oli eelkõige väljaastumine eluslooduse arengu materialistliku seletuse vastu. Järjekindel antidarvinist R. Francais deklareeris avalikult, et «materialism ei saa meid enam rahuldada» ja et «selles ideoloogias (s. o. materialismis) juurdub ka valikuõpetus (Darwini õpetus)! See pärast on selle õpetuse elu seotud materialismiga — temaga koos ta sündis, temaga koos ta tõmbleb praegu võitluses surmaga, temaga koos ta ka sureb»²⁴. Idealismil paleontoloogias, nagu üldse igasugusel idealismil, on oma kindel sotsiaalne ülesanne — kujundada selline maailmavaade, mis ei lubaks inimestel lahendada ühiskondlikke probleeme klassivõitluse teel. Nii pidas E. D. Cope, neolamarkismi vaimne isa paleontoloogias, võimalikuks lepitada kristlikku religiooni evolutsiooniteooriaga. Tema arvates peab mõte kõigi asjade kõikvõimsast loojast sisendama kannatlikkust talupoegadele ning vabrikutöölisele.²⁵

Oleks muidugi ebaõige arvata, et kõik need teadlased, kes vaadeldaval perioodil asusid organismide evolutsiooni tegurite ning seaduspärasuste küsimustes idealistlikele seisukohtadele, lähtusid seejuures mingist kindlast poliitilisest või religioosest tagamõttest, kuigi mõned neist, nagu näitavad nende avaldused, said selgesti aru oma tegevuse sotsiaalsetest eesmärkidest. Enamikul juhtudel viis paleontolooge idealismi eeskätt nende metafüüsiline mõtlemisviis. Kuid oma osa etendas siin ka loodusteadlaste halvustav suhtumine filosoofilistesse probleemidesse, «metafüüsikasse» — tolleaegse loodusteaduse terminoloogia järgi. Nagu näitas Lenin, just teadlaste alahindav suhtumine filosoofiasse ja üldse teoreetilisse mõtlemisse ning selle ajaloosse, nn. «teadusliku objektivismi» propageerimine põhjustab teaduslike küsimuste filosoofilise ja sotsiaalse külje mittemõistmist. Selle tagajärjel unustavad teadlased sageli, et nii filosoofias kui ka teaduses on alati toimunud kahe põhilise partei — materialismi ja idealismi võit-

²⁴ Р. Франсэ, viidatud teos, lk. 11.

²⁵ E. D. Cope, The origin of the fittest. Essays on evolution. London and New-York 1887, lk. 78—168.

lus. Kolmandat teed ei ole. Pidada teadust klassiühiskonnas ja klassivõitluse tingimustes täielikult väljaspool klasse olevaks nähtuseks tähendab minna vältimatult idealismi ja fideismi suunas, teenida ühiskonna reaktsiooniliste jõudude klassihuve. Seejuures on ükskõik, kas teadlased ise subjektiivselt seda tahavad või mitte.

Paleontoloogia kogu edaspidine arengukäik XX sajandil kin- nitab täielikult Lenini ülalmainitud seisukohtade õigsust. Paleon- toloogia kriis, mis tekkis möödunud sajandi lõpus, kestis käes- oleva sajandi esimesel poolel edasi. Üks osa paleontolooge jät- kas üldiselt neolamarkistlike ideede arendamist fossiilsete orga- nismide evolutsiooni suhtes. Kuid väheseid neolamarkismi teoree- tikuid rahuldavad meie sajandil Cope'i ja Hyatt'i esialgsed seis- kohad. Neolamarkismi uuendamise eesmärgil on loodud terve rida «uusi» teooriaid, mis veelgi selgemini toovad esile ortogenee- tiliste vaadete idealistliku olemuse (näiteks O. Abeli bioloogilise arengu inertsia teooria, D. Rosa hologeneesiteooria, kaasajal O. Schindewolffi tüpostrofismiteooria jne.) Samal ajal ütles teine osa paleontolooge XX sajandi esimesel poolel peamiselt klassika- lise geneetika mõjul lahti ortodoksaalsest neolamarkismist ja asus avalikult vitalismi positsioonidele, nagu näiteks tuntud Ameerika paleontoloog H. F. Osborn oma aristogeneesiteoorias. Seda, et paleontoloogia kriis kodanlike maade teaduses jätkub ja isegi süveneb, näitab väga kujukalt asjaolu, et kui idealismi esimesed esindajad paleontoloogias möödunud sajandi lõpus ja käesoleva alguses kuulutasid sõja orgaaniliste vormide materialistlikule, darvinlikule käsitusele, siis nende järglased kaasajal astuvad välja üldse evolutsionismi vastu. Ei saa nimetada teisiti kui degradat- siooniks seda, et XX sajandi teisel kolmandikul paljud paleonto- loogid püüavad oma neokreatsioonistlikes kontseptsioonides taas- elustada Cuvier' ja Agassiz'i ideid, jõudes välja organismide evolutsioonilise arengu täieliku eitamiseni, nagu saksa teadlased F. Andermann ja O. Kuhn, kelledest viimane 1943. a. kirjutas: «Evolutsiooniõpetus on nüüd likvideeritud. Arenguõpetus on nüüd ükskord kokku varisenud»²⁶

Seega «tunnetuse uus suund» (Français) mille kuulutasid välja esimesed antidarvinistid möödunud sajandi lõpus, tõi paleontoloogiasse suure segaduse organismide evolutsiooni küsi- mustes ja on viinud vanade ebateaduslike ideede taassünnile. Selline olukord on pannud mõtlema ka kõige tulisemaid «uute meetodite» pooldajaid. Viimasel ajal võib kodanlike maade paleon- toloogide ühe osa juures märgata teatud «tervenemist», mis aval- dub lahtiütlemises neolamarkismi varjamatust teleoloogiast ning Osborni tüüpi avalikust vitalismist fossiilsete organismide arengu seletamisel ja tagasipöördumises Darwini õpetuse printsiipide

²⁶ Vt. W. Zimmermann, Evolution. Die Geschichte ihrer Probleme und Erkenntnisse, Freiburg-München 1955, lk. 481.

juurde (G. G. Simpson, A. Romer, W. Morris, D. Watson, K. Beurlen jt.).

Kuid see uus suund («kaasaegne darvinism», nagu tema esindajad ise armastavad seda nimetada) kujutab oma enamikus tegelikult vaid uut katset päästa idealistlik evolutsioonikäsitus lõõgist, mille sellele andis Darwini materialistlik õpetus. «Uue sünteesi» kontseptsioonid on oma olemuselt evolutsiooni neodarvinistliku skeemi rakendamine paleontoloogiliste faktide seletamiseks. Kui neolamarkistid vaatlesid teatud paleontoloogiliste faktide metafüüsilise tõlgenduse tõttu organismide muutuste kohasumuslikku iseloomu kui absoluutse paratamatuse väljendust, siis nende kaasaegsed kriitikud neodarvinistlikust leerist langevad teise äärmusse, pidades muutusi evolutsiooni tulemuse suhtes täiesti juhuslikeks. Bioloogia erinevates harudes kogutud rikkalik faktiline materjal sunnib «kaasaegse darvinismi» esindajaid eitama pärilike muutuste tekkimise absoluutset juhuslikkust ja isegi rääkima muutlikkuse teatud suundadest. Kuid samal ajal eitavad nad kategooriliselt sisemist seaduspärast seost organismi päriliku muutlikkuse suundade ja ümbritseva keskkonna tingimuste muutuste vahel. «Kaasaegse darvinismi» järgi on meil ühest küljest tegemist organismi pideva muutlikkusega — mutatsioonidega, mis toimuvad oma sisemiste seaduste ja tegurite alusel teatud (kuid mitte rangelt määratud) suundades, ja teisest küljest — ümbritseva keskkonna tingimuste pidevate muutustega. Nende kahe protsessi vahel ei ole «uue sünteesi» pooldajate järgi sisemist kvalitatiivselt põhjuslikku seost.²⁷ Selle tagajärjel omandab organismide muutuste tekkimise suund samasuguse salapärase ja autogeneetilise iseloomu nagu neolamarkistide ortogeneeski. Organismide evolutsiooniliste muutuste iseärasuste lahutamine ümbritsevatest olelustingimustest viib vältimatult muutlikkuse erilise sisemise loomuse tunnistamisele, s. t. sisuliselt vitalismile. «Kaasaegsed darvinistid» heidavad täiesti õigesti küll kõrvale säärased ebateaduslikud seisukohad evolutsiooni erilistest sisemistest jõududest, nagu Bergsoni *elan vital*, Osborni aristogenees, entelehhia jne., räägivad aga samal ajal ise organismide mitmesuguste gruppide erinevast «potentsiaalsest spontaansast muutlikkusest», muutlikkuse tagavarast, selle kulutamisest jne. Erinevus avalike vitalistide ja «kaasaegsete darvinistide» vahel on siin, nagu tunnistab ka Simpson ise, vaid terminites.

Niisiis, õigustatult kritiseerides neolamarkismi ja vitalismi nende ebateaduslike ja mitteraterialistlike postulaatide pärast, «kaasaegse darvinismi» autorid, andes evolutsiooniteooria «uue sünteesi», seisavad tegelikult veel paljus kaugel tõelisest darvi-

²⁷ G. G. Simpson, *The Major Features of Evolution*, New-York 1953, lk-d 181—188, 266; G. Simpson, *The meaning of evolution*, 1956, lk-d 89—93; G. S. Carter, *Animal evolution. A study of recent views of its causes*, London 1951, lk-d 249—250, 291 jt.

nismist. Astudes välja vitalismi ja idealismi vastu, on nad selle ees siiski võimetud.

Paleontoloogia kriisi tekkimise ja leviku põhjused näitavad erilise jõuga Lenini seisukohtade õigsust, mida ta oma töös «Materialism ja empiriokrititsism» väljendas füüsika arengu suhtes. Lenin näitas veenvalt, et materialistlik dialektika kui teadus «igasuguse liikumise kõige üldisematest seadustest» on kaasaegsele teadusele hädavajalikuks üldmetodoloogiliseks aluseks. Kriisid loodusteaduse mitmesugustes harudes XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses on üleminekuks metafüüsiliselt teaduselt dialektilisele. Nii oli lugu, nagu näitas Lenin, füüsika kriisiga ja «füüsikalise» idealismiga, selline on ka paleontoloogia kriisi sisu. Mitmesugustes vormides esinev «paleontoloogiline» idealism tähendab, nagu füüsikaski, et «üks loodusteadlaste koolkond ühes loodusteaduse harus on libisenud reaktsioonilisse filosoofiasse, oskamata otseteed ja kohe metafüüsilisest materialismist tõusta dialektilisse materialismi»²⁸.

Kuid, nagu rõhutas Lenin, kaasaegne loodusteadus teeb oma arenguseaduste tõttu vältimatult selle sammu «loodusteaduse ainuõige meetodi ja ainuõige filosoofia juurde», kuigi ta jõuab sinna «keerdkäike mööda, mitte teadlikult, vaid stiihiliselt». Nagu näitas Lenin «Materialismis ja empiriokrititsismis», kaasaja loodusteadus «sünnitab dialektilist materialismi», kuid tänapäeva kodanlikus ühiskonnas annab see «peale elusa ja eluvõimelise olendi» ka «mõned surnud produktid». Nende hulka kuulub ka idealism paleontoloogias. Loodusteaduse klassiiseloorm avaldub siin kõige selgemini. Tegelikkuse idealistlikke moonutusi toetavad ja jäädvustavad kodanliku teaduse esindajate klassihuvid. Kodanlik teadus püüab igati maha vaikida või moonutada dialektilist materialismi, sest dialektiline materialism tekkis kui proletariaadi ideoloogia. Nagu näitas Lenin, «kogu keskkond, milles need inimesed elavad, tõukab nad eemale Marxist ja Engelsist, heidab nad labase kroonufilosoofia embusse.»²⁹

Võitlus materialismi ja idealismi vahel kaasaegses teaduses on üks osa sotsialismi ja kapitalismi ajaloolisest võitlusest. Loodusteaduse andmete idealistlikul moonutamisel on tähtis koht imperialismi ideoloogilises arsenalis. Nagu Lenini ajal, nii ka meie päevil kasutavad revisionistid neid loodusteaduse saavutuste idealistlikke tõlgendusi marksismi-leninismi teoreetiliste aluste revideerimise vahendina. Kõik see nõuab nii nõukogude filosoofidelt kui ka loodusteadlastelt tõsist ja pidevat tähelepanu kaasaegse loodusteaduse filosoofiliste probleemide suhtes, oskust paljastada õigeaegselt kõik reaktsionääride katsed anda oma idealistlikele moonutustele pealtnäha teaduslik ilme.

²⁸ V I. Lenin, Teosed, 14. kd., lk. 289.

²⁹ Sealsamas, lk. 243.

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПРИЧИН КРИЗИСА В ПАЛЕОНТОЛОГИИ

Т. Лойт

Резюме

В конце XIX и начале XX в. палеонтология переживала глубокий кризис, который в буржуазных странах продолжается и в наши дни. Положения Ленина относительно «физического» идеализма имеют руководящее значение для раскрытия причин возникновения и распространения идеализма и агностицизма в палеонтологии.

Кризис в палеонтологии имеет определенные гносеологические и классовые основы. Гносеологическими корнями этого кризиса является метафизическое истолкование новых данных, открытых эволюционной палеонтологией в рассматриваемый период. Классовые причины широкого распространения идеализма в палеонтологии связаны с обострением классовой борьбы в эпоху империализма.

THE SIGNIFICANCE OF V. I. LENIN'S WORK «MATERIALISM AND EMPIRIOCITICISM» FOR UNDERSTANDING THE CAUSES OF THE CRISIS IN PALAEOLOGY

T. Loit

Summary

At the end of the nineteenth and in the beginning of the twentieth century palaeontology underwent a deep crisis which is going on in bourgeois countries even today. Lenin's theses concerning «physical» idealism possess a great significance for revealing the causes of the origin and spread of idealism and agnosticism in palaeontology.

The crisis in palaeontology has definite gnosiological and class bases. The gnosiological roots of the crisis are the metaphysical interpretation of the new data discovered by evolutionary palaeontology in the period under observation. The social causes for the wide spread of idealism in palaeontology is connected with the increasing class struggle in the epoch of imperialism.

В. И. ЛЕНИН О БОРЬБЕ Э. ГЕККЕЛЯ ЗА ИДЕЮ ЕДИНСТВА ПРИРОДЫ

Доц., канд. биол. наук О. Михайлов

Кафедра генетики и дарвинизма

Конец XIX и начало XX веков ознаменовались одной из самых глубоких вспышек идеологической реакции, которая когда-либо охватывала естествознание. Парадоксальным, однако только на первый взгляд, оказалось то, что причиной этого явились новейшие открытия в области расщепления атома, позволившие впервые заглянуть в тайны строения вещества. Именно эти открытия привели физиков-идеалистов и метафизиков к отрицанию объективной реальности, к отрицанию истинности человеческих знаний, к одной из реакционнейших идей об «исчезновении материи».

Сделанные на рубеже XX века крупнейшие научные открытия коренным образом изменили старую, казалось бы уже установившуюся, физическую картину мира. Новые данные в области экспериментальной физики не укладывались в рамки старых, механистических понятий и принципов. Однако многие физики той эпохи, воспитанные в духе буржуазного идеалистического мировоззрения, продолжали отстаивать идеалистические концепции и пытались обосновать новейшие достижения науки с позиций идеализма.

Аналогичные явления наблюдались и в биологии. Величайшее достижение биологической науки — эволюционное учение Ч. Дарвина оказалось в непримиримом противоречии с идеалистическим мировоззрением и было объявлено устаревшей теорией, якобы не соответствующей знаниям эпохи.

Наука при империализме играет жалкую роль. Она служит членоконенавистническим целям, превращается в мистику и схоластику. Подобная участь постигла и биологию. Произошел разрыв с эволюционной теорией, вместо которой бурно расцвел формализм и прямой антидарвинизм, призванные к непосредственной защите устоев буржуазной идеологии.

В процессе углубления кризиса капитализма как системы резко обострилась классовая борьба. Вошедший в свою высшую

фазу развития капитализм приобрел в лице рабочего класса и поддерживающего его крестьянства сильного и непримиримого противника. Все это не могло не отразиться на культуре и науке. В буржуазной биологической науке наметился резкий поворот вспять. Не желающий добровольно сойти со сцены истории капитализм стремился заглушить классовое сознание пролетариата возвратом к реакционным идеям средневековья.

В США объединившиеся в союз фундаменталистов ку-клукс-клановские организации поставили своей основной задачей, в целях контроля над «духовной культурой», изгнать эволюционное учение из школы. Один из вождей фундаменталистов Брайан цинично заявил, что «эволюционная теория — угроза для цивилизации».

К чему привели усилия этих апологетов реакции хорошо известно по тому отношению к дарвинизму, которое имеет место и в современной Америке.

Реакционные биологи ряда стран сделали все, чтобы выбросить из учения Дарвина его материалистическое ядро. Особое рвение в этом направлении проявили представители формальной генетики, которые пытались под маской новейших научных открытий внедрить в головы людей почти ничем не прикрытые идеи фидеизма и открыто проповедовали агностицизм в биологии. Один из основоположников т. н. неодарвинизма А. Вейсман¹ например, стремясь опорочить материалистические основы дарвинизма — положение о наследовании приобретенных организмами в течение их жизни признаков, выдвинул свою реакционную «теорию» зародышевой плазмы, якобы обладающей потенциальным бессмертием. В этих же целях А. Вейсман произвел свой «знаменитый» опыт с отрезанием хвостов у 22-х поколений мышей, не получив при этом ни одного бесхвостого потомка. М. Мани (Mani M. S.)² назвал впоследствии А. Вейсмана на основании этого пресловутого опыта «глупейшим экспериментатором, которого когда-либо давала биология», однако зло было сделано и А. Вейсман в течение долгого времени находил достойных подражателей среди биологов. Поддерживающий вейсмановскую концепцию о ненаследовании благоприобретенных признаков В. Иогансен (Johannsen W.)³ отрицал преемственность изменчивости, творческую роль отбора и открыто призывал своих единомышленников к борьбе с эволюционной теорией, как «не соответствующей духу времени».

Аналогичные высказывания и прямая борьба против дарвинизма имели место со стороны целого ряда крупнейших представителей формальной генетики, таких, как Морган, Меллер,

¹ А. Вейсман, Лекции по эволюционной теории, часть I, Москва, 1905.

² M. S. Mani, Organic evolution: some additional notes, «Agra University Journal of Research», v. 2, part 1, 1953.

³ W. Johannsen, Über Erblichkeit in Populationen und in reinen Linien, Jena, 1903.

Лотси, Бетсон и др., подвергшихся самой резкой и блестящей критике со стороны К. А. Тимирязева.⁴

Представители современного мальтузианства, так называемого неомальтузианства, устрашая мир катастрофой от грозящего ему перенаселения (В. Фогт и др.), видят спасение человечества в новых войнах, голоде, принудительной стерилизации и резком ослаблении медицинской помощи. С точки зрения неомальтузианцев медицина с ее профилактическими мерами и борьбой с эпидемиями является врагом человечества. Вследствие того, что с точки зрения автогенетических теорий наследственности внешняя среда не оказывает никакого влияния на «зародышевую плазму», «наследственные» болезни объявляются неизлечимыми. Делается вывод, что безработные и преступники не продукт социальной среды, а функция плохой наследственности — специфическая особенность «зародышевой плазмы». В утверждениях о существовании «генов удачи» и «генов неудачи» (А. Томсон) делается прямой политический вывод о биологической неполноценности пролетариата.

Выплывшие из недр средневековья и схоластики идеи фидеизма и агностицизма, подобно щупальцам гигантского спрута, охватили все основные отрасли естествознания. Естествознание оказалось в тупике, из которого, казалось бы, не было выхода.

Однако выход имелся. Он состоял в сознательном переходе естествоиспытателей на позиции материалистической диалектики. Этот выход указал В. И. Ленин.

В классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин нанес сокрушительный удар реакции, защитил от нападок идеалистов теоретические основы марксизма, углубил и развил основные положения диалектического материализма. В. И. Ленин блестяще показал суть идеологического кризиса естествознания, неумение некоторых естествоиспытателей подняться от метафизического материализма к материализму диалектическому, в результате чего они и скатились к реакционной философии.

В связи с анализом состояния естествознания В. И. Ленин дал всестороннюю критику и оценку одного из крупнейших естествоиспытателей-дарвинистов Эрнста Геккеля.

Являясь типичным и в тоже время лучшим представителем буржуазных биологов, Э. Геккель был честным ученым, опиравшимся в своем мировоззрении на новейшие успехи естествознания. Будучи буржуазным атеистом и естественно-историческим материалистом, Э. Геккель всю свою жизнь боролся за свои идеи и с успехом защищал их от жесточайших нападок идеалистической реакции.

Блестящий полемист и популяризатор идей Ч. Дарвина, Э. Геккель подытоживает добытые естествознанием данные и

⁴ К. А. Тимирязев, Чарлз Дарвин и его учение, Огиз-сельхозгиз, Москва, 1937.

устанавливает неоспоримую связь между живой и неживой природой. Будучи убежденным и активным борцом за монистическое мировоззрение, он отрицал какое-либо принципиальное различие между живыми и неживыми телами природы. Рассматривая природу как совокупность неорганического и органического мира, Э. Геккель признавал вероятность и необходимость перехода от первому ко второму, считая, что в мертвой и живой природе господствуют принципиально те же материальные процессы, отличающиеся лишь характером и формой.

Идея единства природы и доказательство этой истины, пожалуй, является той основной целью, которую Э. Геккель неутомимо преследовал в течение всей своей жизни и которая красной нитью выступает в большинстве его многочисленных работ.

Отстаивая и развивая идею единства природы, Э. Геккель выдвинул теорию первичного зарождения или архигонии, блестяще изложенную им в книге «Общая морфология», изданной в 1866 г. Как видно уже из самого подзаголовка этого фундаментального труда («Общие черты науки об органических формах, механически обоснованной эволюционной теорией, реформированной Чарльзом Дарвином»), Э. Геккель делает в нем критический пересмотр данных по морфологии животных и растений в свете теории эволюции.

Если Ч. Дарвин разъяснил связь между видами живых существ, то Э. Геккель, основываясь на дарвинизме, стремится расширить это учение своей теорией о происхождении живого вещества, теорией архигонии.

Доказывая наличие связи и естественного развития в природе, Э. Геккель видит эту связь прежде всего в отношении органических веществ. Его основным тезисом против противоположности между органической и неорганической природой является утверждение о бесструктурности монах и однородности вещества. Он рассматривает углерод как основную составляющую органических веществ и, следовательно, характеризует живое вещество как одну из форм углеродистых соединений. Углероду же Э. Геккель приписывает и такие специфические проявления жизненных свойств, как постоянная изменчивость, движение и текучесть, так как именно углерод обладает способностью давать неограниченное число легко переходящих друг в друга соединений. В то же самое время Э. Геккель ясно видит, что жизненные свойства присущи только тем углеродистым соединениям, которые включают в себя водород, кислород и азот, т. е. являются белковыми веществами. Отсюда он делает вывод, что жизненные процессы самым тесным образом связаны с деятельностью белковых веществ и представляют собой, по сути дела, форму деятельности последних.

Раскрывая картину естественного перехода развивающейся материи от неорганической к органической форме, Э. Геккель наносит сильнейший удар по фидеизму «Сверхъестественные

целесообразно-действующие причины, — пишет Э. Геккель, — к которым прежде приходилось прибегать, сделались теперь совершенно излишними».⁵

Общая картина первичного зарождения жизни на нашей планете, данная Э. Геккелем в его учении об архигонии, не потеряла своего значения и до настоящего времени, найдя свою дальнейшую разработку в общепризнанной ныне теории происхождения жизни на земле академика А. И. Опарина.

В еще большей степени перекликаются с современностью взгляды Э. Геккеля на вопрос о возникновении ощущений. Отрицая наличие принципиальных различий между живой и мертвой природой, Э. Геккель полностью солидаризировался с передовыми физиологами в том, что процессы ощущений и движений у простейших организмов совпадают с совершающимися в протоплазме молекулярными жизненными процессами. В. И. Ленин особо подчеркивал материализм Э. Геккеля в его учении о естественном происхождении ощущений и психики.

Являясь горячим сторонником учения Ч. Дарвина, Э. Геккель своими специальными работами способствовал дальнейшему развитию эволюционных воззрений.

Классический дарвинизм доказал наличие изменчивости и показал ее роль в эволюции органического мира, однако в биологии сразу же встал вопрос о выявлении механизма изменчивости. Ключом к пониманию изменчивости отдельных тканей, органов, систем органов и стадий онтогенетического развития организмов в значительной степени являлась разработка таких вопросов, как клеточная теория, сравнительная эмбриология, сравнительная анатомия и сравнительная физиология. Изучая и разрабатывая эти отрасли биологических знаний, Э. Геккель внес существенный вклад в разрешение вышеназванного вопроса. Важнейшими из его достижений в этой области являлись обоснование основного биогенетического закона и создание теории гастрей.

Формулировка биогенетического закона дана Э. Геккелем в его книге «Общая морфология». Автор широко использовал экспериментальные данные и выводы Ф. Мюллера и А. О. Ковалевского, почему впоследствии этот закон и получил название закона Мюллера-Геккеля. Обобщая данные эмбриологии в свете эволюционного учения, Ч. Дарвин неоднократно подчеркивал, что в процессе эмбрионального развития организмы как бы сохраняют следы своего исторического прошлого. Зародыш как бы воспроизводит состояние предков данного животного. На основе этого Э. Геккель и сформулировал свой основной биогенетический закон, согласно которому «онтогенез есть краткое и быстрое повторение филогенеза». Свою концепцию он проиллюстрировал большим количеством примеров на соответствующих последовательных стадиях онтогенетического развития.

В первоначальной формулировке, данной Э. Геккелем, этот

⁵ Э. Геккель, Мировые загадки. Москва, 1935, стр. 298.

закон не нашел, однако, своего полного отражения и лишь в общих чертах соответствовал действительному проявлению его в природе. Тем не менее, роль этого открытия в дальнейшем развитии биологии чрезвычайна.

Э. Геккель понимал биогенетический закон односторонне, т. е. как одностороннюю зависимость онтогенеза от филогенеза, без обратного влияния первого на второй. Иными словами, автор недостаточно ясно представлял себе единство и взаимозависимость индивидуального и исторического в процессе развития. Вместе с тем, именно в этом заключается основное содержание эволюции органического мира.

Прямое отношение к основному биогенетическому закону имела геккелевская теория гастрей.

Основная суть этой теории заключается в том, что каждый сложный организм в процессе эмбрионального развития проходит стадию двуслойного шарообразного мешка — гастреры, которая может существовать и в качестве самостоятельного организма, относящегося к низкоорганизованным формам существ. Таким образом, Э. Геккель устанавливает наличие однородности, или гомологии, при прохождении животными определенной стадии эмбриогенеза, и делает важнейший вывод, что «все так называемые животные произошли от одной общей родоначальной формы, гастреры, и что эта древнейшая (лаврентьевской эпохи) давно вымершая родоначальная форма в существенных чертах имела строение тела и состав нынешней, сохранившейся путем наследственности гастреры»⁶

Теория гастреры Э. Геккеля оказалась не вполне обоснованной, так как развитие ряда организмов, например, самых примитивных многоклеточных — кишечнополостных и некоторых червей, не укладывалось в ее схему. Недостатки этой теории были достаточно хорошо известны А. О. Ковалевскому и И. И. Мечникову. Последний внес в нее не только существенные коррективы, но и довольно резко критиковал ее, заявляя, что «Геккель в своем систематическом обзоре организмов без разбора делает выводы и ничем не стесняется при установке самых парадоксальных и скороспелых гипотез».⁷

Несмотря на ряд существенных недостатков и на то, что выдвинутая И. И. Мечниковым новая теория — теория паренхимеллы оказалась более совершенной, теория гастреры Э. Геккеля сыграла большую роль в биологии.

Основной биогенетический закон и теория гастреры Э. Геккеля нанесли сокрушительный удар метафизическим воззрениям и одновременно явились важнейшим вкладом ученого в развитие эволюционного учения и идеи единства органического мира.

Э. Геккель изучал природу не только как проявление много-

⁶ Э. Геккель, Мировые загадки, Москва, 1935, стр. 121.

⁷ И. И. Мечников, Академич. собр. сочинений, т. II, Медгиз, Москва, 1953, стр. 258—259.

гранности и многообразия форм, но стремился понять ее в процессе возникновения и развития.

Расчлняя природу, он одновременно стремился раскрыть наиболее общие законы и закономерности ее единства. Именно в этих целях Э. Геккель делает попытку представить естественную систему животных и растений в виде генеалогического или родословного дерева. Его не удовлетворяет разделение организмов только на царство животных и царство растений. Он вводит еще царство протистов, объединяющее в себе монеры и все одноклеточные организмы. Он подробно рассматривает процесс образования многоклеточных форм из монер в своей теории происхождения многоклеточных. Таким образом, пользуясь данными онтогении, морфологии и палеонтологии, Э. Геккель создает родословное дерево всего органического мира, в котором наглядно и ясно выступает все та же идея единства природы, несмотря на то колоссальное многообразие форм, которое имеет место в органическом мире.

Излагая, наконец, в своем специальном труде «Антропогения» филогению человека, Э. Геккель как бы завершает этим цель своей жизни — непримиримую и активную борьбу за дарвинизм, за идею единства материального мира.

Излагая схему родословного дерева органического мира, Э. Геккель детально показывает основные ступени развития, ведущие от бесструктурных протистов — монер к человеку. В наши дни многое в филогенетических представлениях Э. Геккеля сильно устарело, однако во многом он оказался все же совершенно прав. С замечательной проницательностью, например, Э. Геккель предсказал открытие одной из важнейших промежуточных ступеней между обезьяной и человеком — питекантропа, остатки которого только через тридцать лет были найдены на острове Ява.

Чрезвычайно ценной и важной для развития эволюционной теории Ч. Дарвина являлась позиция Э. Геккеля в вопросах органической изменчивости и ее причин. Несколько своеобразно трактуя изменчивость и приспособление, отождествляя их, он совершенно правильно рассматривал эти явления как «скрытую внутри всех организмов способность приобретать новые свойства под влиянием внешнего мира.»⁸

Решительно и недвусмысленно трактуя причины изменчивости как следствие процессов питания, в широком смысле этого слова, утверждая ведущую роль обмена веществ, Э. Геккель считал, что изменчивость или, что то же по Э. Геккелю, приспособление находится в сложном взаимодействии с наследственностью. «Сложное взаимодействие последних в связи с постоянно меняющимися отношениями борьбы за существование, — от-

⁸ Э. Геккель, Естественная история миротворения. Ч. I, СПб., 1908, стр. 161.

мечал он, — совершенно достаточно для того, чтобы вызвать все разнообразие органических форм»⁹.

Своим материалистическим подходом к объяснению важнейших явлений органического мира Э. Геккель превзошел многих своих современников. Его концепция о природе наследственности и утверждение, что во главе явлений «прогрессивной наследственности» следует поставить наследование приобретенных свойств, являлись не только опровержением умозрительных теорий А. Вейсмана, Де Фриза и др., но и важным обстоятельством для развития современных генетических представлений мичуринской биологии.

Естественным следствием и развитием материалистического понимания явлений и законов природы было для Э. Геккеля формирование его философских воззрений. Его основные труды в этой области — знаменитые «Мировые загадки» и «Чудеса жизни», характеризующие их автора как естественно-исторического материалиста и буржуазного атеиста, явились сильнейшим ударом по идеализму и его разновидности — махизму.

В. И. Ленин, весьма высоко ценивший Э. Геккеля, дал следующую оценку его «Мировым загадкам»: «Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила партийность философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой. Сотни тысяч экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходившей в специально дешевых изданиях, показали воочию, что книга эта «пошла в народ», что имеются массы читателей, которых сразу привлек на свою сторону Э. Геккель».¹⁰

Рассматривая дарвинизм как величайшее открытие, сделавшее переворот в науке XIX в. и обусловившее ее бурное развитие, Э. Геккель, естественно, был атеистом и резко выступал против церкви и особенно католицизма, с которым он хорошо познакомился во время более чем годового пребывания в Италии. Однако атеизм Э. Геккеля, хотя он и складывался одновременно с формированием материалистических взглядов, был атеизмом особого рода. Отрицая существование личного бога и нематериальных сил, Э. Геккель, по существу, выдумывает свою религию, точнее, под влиянием Спинозы рассматривает в качестве бога самую природу. Называя свои взгляды по отношению к религии пантеизмом, Э. Геккель категорически отрицает за религией какие-либо права в любых областях знаний. Иными словами, пользуясь термином Шопенгауера, Э. Геккель стоял на позициях «вежливого атеизма». Он сам говорил по этому поводу, что ос-

⁹ Э. Геккель, Естественная история миротворения. Ч. I, СПб., 1908, стр. 139.

¹⁰ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Огиз, Гос. из-во полит. литературы, 1948, стр. 330.

новой тезис пантеизма: «бог и мир — одно целое», есть просто вежливый способ увольнения господ бога в отставку».¹¹

Пользуясь любым случаем, Э. Геккель беспощадно и решительно громил религию и ее агентов, резко выступал против буржуазной морали и права, против буржуазных основ воспитания молодежи, требовал включения дарвинизма в учебные программы германских школ.

Мировоззрение Э. Геккеля не является случайностью. Уже в своей «Общей морфологии организмов» в 1866 г он излагает в общих чертах проблемы монистической философии, основываясь на базисе естественно-научных знаний.

Воспитанный на идеях немецкой классической натурфилософии, Э. Геккель стремился заменить традиционный философский идеализм научным миропониманием. К сожалению, философские обобщения Э. Геккеля, основывающиеся на крупнейших достижениях естественных наук, производились без учета успехов самой философии.

В 1892 г., выступая на собрании натуралистов в Альтенбурге, Э. Геккель сделал специальное сообщение о монизме как промежуточном звене между религией и наукой. С этого периода и до конца жизни Э. Геккель занимается активной разработкой и пропагандой своей монистической философии.

Кульминационным пунктом философской деятельности Э. Геккеля явились его знаменитые «Мировые загадки», где он, наряду с систематическим изложением монистической философии, смело и решительно громил религию и разоблачал ее адептов. Особенно резко он выступал против союза церкви и государства, считая, что этот союз представляет собой величайшую опасность для науки и распространения научного мировоззрения. Однако Э. Геккель оказался не в состоянии вскрыть социальные корни религии. Эта неспособность дать материалистическое объяснение происхождению религии привела к тому, что Э. Геккель в своей борьбе с религией оставался на уровне атеизма буржуазных просветителей.

Выступления Э. Геккеля с его собственно-философскими воззрениями вызвали со стороны идеалистов самых разнообразных типов и рангов необычайные нападки и критику. Это объясняется прежде всего тем, что, вскрывая предательство и шатания среди некоторых деятелей науки, идущих на поводу у церкви, Э. Геккель подчеркивал идеалистический характер их устремлений, клеймил мистицизм и спиритуалистические увлечения таких видных ученых, как Уоллеса, Крукса, Уэльнера, Фехнера и других.

В не меньшей, если не в большей степени ополчились на Э. Геккеля и богословы вкупе с философами-идеалистами. Вскрывая характер этих нападков и критики, В. И. Ленин пока-

¹¹ Э. Геккель, Мировые загадки, Москва, 1935, стр. 325.

зал их партийный — черносотенно-поповский характер. Одновременно с этим, В. И. Ленин отметил ограниченность и непоследовательность мировоззрения Э. Геккеля.

Ограниченность и непоследовательность философских воззрений Э. Геккеля проявились прежде всего в его отношениях к материализму. Свое собственное мировоззрение — монизм Э. Геккель ошибочно считал чем-то более высоким, чем материализм, и полагал последний в качестве односторонней формы монизма. В действительности именно монизм представлял собой одну из примитивных и непоследовательных форм материализма.

Более того, Э. Геккель отрицал свою принадлежность к материалистам и договаривался до нелепостей в области политики. В. И. Ленин назвал эти обстоятельства «трагикомедией», т. к. несмотря на отречение Э. Геккеля от материализма, «он издевался над философами с точки зрения материалиста, не видя того, что он стоит на точке зрения материалиста».¹²

Э. Геккель принадлежал к тем передовым людям науки, которые были твердо убеждены, что какая-либо иная теория познания, кроме «естественно-исторического материализма», невозможна. Будучи, таким образом, непримиримым врагом идеализма и поповщины, Э. Геккель не сумел, однако, подняться до материализма диалектического, продолжая оставаться в течение всей своей жизни сторонником материализма естественно-исторического. Этим и объясняются сделанные им некоторые уступки идеализму, в частности по отношению к религии, что В. И. Ленин называл «чем-то вроде «атеистической веры» Булгакова или «религиозного атеизма» Луначарского».¹³

Непоследовательностью и ограниченностью Э. Геккеля объясняется и его крен в сторону агностицизма в вопросе о сущности субстанции там, где он утверждает, что «вещь в себе» является чем-то мистическим и непостижимым, т. к. с каждым новым открытием сущность субстанции делается все более и более загадочной.

Самым существенным недостатком геккелевской философии было то, что он не сумел распространить материалистическое воззрение на общественные явления. Стоя на примитивных философских позициях, Э. Геккель в своем понятии опыта ограничивался только сферой явлений природы и прежде всего живой природы. Область же социальных явлений оставалась для него вне сферы соответствующего внимания и понимания. Вследствие того, что материализм Э. Геккеля был только естественно-научным, он был не в состоянии правильно расшифровать общественные явления и сводил их к биологическим явлениям. Такого рода биологизм Э. Геккеля привел, в частности, к тому, что он

¹² В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Огиз, Гос. из-во пол. лит., 1948, стр. 333.

¹³ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Огиз, Гос. из-во пол. лит., 1948, стр. 331.

оказался одним из родоначальников такого реакционного явления в науке как «социал-дарвинизм».

Вступая в полемику с Р. Вирховым по поводу социальных тенденций дарвинизма, Э. Геккель высказал мысль о том, что по его мнению дарвинизм несет в себе не социалистические, а аристократические тенденции. К сожалению, именно это его утверждение стало отправным пунктом для целого лженаучного направления — социального дарвинизма, которое широко использовалось впоследствии реакционерами всего мира для оправдания деяний капитализма. Социал-дарвинисты ставили своей целью оправдать естественными законами природы существующее в капиталистическом обществе неравенство, утверждая метафизическое положение о вечности капиталистических отношений.

Находясь под влиянием идей рационалистов и просветителей XVIII в., Э. Геккель считал, что общественные противоречия находятся в тесной связи с чисто биологическими процессами. «Строение и жизнь социального тела», т. е. государства, — писал Э. Геккель, — мы правильно поймем лишь тогда, когда будем обладать естественно-научным знанием строения и жизни» личностей, составляющих государство, и клеток, составляющих эти личности»¹⁴. Уже из этого утверждения Э. Геккеля видно его полное непонимание общественных явлений, биологическое объяснение которых приводит автора к идеализму и политической беспомощности.

В. И. Ленин, критически анализируя Э. Геккеля, как типичного представителя передовых буржуазных ученых, неоднократно подчеркивал, что поборники и представители естественно-научного материализма зачастую не умеют отчетливо противопоставить материалистическую и идеалистическую теории познания. В то же самое время, доказывая неразрывность связи естественно-научного материализма с материализмом диалектическим, В. И. Ленин указывал на значение борьбы с идеализмом естествоиспытателей типа Э. Геккеля за материализм.

Материальность и единство мира доказывается не простой ссылкой на отдельные данные естествознания. Единство мира обнаруживается во всей совокупности закономерностей, свойственных самим материальным объектам, во всей истории их возникновения и развития. К этому и стремился Э. Геккель.

Служение истинной науке чревато терниями и огорчениями. На долю Э. Геккеля в достаточной степени досталось и того, и другого, но мужественный и честный ученый до конца жизни неустанно выполнял свой долг. Недаром знаменитый естествоиспытатель, в противовес дюбуа-реймоновскому «*Ignorabimus*», выдвинул боевой лозунг «*Impavidi progrediamur*» — «Бесстрашно идем вперед».

¹⁴ Э. Геккель, Мировые загадки. Москва, 1935, стр. 74.

V. I. LENIN E. HAECKELI VÕITLUSEST LOODUSE ÜHTSUSE IDEE EEST

Dots. O. Mihhailov

Resümee

Seoses 19. saj. lõpu ja 20. saj. alguse loodusteaduse olukorra analüüsiga andis V. I. Lenin oma klassikalises töös «Materialism ja empiriokrititsism» hinnangu ja igakülgse kriitika kuulsa loodusteadlase-darvinisti Ernst Haeckeli kohta.

Olles veendunud ja aktiivne monistliku maailmavaate eest võitleja, eitas E. Haeckel printsiipiaalset erinevust elusa ja eluta looduse kehade vahel. Käsitades loodust anorgaanilise ja orgaanilise maailma ühtsusena, tunnistas ta esimese teiseks muutumise tõenäosust ja vajalikkust, arvates, et eluta ja elusas looduses valitsevad põhimõtteliselt samad materiaalsed protsessid, mis erinevad vaid oma iseloomult ja vormilt. Elu tekkimise mõeldavat viisi Maakeral kirjeldab ta arhegoonia õpetuses, mis mateeria evolutsiooni materialistliku kontseptsiooni valguses pole tänini oma tähtsust kaotanud.

Tema tähtsamateks töödeks on aga ka gastrea-teooria ja biogeneetiline põhiseadus. Oma uurimistega andis E. Haeckel purustava hoobi metafüüsilistele vaadetele ja tegi suure sammu edasi darvinismi arenguteel.

Antropogeneesialaste uurimistega ja orgaanilise maailma sugupuu üksikasjalise väljatöötamisega teostas E. Haeckel nagu oma elu ülesande — pidada leppimatut ja aktiivset võitlust darvinismi eest, looduse ühtsuse ja materiaalsuse idee eest. E. Haeckeli esinemised oma isiklike filosoofiliste vaadetega kutsusid esile kõige erinevatesse rühmadesse kuuluvate idealistide ägedaid kallaletunge ja kriitikat. Lahti mõtestades nende kallaletungide ja kriitika iseloomu, näitas V. I. Lenin nende parteilist «mustasajalaslik-paplikku» olemust. Koos sellega märkis V. I. Lenin E. Haeckeli maailmavaate piiratust ja ebajärjekindlust. Oma isiklikku maailmavaadet — monismi — pidas E. Haeckel ekslikult millekski kõrgemaks kui materialism, viimast aga luges ta lihtsalt monismi ühekülgseks avaldusvormiks.

Olles primitiivse füsioloogia seisukohtadel, piirdus E. Haeckel oma kogemuse mõistes vaid loodusnähtustega ja esijoones eluslooduse nähtustega. Kogu sotsiaalsete nähtuste valdkond jäi E. Haeckelil tähele panemata ja mõistmata. Seetõttu et E. Haeckeli materialism oli ainult loodusteaduslik, ta ei olnud võimeline lahti mõtestama ühiskondlikke nähtusi ja tuletas need bioloogilistest.

Analüüsides kriitiliselt E. Haeckelit kui eesrindlike kodanlike teadlaste tüüpilist esindajat, rõhutas V. I. Lenin korduvalt, et osa loodusteadusliku materialismi esindajaid ei oska selgelt vastan-

dada materialistlikku ja idealistlikku tunnetusteoriat. Samal ajal tõestades loodusteadusliku materialismi ja dialektilise materialismi seose katkestamatust, näitas V. I. Lenin, et E. Haeckeli taolised loodusteadlased võitlevad edukalt viimase eest.

V. I. LENIN ABOUT E. HAECKEL'S STRUGGLE FOR THE PRINCIPLE OF THE UNITY OF NATURE

O. Mikhailov

Summary

Analysing the state of natural science at the end of the 19th century and at the beginning of the 20th century in his classic work «Materialism and Empiriocriticism» V. I. Lenin gave his opinion about one of the most famous naturalists and Darwinians Ernst Haeckel and thoroughly criticized him.

E. Haeckel, a convinced and active fighter for the monistic world outlook, denied the difference of principle between the bodies of organic and inorganic nature. Regarding nature as a unity of the inorganic and organic world, he recognized the probability and necessity of changing the former into the latter; in his opinion in organic and inorganic nature there are the same fundamental processes which differ only in their character and form. He describes the hypothetical origin of life on the earth in his teaching of archegony, which has not lost its importance even today in the light of the materialistic conception of the evolution of matter.

However, his most important works are the gastraea theory and the law of biogenesis. E. Haeckel's research delivered a shattering blow to metaphysical views and it was a considerable contribution to the development of Darwinism.

With his anthropogenetic research work and the detailed genealogical tree of the organic world E. Haeckel seemed to the end of his life to fight relentlessly and actively for Darwinism, for the principle of the unity and materiality of nature. E. Haeckel's personal philosophic views provoked the violent attacks and criticisms of idealists of the most different groups. Explaining the character of their attacks and criticisms V. I. Lenin showed the «Black-Hundred» nature of their party. At the same time V. I. Lenin noticed the limits and inconsistency of E. Haeckel's world outlook. E. Haeckel erroneously considered his personal world outlook — monism to be something higher than materialism, he regarded the latter as a simple onesided form of appearance of monism.

E. Haeckel, advocating the standpoint of primitive physiology,

in his sense of experience limited himself only to natural phenomena and in the first place to the phenomena of organic nature. The whole sphere of social phenomena was unrecognized and misunderstood by E. Haeckel. As E. Haeckel's materialism was only a part of natural science, he was not able to explain social phenomena and he derived them biologically.

E. Haeckel was critically analysed by V. I. Lenin as one of the typical representatives of progressive bourgeois scientists. V. I. Lenin underlined that a part of the representatives of natural materialism cannot clearly oppose materialistic gnosiology to idealistic gnosiology. V. I. Lenin proved the indissolubility of natural materialism and dialectical materialism, and he showed that natural scientists like E. Haeckel successfully fight for the latter.

ЛЕНИН ОБ ИСКУССТВЕ И ПОЛИТИКЕ

Канд. филос. наук Л. Столович

Кафедра диалектического и исторического материализма

Вопрос об отношении искусства и политики — один из важнейших в эстетическом наследии В. И. Ленина. Великий вожь освободительной борьбы рабочего класса, организатор проведения социалистической революции и глава социалистического государства не мог не уделять взаимосвязи политики и искусства исключительного внимания.

Политика — область классовых и государственных отношений — оказывает большое воздействие на искусство, которое само, в свою очередь, выступает как «бомба и знамя» (Маяковский) в политической борьбе. Связь искусства с политикой наиболее полно проявляется в его классовой, партийности. Основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс научно раскрыли классовый характер идеологии и общественной психологии, в том числе искусства как одной из форм общественного сознания, в эпоху существования классов и классовой борьбы. В трудах В. И. Ленина эта особенность общественного сознания вообще и искусства, в частности, находит дальнейшее обоснование и развитие.

В. И. Ленин рассматривает классовость и партийность идеологии как объективно присущую ей в классовом обществе закономерность. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».¹ «Смешно даже и говорить тут о долге, — пишет В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?», — ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.»² В. И. Ленин также обращает внимание во мно-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 30.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 498—499.

гих своих высказываниям на то, что партийность сознания вообще и, в частности, искусства определяется не декларативными заявлениями (даже подчас совершенно искренними), а прежде всего *объективным содержанием* того или иного произведения, *объективной ролью* его в классовой борьбе. В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин показывает объективно реакционную сущность взглядов махистов-эмпириокритиков, хотя некоторые из них руководствовались «хорошими», «благими» намерениями, искренно считали себя пролетарскими идеологами и марксистами. «В том-то и беда, — замечает В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», — что «благие» намерения остаются *в лучшем случае* субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а *общественное значение* подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может».³

А. А. Богданов и другие идеологи пролеткульта субъективно полагали, что они являются деятелями пролетарской культуры, в том числе, искусства. Однако В. И. Ленин в предисловии ко второму изданию «Материализма и эмпириокритицизма» писал, что «под видом «пролетарской культуры» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения»⁴

В. И. Ленин не раз проводил в своих трудах мысль о том, что партийность должна проявляться прежде всего *в делах* и определяться тем, *кому выгодны* эти дела.

Это понимание партийности идеологии как ее объективной закономерности позволило В. И. Ленину разоблачить классовую сущность так называемой «беспартийности» и «объективизма». Сторонники «беспартийности» и «объективизма» выдают себя за людей, стоящих над борющимися классами и партиями, движимых не партийно-классовыми интересами, а якобы стремлением к «чистой» истине в науке и философии, к «чистому» искусству. «Беспартийность, — показал В. И. Ленин, — в буржуазном обществе есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров».⁵ Объективизм также по существу есть выражение партийности, так как объективист, «доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов».⁶

Реакционно-буржуазная партийность не случайно стремится стыдливо прикрыть себя маской «объективизма», «беспартийности», ибо открытое выражение этой партийности показало бы ее неприглядную антинародную и антигуманистическую сущность. С другой стороны, пролетарская, коммунистическая пар-

³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 330.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 9.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 61.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 380.

тийность утверждает себя открыто и прямо, будучи высшим выражением народности и гуманизма.

Свобода как научного, так и художественного творчества не может быть абсолютной, то есть вне отношения к борьбе классов. Обращаясь к сторонникам абсолютной свободы «абсолютно-индивидуального идейного творчества», В. И. Ленин страстно писал: «господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».⁷

Означает ли все это, что партийность идеологии исключает объективность исследования в науке, объективность художественного отражения жизни в искусстве, свободу научного и художественного творчества? Нет, конечно. Не правильно ставить вопрос: чему отдать предпочтение, партийности или объективности, партийности или свободе? Все дело в том, о какой партийности идет речь, ибо ведь беспартийной, неклассовой идеологии в классовом обществе вообще не существует.

Если партийность — выражение интересов передовых общественных сил, то именно она обеспечивает и подлинную объективность в познании и подлинную свободу творчества. Противопоставляя буржуазному объективисту марксиста-материалиста, В. И. Ленин подчеркивает, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».⁸ И это не только не мешает объективному познанию действительности, но дает возможность марксисту-материалисту «последовательнее объективиста и глубже, полнее» проводить «свой объективизм»,⁹ т. е. объективное познание действительности. Пролетарская же партийность в противовес «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе» утверждает «действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу».¹⁰

Понятие «партийность искусства» является эстетической категорией. Оно относится не только непосредственно к политическим высказываниям, идеям, содержащимся в художе-

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 30.

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 380—381.

⁹ Там же, стр. 380.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 30.

ственном произведении, но характеризует классовую направленность его моральной, философской, эстетической проблематики, охватывает все произведение как определенную художественно-эстетическую целостность. Однако, очевидно, понятие «партийность искусства» соотносит искусство как эстетически-художественное явление с политикой, *раскрывает политическую значимость художественного произведения.*

Политические воззрения художника оказывают большое влияние на понимание им явлений и процессов общественной жизни и, следовательно, на само художественное творчество. Правда, политика-политике рознь. Реакционное политическое мировоззрение, если оно проникает в произведение, приводит к искажению действительности, к нарушению законов художественности. И напротив, передовые, прогрессивные политические взгляды дают возможность раскрыть глубинные связи общественной жизни, выявить перспективы исторического развития, отделить существенное от несущественного, необходимое от случайного.

В статье «Письма из далека», написанной в марте 1917 года, говорилось между прочим и следующее: «Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Но зачем же Горькому братья за политику?»¹¹ Не означает ли это противопоставление искусства политике? Конечно, нет. В. И. Ленин упрекал А. М. Горького в это время не за то, что он вообще взялся за политику, но за то, что *эта* политика (речь идет о непонимании в это время А. М. Горьким буржуазной сущности Временного правительства и основанных на этом непонимании иллюзиях) не носила сознательно пролетарского характера: «На мой взгляд, — продолжал В. И. Ленин, — письмо Горького выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих».¹² И в другой работе В. И. Ленин выразил сожаление, «что великий художник берется за политику, повторяя предрассудки мелкой буржуазии».¹³

Что касается подлинно научной, пролетарско-марксистской политики, то ее большое значение для художественного творчества В. И. Ленин отмечал неоднократно. Так, в письме к А. М. Горькому от 31 июля 1919 года В. И. Ленин глубоко объясняет причину «больных впечатлений» и «больных выводов», к которым писатель пришел под влиянием связи с буржуазной интеллигенцией и тяжелой житейской обстановки в Петрограде. В. И. Ленин советует Горькому изменить образ жизни: «Ни но-

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 325.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 349.

вого в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать *не можете*. Вы отняли у себя возможность то делать, что удовлетворило бы художника.»¹⁴ И дальше: «*в Питере можно работать политику, но вы не политик*». (Курсив мой. — Л. С.)¹⁵ Говоря о возможности видеть новое непосредственно в Питере, В. И. Ленин отмечает, что его можно видеть «только при исключительной *политической осведомленности*, при специально большом политическом опыте. Этого у вас нет».¹⁶ Поэтому: «Тут жить надо либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по-новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте) Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового».¹⁷

О том, какое значение для понимания перспектив развития общественной жизни имеет научно-обоснованное политическое мировоззрение, показывает следующий поучительный пример. Посетивший в 1920 году нашу страну известный английский писатель Герберт Уэллс писал в своей книге «Россия во мгле»: «Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрофикации. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром».¹⁸ Как ни странным это может показаться, автор фантастических романов не смог увидеть грандиозных возможностей промышленного развития социалистической республики. Напротив, именно научно-политический подход к жизни позволил В. И. Ленину заглянуть в будущее дальше, чем это был в состоянии сделать писатель, ограниченный в своих политических воззрениях. Выступая на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству 28 ноября 1959 года, Н. С. Хрущев говорил: «То, чем жил Ленин, что он планировал, о чем он мечтал, сейчас наш народ, партия успешно претворяют в жизнь! Разрабатывая план ГОЭЛРО, Владимир Ильич мечтал о будущем нашей Родины, о коммунизме, он видел далеко вперед. Даже в условиях разрухи и голода он выдвигал очень смелый и грандиозный план. По тому времени это было фантастически, невообразимо. Такой писатель-фантаст, как Герберт Уэллс, назвал Ленина мечтателем, нереально думающим человеком. Что теперь ска-

¹⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 349.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 348.

¹⁷ Там же, стр. 349—350.

¹⁸ Герберт Уэллс, Россия во мгле, Госполитиздат, М., 1959, стр. 72—73.

зал бы Уэллс!»¹⁹ Этот пример показывает, какое значение имеет для художника политически прогрессивное мировоззрение, позволяя в настоящем видеть очертания будущего.

*
* *

Однако единство политики и искусства не означает, что это единство носит механический характер, свободно от противоречий. Общеизвестны слова Ф. Энгельса о том, что «Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом»,²⁰ т. е. сторонником «законной» монархии Бурбонов. П. И. Чайковский, создавший поразительные по своей художественной силе музыкальные произведения, по своим политическим убеждениям был монархистом. Реакционные политические идеи нашли выражение в творчестве такого великого писателя, как Ф. М. Достоевский. Называя Л. Н. Толстого «зеркалом русской революции», В. И. Ленин отмечает, что Л. Н. Толстой «явно не понял» революции, «явно отстранился» от нее.²¹ Книгу «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» Аркадия Аверченко с характерным названием: «Дюжина ножей в спину революции» В. И. Ленин называет «талантливой книжкой».²²

В чем же дело? Можно ли из всего этого заключить о независимости художественного творчества от политических воззрений писателя, художника, композитора?

Нет, конечно! Надо иметь в виду, что само политическое мировоззрение писателя, художника, испытывая на себе воздействие противоречий действительности, идеологий различных классов, часто бывает противоречивым. И поэтому тогда, когда обнаруживается противоречие между политическими взглядами писателя, художника и его творчеством, при глубоком анализе выявляется *и противоречивость самих этих политических взглядов и противоречивость самого художественного творчества*. Ведь Ф. Энгельс, отмечая легитимизм Бальзака, обнаружил этот легитимизм в самом творчестве французского писателя: «его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание».²³ И в то же время Ф. Энгельс видит несомненно демократическую сторону как в мировоззрении Бальзака, так и в его творчестве: «Единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые противники, республиканцы — герои улицы Cloître Saint Merri, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс».²⁴

¹⁹ «Правда» от 13 декабря 1959 г.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1, М., 1957, стр. 12.

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 179.

²² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 101.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1 стр. 12.

²⁴ Там же.

П. И. Чайковский, будучи монархистом, был и человеком, всем сердцем любящим народ, что и обусловило глубокую народность его музыкального творчества.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, как В. И. Ленин понимал противоречивость творчества и мировоззрения Достоевского: «Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционную тенденцию творчества Достоевского. Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривающий больные стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности».²⁵

Классический пример того, как надо раскрывать противоречивую подчас взаимообусловленность политических взглядов художника и его творчества, показывают ленинские статьи о Л. Н. Толстом. В. И. Ленин раскрывает кричащие противоречия в самом мировоззрении писателя, в политической стороне этого мировоззрения и в обусловленных мировоззрением его художественных произведениях, обнаруживает источник всех этих противоречий в особенностях русской жизни пореформенного периода и революционном движении крестьянства. «Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость».²⁶ «В произведениях Толстого выразилась и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения».²⁷ Отсюда — противоречивость политической позиции Толстого: «Борьба с крепостничеством и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг.»²⁸

В 1910 году В. И. Ленин отмечал ряд философских и политических заблуждений А. М. Горького, которого считал крупнейшим представителем *«пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать»*²⁹ Но В. И. Ленин считал эти заблуждения отнюдь не безразличными для великого пролетарского писателя. По словам В. И. Ленина махистские и отзовистские взгляды Горького того времени составляли его слабую сторону, входили «отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы».³⁰

Что же касается книжки рассказов Аркадия Аверченко, то В. И. Ленин называет ее талантливой постольку, поскольку «до

²⁵ «Литературная газета» от 21 апреля 1955 г.

²⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 294.

²⁷ Там же.

²⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 295.

²⁹ Там же, стр. 186.

³⁰ Там же, стр. 187.

кипения дошедшая ненависть» не помешала автору правдиво отразить некоторые стороны знакомой ему жизни: психологию детей, переживших и переживающих гражданскую войну, комизм положения бывших хозяев жизни, вышвырнутых революцией. Но «когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно».³¹ Нельзя талантливо писать о том, чего не знаешь.³²

Итак, В. И. Ленин в своих эстетических высказываниях учитывал всю сложность и подчас противоречивость взаимоотношения политики и художественного творчества, но он видел глубокую взаимосвязь между ними, взаимообусловленность их друг другом. Учет этой закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности помогает понять как вредоносность для художественного творчества реакционных политических взглядов, так и плодотворность для правдиво-художественного, реалистического отражения действительности передовых политических идей, правильного политического осмысления общественной жизни.

* *

Но В. И. Ленин, как никто другой, понимал необходимость учета специфики выражения политических идей в искусстве, специфику партийности художественного творчества. Еще в статье «Партийная организация и партийная литература» он писал: «Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата».³³

В. И. Ленин в письме к Инессе Арманд показывает специфические различия в подходе к жизни с точки зрения политика и с точки зрения художника. Политик должен прежде всего иметь в виду противопоставление «классовых типов», индивидуальные исключения для него не существенны. В художественном же произведении «весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе *характеров* и психики *данных типов*».³⁴ Из этого не следует делать вывод, будто бы для художника не важен учет «классовых типов». Этот учет для него также важен и определяется он во многом политическими взглядами художника, *но кроме того и наряду с этим*, огромное значе-

³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 101.

³² См. там же.

³³ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 28.

³⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 141.

ние имеет анализ индивидуальной обстановки, характеров и психики данных типов, то есть учет неповторимо-индивидуальных проявлений общественной жизни.

В. И. Ленин считал, что выраженные в художественном произведении даже совершенно правильные политические идеи *сами по себе* не дают основания для автоматического суждения о художественном качестве произведения. В этом отношении большой интерес представляет ленинское высказывание о стихотворении В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся». Выступая 6 марта 1922 года на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, В. И. Ленин говорил: «Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».³⁵ Известно, что В. И. Ленину не нравилось проявление футуризма в поэзии Маяковского, как и вообще в искусстве. Не нравилось злоупотребление в поэзии неологизмами. Поэтому-то В. И. Ленин и говорил, что не является поклонником таланта Маяковского (но не будем забывать того, что лучшие свои произведения замечательный советский поэт создает уже после смерти В. И. Ленина). Стихотворение же «Прозаседавшиеся» понравилось В. И. Ленину не просто своим политическим смыслом, но и эстетической действенностью, с которой раскрывается этот смысл («вдрызг высмеивает»). Однако В. И. Ленин, в высшей мере высоко оценивая политическое значение стихотворения Маяковского, не характеризует его с точки зрения художественного качества, с величайшей скромностью отмечая свою некомпетентность в вопросах поэзии. Уже это показывает, что В. И. Ленин не выводил автоматически эстетически-художественное качество произведения из его политического звучания, видя теоретическую возможность не только соответствия, но и не соответствия политического, с одной стороны, и эстетически-художественного, с другой, значений произведения.

В своих высказываниях об искусстве В. И. Ленин с исключительной прозорливостью определял пути органического слияния политического и эстетически-художественного начал художественного творчества.

Для этого, прежде всего, нужно, чтобы художник был по-настоящему политически сознательным человеком. В 1921 году В. И. Ленин посетил студенческое общежитие ВХУТЕМАС'а (Высшие художественно-технические мастерские). Революционно-настроенная, полная энтузиазма и бодрости молодежь произ-

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 197.

вела на В. И. Ленина очень хорошее впечатление. Но, к сожалению, этот революционный энтузиазм, стремление (совершенно искреннее!) связать искусство с политикой сочетались с наивным пониманием политики и с ложными эстетическими воззрениями в духе футуризма, с отрицанием культурного наследства прошлого. Один из участников встречи с В. И. Лениным, С. Сенькин, вспоминает: «Кто-то приносит мой рисунок, сделанный для сборника памяти Кропоткина. Владимир Ильич, ядовито поглядывая и на рисунок и на автора, спрашивает:

— А что же это изображает?

Я изо всех сил стараюсь доказать, что это ничего не изображает, старые художники обманывают и себя и других, что они умеют изображать, — никто не умеет, а мы учимся, и нашей задачей является связать искусство с политикой, и мы непременно свяжем искусство с политикой. Владимир Ильич спокойно дает перевести дух, и маленький вопросик:

— Ну, а как же вы свяжете искусство с политикой?

Перевертывает рисунок со всех сторон, как бы отыскивая в нем эту связь»³⁶

Неслучайно после беседы со вхутемасовцами, встретив А. В. Луначарского, бывшего в то время наркомом просвещения, В. И. Ленин сказал ему: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учите!»³⁷

В. И. Ленин придавал очень большое значение политическому образованию и воспитанию будущих деятелей искусства. В 1920 году при подготовке Декрета СНК о Московских высших государственных художественно-технических **мастерских** В. И. Ленин отмечал необходимость включения в курс обучения «политграмоты» и «коммунистической пропаганды».³⁸ Когда же в проекте декрета эти дисциплины были включены для прохождения только на подготовительном курсе, В. И. Ленин сделал приписку на полях: «на всех курсах».³⁹

Проведение политических идей в искусстве рассматривалось В. И. Лениным не как обилие в произведениях декларативных заклинаний и заявлений, но как, прежде всего, правдивое отражение жизни, внимание к новому, рождающемуся в жизни. «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое»,⁴⁰ — обращался В. И. Ленин ко всем работникам печати, в том числе и к литераторам.

³⁶ Цит. по сборнику «В. И. Ленин о литературе и искусстве» (М., 1957), стр. 626.

³⁷ Там же, стр. 623.

³⁸ Ленинский сборник XXXV. стр. 174.

³⁹ Там же.

⁴⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 80.

Положение о том, что только на основе правдивого отражения жизни может быть действительно осуществлено единство политики и искусства — один из ценнейших эстетических заветов В. И. Ленина. Рабочий класс — самый революционный и прогрессивный класс в истории человеческого общества — как никакой другой класс заинтересован в правдивом познании жизни. Его партийность не нуждается во лжи и лести, она требует объективного познания действительности в ее революционном развитии. Правдивость — вот то качество искусства, которое больше всего ценил В. И. Ленин. В предисловии к книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», В. И. Ленин писал: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».⁴¹ О романах Анри Барбюса «В огне» и «Ясность»: «Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво».⁴²

О том, что В. И. Ленин видел в правдивом отражении действительности главную силу передового искусства, источник его революционной деятельности, свидетельствует оценка им замечательного романа А. М. Горького «Мать». В своих воспоминаниях А. М. Горький ярко описывает сцену разговора с В. И. Лениным, в котором В. И. Ленин говорил, что книга очень своевременная и нужная, «много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя».⁴³ В. И. Ленин отмечал и некоторые недостатки книги.⁴⁴

Об этом вспоминает и близкий друг А. М. Горького, М. Ф. Андреева: «Ленин ценил «Мать» очень высоко, считая появление ее крупным событием, а недостатки видел больше всего в идеализации революционеров-интеллигентов».⁴⁵

В письме к Н. К. Крупской А. М. Горький писал, как В. И. Ленин еще до революции отнесся к замыслу А. М. Горького написать роман об истории одной семьи на протяжении столет: «Отличная тема, конечно, — трудная, потребует массу времени, я думаю, что Вы бы с ней сладили, но не вижу: чем Вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции, а теперь что-нибудь вроде «Матери» надо бы»⁴⁶

⁴¹ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 473.

⁴² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 470.

⁴³ «В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., 1957, стр. 565.

⁴⁴ См. там же.

⁴⁵ См. там же, стр. 577.

⁴⁶ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, стр. 168.

Следование за действительностью, выражение правды жизни — таковы ленинские требования к искусству, литературе. Анри Гильбо приводит в своей книге о Ленине в высшей степени показательные слова Владимира Ильича: «Нам не нужны лстецы. Нужно, чтобы нам говорили правду».⁴⁷ Но В. И. Ленин был непримирим и к натуралистическому бытописательству, малюющему ужасы, о чем он пишет относительно романа В. Виниченко «Заветы отцов».

В. И. Ленин считал, что только правдивое отражение действительности может художественно воплотить наиболее передовые политические идеи и устремления. Такие произведения являются пропагандистскими в самом высоком и благородном смысле этого слова. Автора пролетарского гимна «Интернационал» Евгения Потье В. И. Ленин называл одним из самых великих *«пропагандистов посредством песни»*.⁴⁸

*

* *

Ленинские идеи находят свое дальнейшее развитие в политике Коммунистической партии в области искусства и литературы, политике, которая исходит из необходимости тесной связи литературы и искусства с жизнью народа для выполнения задачи громадной важности: воспитания строителей коммунистического общества.

LENIN KUNSTIST JA POLIITIKAST

L. Stolovitš

R e s ü m é e

Üks tähtsamaid küsimusi V. I. Lenini teoreetilises pärandis esteetika alal on kunsti ja poliitika vahekorra küsimus. V. I. Lenin töötas igakülgsest läbi marksismi õpetuse üldise ühiskondliku teadvuse ja sealhulgas ka kunsti klassi-iseloomust ning arendas seda õpetust uutes ajaloolistes tingimustes edasi.

Mõiste «kunsti parteilisus» on esteetiline kategooria. Ta seob kunsti kui esteetilis-kunstilise nähtuse poliitikaga, avab kunstiteose poliitilise tähtsuse.

V. I. Lenin näitab tõeliselt teadusliku, proletaarselt marksistliku poliitika suurt tähtsust kunstiloomingule: see aitab kunstniku sügavalt tunnetada ühiskondlike suhete olemust, avada aja-

⁴⁷ См. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», стр. 616.

⁴⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 186.

loolise arengu perspektiive. Teisest küljest aga reaktsioonilised poliitilised vaated avaldavad kunstile negatiivset mõju, soodustades tegelikkuse moonutatud kujutamist ja kunstilisuse seaduste rikkumist.

Oma esteetilistes vaadetes arvestab V. I. Lenin nii esteetilise kui ka poliitilise tegelikkusesse suhtumise spetsiifikat. Progressiivsete poliitiliste ideede ja püüdluste ning kunstilise loomingu ühtsus aga on saavutatav ainult tegelikkuse õige peegeldamise korral.

LENIN ON ART AND POLITICS

L. Stolovich

Summary

One of the most important problems in V. I. Lenin's theoretical legacy on aesthetics is the problem of relations between art and politics. V. I. Lenin worked up in detail the Marxist teaching of the class character of social consciousness including art and developed it further in new historical conditions.

The notion of «Party spirit in art» is an aesthetic category. It associates art as an aesthetic and artistic phenomenon with politics, reveals the political importance of a work of art.

V. I. Lenin shows the great significance of really scientific proletarian Marxist politics for artistic work, as it helps the artist to deeply cognize the nature of social relations, to reveal the prospects of historical development. On the other hand, the reactionary political views exert a negative influence on art favouring distorted representation of reality and the violation of artistic laws.

In his aesthetic views V. I. Lenin takes into account the specific character of both aesthetic and political attitudes towards reality. The unity of artistic work and progressive political ideas and aspirations is brought about only in case of a correct reflection of reality.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И БОРЬБА ЗА РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЭСТЕТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Канд. филолог. наук З. Минц

Кафедра русской литературы

Огромное значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для развития передовой эстетики и литературы уже многократно отмечалось исследователями. Особенно детально рассмотрен этот вопрос в книге Б. С. Мейлаха, где «Материализму и эмпириокритицизму» посвящена отдельная глава.¹ Однако до сих пор основные положения книги В. И. Ленина исторически рассматривались лишь в контексте теоретических (эстетических — в частности) споров 1907—1912 гг. Правда, Б. С. Мейлах указывает и на значение высказанных в «Материализме и эмпириокритицизме» положений для ранней советской литературы: «В свете протекавших в 1908—1910 гг. споров о пролетарской культуре ярко раскрывается значение общеизвестной речи В. И. Ленина о пролетарской культуре в 1920 г. и громадная опасность отрыва новой культуры от классического наследия, опасность вульгарного социологизма и ликвидации художественной индивидуальности, то есть той линии, которую Богданов и его ближайшие сотрудники по «Пролеткульту» пытались практически воплотить в жизнь».² Однако это интересное указание не получило пока детального, конкретного раскрытия; да и сведение роли «Материализма и эмпириокритицизма» только к подготовке речи о пролетарской культуре, бесспорно, слишком сужает вопрос.

Как известно, книга В. И. Ленина «Материализм и эмпирио-

¹ См.: Б. С. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв., изд. второе, М.-Л., ГИХЛ, 1951. См. также: В. Шербина, «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина и вопросы литературоведения, Известия АН СССР, Отделение языка и литературы, т. XVIII, 4, М., изд. АН СССР, 1959.

² Б. С. Мейлах, ук. соч., стр. 253.

критицизм» вскоре после Октябрьской революции (1920) вышла вторым изданием. Обращает на себя внимание тот факт, что переиздание появилось в разгар полемики партии с пролеткультами. Общеизвестно, что переиздания своих произведений В. И. Ленин рассматривал как одну из форм полемики (если противники использовали старые, уже опровергавшиеся им аргументы). Особенно часто это приходилось делать в напряженные годы Октябрьской революции и гражданской войны, когда для создания новых работ подчас попросту не было времени. Так, в письме к В. В. Воровскому от 20. IX. 1918 г. В. И. Ленин указывает на необходимость, в связи с появлением в «*Sozialistische Auslandspolitik*» «пошлейшей оппортунистической» статьи К. Каутского, — «издать поскорее по-немецки <...> «Государство и революция»», — поскольку сейчас нет времени давать специальный разбор именно данной статьи.³ В таких случаях на «сегодняшний» адресат книги указывало предисловие к повторным изданиям.

Именно так появилось в свет и 2 издание «Материализма и эмпириокритицизма». В предисловии к изданию 1920 г. В. И. Ленин выделил три момента, оправдывающие повторный выход в свет этого произведения. Это — изучение «полемики с русскими махистами», ознакомление «с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания» и, наконец, отпор «буржуазным и реакционным воззрениям» А. А. Богданова, которые проводятся им «под видом пролетарской культуры».⁴ Правда, В. И. Ленин тут же оговаривается, что он не имел возможности ознакомиться с послеоктябрьскими произведениями Богданова, однако из текста предисловия явствует, что он полностью солидаризируется с выводами статьи В. И. Невского.⁵ Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, — то, что приложенная ко П2 изданию статья В. И. Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» полностью посвящена послеоктябрьским произведениям А. Богданова: этим она и должна была дополнить третий выделенный В. И. Лениным аспект книги. Во-вторых, любопытно, что, как указывает В. И. Ленин, основным предметом полемики являются как раз взгляды Богданова на «пролетарскую культуру»; именно их, в первую очередь, В. И. Ленин считает необходимым подвергнуть критике. Правда, статья В. И. Невского не решила этой задачи: вопросы эстетики в ней не получили детальной разработки. Очевидно, однако, что сам Ленин считал необходимым приложить ко 2 изданию книги критический анализ современных и, притом, главным образом эстетических, воззрений Богданова. Всё это го-

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 299 и 300.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 9.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 9.

ворит об актуальности переиздания «Материализма и эмпириокритицизма» именно в обстановке полемики по вопросам новой культуры.

А. Богданов, как справедливо отметил Б. С. Мейлах, после Октябрьской революции начал особенно энергично пропагандировать свои теоретические взгляды. Как содержание новых произведений А. Богданова («Опыт организационной науки», «Культура и рабочий класс», статьи в журнале «Пролетарская культура» и др.) так и сам факт обильного переиздания писателем дореволюционных трудов свидетельствуют, что его философские взгляды с периода выхода «Эмпириомонизма» (1907) и «Очерков по философии марксизма» (1908) не претерпели существенных изменений.

Из поздних работ А. Богданова полнотой изложения его взглядов выделяется «Философия живого опыта». Написанная еще до Октября, эта книга была выпущена вскоре после революции (М., Госиздат, 1920) и стала основным источником ознакомления читателя с «новейшими» философскими исканиями Богданова. Не случайно именно эту работу А. Богданова в основном критикует В. И. Невский; не случайно и название статьи последнего («Диалектический материализм и философия мертвой реакции») полемично именно по отношению к данной книге.

Уже с первых страниц книги читатель «Философии живого опыта» вводится в круг характерных представлений эмпириомонизма. Объективный мир по-прежнему определен «коллективным» субъектом — человечеством — и полностью зависит от кругозора человечества, от его производственного опыта: «Природою человек называет бесконечно разворачивающееся *поле своего труда-опыта*»;⁶ *«материя соотносительна труду»*,⁷ т. е. не существует независимо от «деяния» человека. Необходимо отметить при этом присущий философии Богданова субъективистский характер самого понятия «труд». «Труд» здесь — не средство подчинения природы, а лишь форма организации коллектива и воспитания коллективной психологии. Отсюда естественно вытекает и отрицание объективной истины. Истину Богданов понимает не как отображение в сознаний человека объективных закономерностей, а как «особое орудие человеческой деятельности»,⁸ т. е. не в аспекте материального происхождения идей, а — сближаясь с прагматизмом — с точки зрения их практической пригодности для действий того или иного класса. «Объективность, — продолжает и теперь утверждать автор «Эмпириомонизма», — имеет не абсолютное, а социально-практическое значение»; *«всё существует для нас —*

⁶ А. Богданов, Философия живого опыта, Популярные очерки, 3 издание, П.—М., изд. «Книга», 1923, стр. 56. Неоговоренный курсив здесь и далее мой. — З. М.

⁷ Там же, стр. 57.

⁸ Там же, стр. 17.

лишь относительно, а не абсолютно».⁹ С этих позиций вполне закономерно отрицается и абсолютная истина, объявляемая метафизикой и абстракцией: «Никакой абсолютной и вечной философской истины быть не может».¹⁰ Отсюда следует характерное богдановское отрицание каких бы то ни было точек соприкосновения между идеологиями различных классов: ведь в самих этих идеологиях, по мнению эмпириомонистов, нет элементов, связанных с отражением закономерностей объективного мира, нет вообще ничего, кроме «интересов» класса-идеолога; а интересы различных классов не могут совпадать. «Так как основные жизненные задачи различных классов различны, — пишет А. Богданов, — а всякое орудие должно соответствовать своей задаче, то философия одного класса не пригодна для другого.» В своем стремлении к победе и господству каждый класс должен выработать свою особую идеологию,¹¹ причем оказывается, что для Богданова понятие «идеология» без остатка покрывает содержание терминов «наука» и «искусство». И то, и другое — составные части классовой культуры, формы «коллективного опыта». Вопрос об отражении объективных закономерностей, объективном содержании не только произведений искусства, но и законов науки, — снят. Наука имеет лишь классово-обусловленное содержание. Новый класс — пролетариат — также создает качественно новую культуру. В ней отражается сущность пролетариата — класса эпохи «машинного производства»,¹² эпохи, показавшей, что всё в мире сводится к «превращению энергии».¹³

Основные положения написанных после Октября «Основ организационной науки» — те же, что и в «Философии живого опыта», с той лишь разницей, что, если раньше Богданов считал философию эмпириомонизма идеологией *современного, борющегося* пролетариата, то теперь он стремится сформулировать основные принципы «тектологии» — философии *будущего* коммунистического общества. Уже сама по себе такая постановка вопроса характерна для Богдановского субъективизма, ставящего сознание выше бытия. В основе подобного взгляда лежит представление о том, что возможно искусственно, чисто умозрительно, «лабораторно» сконструировать идеологию будущего, которая в дальнейшем выступит по отношению к социальному бытию как первичное, организующее начало и по канонам которой будет затем формироваться сама действительность. Не удивительно, что эта «наука будущего» еще абстрактнее, чем «философия живого опыта». Последние следы историзма, инте-

⁹ А. Богданов, Философия живого опыта. Популярные очерки, 3 издание, П. — М., изд. «Книга», 1923, стр. 57.

¹⁰ Там же, стр. 19.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 268.

¹³ Там же.

реса к конкретным фактам действительности, из «тектологии» исчезают. В «Философии живого опыта» сохранялся еще принцип историзма, хотя бы в изложении сущности различных философских систем. Правда, историзм здесь — как, например, и в «Социализме и религии» А. Луначарского — число внешний: не общие законы мыслятся как проявляющиеся в конкретно-исторических формах, а, напротив, конкретно-историческое рассматривается лишь как частный случай обще-психологического и растворяется в нем. Однако *сознательного* разрыва с принципами историзма в «Философии живого опыта» еще не было. В «Очерках организационной науки» такой разрыв уже наступил. Богданов теперь совсем ничего не пишет о конкретных явлениях действительности, о конкретных эпохах истории и т. п. Явления здесь полностью растворены в абстрактных качествах, отношениях, свойствах, история — в психологии и т. п. В мире А. Богданов теперь уже не видит абсолютно ничего, кроме «соединений комплексов».¹⁴ Черты субъективизма и волюнтаризма здесь еще заметнее, чем в работах дооктябрьского периода. Тем самым оправдывалось предсказание Ленина о том, что путь эмпириомонизма лежит ко всё большему разрыву с материализмом.

Исследователи вопроса уже отмечали, что одна из основных особенностей эстетических построений Богданова и его учеников состоит именно в отрицании специфики искусства. Б. С. Мейлах пишет: «Вульгарный материализм, «сильно подпорченный идеализмом», отразился и на эстетических взглядах Богданова. С вульгарной прямолинейностью он ставит искусства в ряд «организующих приспособлений в общественно-трудовой борьбе за существование», подобно не только «техническим приспособлениям», но и подобно биологическим формам приспособления».¹⁵ Такой ход мыслей, действительно, весьма органичен для Богданова. — Для А. Богданова различие между наукой и искусством (равно как и между искусством и другими формами идеологии) обусловлено не существованием различных сторон в явлениях объективной действительности (и — в связи с этим — наличием разных форм познания), а лишь тем, что это — разные формы организации человеческого «опыта», своеобразно воздействующие на массы. Отсюда — главное внимание не *изучению* объективных закономерностей, а *организации* различных форм «коллективного опыта».

В то же время теоретические положения Богданова, не выделяя специально вопросов искусства, постоянно, однако, имели их в виду. Если весь мир есть не что иное как субъективистски трактуемый «опыт» класса, если в мире нет ничего, кроме субъекта, то единственно возможная задача художника — воспевание этого «опыта», самовыражение писателем-пролетарием «кол-

¹⁴ А. Богданов, Очерки организационной науки, «Пролетарская культура», 1919, № 11—12, стр. 11.

¹⁵ Б. С. Мейлах, цит. соч., стр. 245.

лективной психологии» своего класса. Понимание процесса творчества как конструирования действительности «из себя» (не из личности писателя — последняя как раз полностью игнорировалась! — а из психологии класса, понимаемой как нечто первичное, творящее мир) закономерно приводило к известной пролеткультовской установке на «лабораторную» выработку нового искусства. — Для его создания вовсе не требуется знания объективного, внешнего мира: мир есть классовая психология, а последняя полностью совпадает с психологией каждого отдельного «подлинного» пролетария. Отражение настроений «сына класса» и есть круг проблем пролетарского искусства. Подобно тому, как всё содержание «Очерков организационной науки» сводилось к перечислению абстрактных свойств, качеств, признаков, отношений явлений, — искусство также должно интересоваться не конкретными явлениями, а общими признаками и т. д. Задача подобного искусства — не познание объективных закономерностей в специфических формах искусства, а волюнтаристски трактуемая «организация», переделка действительности при помощи искусственно сконструированных идеалов. Из выдвинутого А. Богдановым еще в «Эмпириомонизме» тезиса: «Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны», — вытекало положение о том, что новая культура возникает независимо от нового социального строя, от реального состояния борьбы за социализм, и создавая идеалы этого строя, творит, тем самым, и новый «быт», не только приравняемый к психологии, но и обусловленный ею. Выражая воззрения А. Богданова, редакция журнала «Пролетарская культура» писала: «В вопросах культуры мы — немедленные социалисты. Мы утверждаем, что пролетариат должен теперь же, немедленно, создавать для себя социалистические формы мысли, чувства, быта, независимо от соотношений и комбинаций политических сил».¹⁶ Здесь особенно характерна постановка «быта» на последнее место, как чего-то, зависящего *только* от «мыслей и чувств» пролетария. Основанная на посылах богдановской философии эстетика, естественно, полностью игнорировала познавательную функцию искусства во имя воспитательной, «социально организующей».

Наконец, поскольку для Богданова общественное бытие и общественное сознание равнозначны — постольку логичен и вывод о независимости «культурного опыта» класса от политического, трудового и т. п., т. е. известное богдановское требование автономии пролеткультов.

Субъективно-идеалистический характер эстетики Богданова, ее соприкосновение с реакционной эстетикой декаданса, — очевидны.¹⁷ В самом деле, при замене декадентского: «Я — бог

¹⁶ От редакции, «Пролетарская культура», 1918, № 3, стр. 36.

¹⁷ См.: Б. С. Мейлах, цит. соч., стр. 220—222 и далее.

единственного мира, Весь мир в одних моих очах,» — богдановским: мир есть «социально-организованный опыт», — изменялся предмет изображения (в первом случае — мир авторского «я», во втором случае — «коллективная психология» класса), но решение основного вопроса эстетики — вопроса об отношении искусства к действительности — оставалось неизменным и противостоящим реалистической литературе. Общим был, в сущности, и объект искусства — это мир психический, формирующий, якобы, внешний мир.

Вместе с тем, не следует забывать и другой стороны вопроса. Вытекающие из воззрений Богданова эстетические принципы имели и отличия от эстетики декаданса, а субъективно — и притом со всей искренностью — противопоставлялись декадансу. Такую субъективную сторону (которая влекла за собой ряд действительно важных особенностей) нельзя не учитывать. Как увидим ниже, это постоянно имел в виду и В. И. Ленин¹⁸. Не подлежит сомнению, что на эстетику, вытекающую из философии эмпириомонизма, наложили отпечаток и отмеченные В. И. Лениным во взглядах Богданова элементы исторического материализма, хотя и усвоенного весьма поверхностно.¹⁹ Так, Богданов стремился подчеркивать классовый характер искусства, активную роль передовых идей; в области этики он пытался обосновать неразрывную связь личности и класса и т. д. Однако эти элементы исторического материализма, сталкиваясь с субъективно-идеалистической гносеологией махизма, грубо извращались. «Партийность» превращалась в оценку творчества автора по его социальному происхождению, мысль об активной роли идей — в забвение их материального происхождения, личное полностью снималось во имя классового и т. д.

В итоге марксизм оказывался лишь субъективной целью авторов типа Богданова. Именно поэтому, однако, взгляды Богданова таили в себе дополнительную, специфическую опасность. Их в основном субъективное или только частичное соприкосновение с марксизмом выдавалось за последнее слово марксизма и именно так воспринималось многими начинающими деятелями советской культуры (при этом вульгаризаторский характер идей на первых порах в какой-то мере даже усиливал их внешнюю, кажущуюся «ультрареволюционность»). Отсюда — значительное распространение богдановских взглядов на искусство в годы гражданской войны. В эти годы почти полностью укладывались в рамки указанных воззрений критические взгляды даже такого выдающегося деятеля советской культуры, как В. И. Лебедев-Полянский, не говоря уже об А. Гастеве, П. Бессалько, Ф. Калинин и мн. др.

Правда, здесь сразу же следует оговорить, по меньшей мере, три существенных отличия деятельности указанных критиков от

¹⁸ См.: стр. 187—188 настоящей работы.

¹⁹ См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 316.

Богданова (даже при условии их сильной зависимости от общих принципов Богдановской эстетики) Во-первых, названные критики в годы гражданской войны стояли в *области политики*, как правило, на последовательно большевистских позициях, и это не могло не наложить отпечаток, по крайней мере, на их непосредственные литературные симпатии и антипатии и — шире — на их представления о роли искусства. Во-вторых, сам предмет исследования (не общие законы действительности, а конкретные факты истории литературы, прежде всего современной) также толкал к каким-то элементам историзма (вопреки теоретическим предпосылкам) Наконец, — и это имело, пожалуй, наибольшее значение — критики типа П. Бессалько и Ф. Калинина только начинали оформлять свои теоретические взгляды. Для них поэтому богдановская эстетика — их первая теория искусства — исторически могла быть в какой-то мере шагом к марксизму, в то время как для теоретиков типа А. Богданова, А. В. Луначарского и т. д. эмпириомонизм, «богостроительство» и т. п. были (и биографически, и в плане истории идеологии) шагом от марксизма, отступлением от уже завоеванного. То, что между двумя названными позициями есть весьма существенная разница, подчеркивалось еще в 1909 г. В. И. Лениным. В. И. Ленин указал на то, что богостроительский тезис: ««социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии».²⁰ Нет сомнения, что движение критиков Пролеткульта — движение первого типа, путь же самого Богданова — второго типа (разумеется, при замене «религии» субъективным идеализмом эмпириомонистической разновидности)

И, вместе с тем, при всем учете специфики позиции молодых критиков пролеткультовского толка, эмпириомонистическая эстетика накладывала сильнейший отпечаток на их воззрения и тормозила их развитие. Даже будучи для них первой теорией, субъективно связываемой с марксизмом и — в этом смысле — путем к марксизму, богдановская эстетика всегда была весьма непрямым, окольным путем к нему, мешала знакомству с подлинными образцами марксистской теории искусства и верному осмыслению их.

Всё сказанное легко подтверждается деятельностью таких, например, весьма активных критиков Пролеткульта, как П. Бессалько и Ф. Калинин. Работы этих талантливых критиков, отдавших силы и жизнь революции (оба они погибли от тифа в 1920 г.), до сих пор не были предметом детального и объективного анализа. К. Д. Муратова в своей интересной и чрезвычайно богатой материалами работе обильно цитирует сборник статей названных критиков — «О пролетарской культуре» Однако исследовательница не выделяет названных авторов из общей

²⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 378.

массы пролеткультовской критики, в которой видит только реакционные стороны. Справедливо отмечая, что «Пролеткульт занял <...> ложную позицию в понимании задач искусства и путей его развития»,²¹ К. Д. Муратова отрицает вообще наличие каких бы то ни было положительных сторон и у всей пролеткультовской критики, и у Бессалько и Калинина — в частности. Последние упоминаются только в связи с отрицанием классического наследия,²² вульгаризаторским истолкованием принципа партийности искусства,²³ с резким отмежеванием от непролетарских по происхождению художников²⁴ и т. п. Снимается даже мысль о какой бы то ни было полезности творчества обоих критиков. Всё положительное о них берется в кавычки.²⁵ Более историчен в оценке критиков и поэтов Пролеткульта Е. И. Наумов;²⁶ однако и в его работе имена П. Бессалько и Ф. Калинина упоминаются лишь в связи с их теоретическими ошибками.²⁷ И только в «Истории русской советской литературы» справедливо поставлен назревший вопрос о необходимости пересмотра взглядов на творчество указанных (и ряда других) пролеткультовских критиков: «В статьях Ф. Калинина, — читаем здесь, — поднимались важные вопросы литературы. В ряде случаев Ф. Калинин преодолевал неверные и сектантские взгляды, высказывая плодотворные мысли о путях развития нового искусства. Глубокой заинтересованностью в судьбах литературы отличаются статьи П. Бессалько, талантливого писателя, безвременного погибшего на фронте, где он работал редактором фронтовой газеты».²⁸

Действительно, становление советской критики невозможно понять без анализа деятельности П. Бессалько и Ф. Калинина. Критики, одними из первых вступившие в борьбу с послеоктябрьской антиреволюционной литературой, боровшиеся за социалистическое (хотя подчас примитивно истолковываемое) содержание формировавшейся литературы, давшие в годы гражданской войны первые оценки произведениям молодого искусства, не могут и не должны быть забыты! Настоящая статья, разумеется, ни по объему, ни по своей основной установке не претендует на сколько-нибудь детальное изложение воззрений названных критиков (равно как и на подчеркивание индивидуаль-

²¹ К. Д. Муратова, М. Горький в борьбе за развитие советской литературы, М.-Л., изд. АН СССР, 1958, стр. 69.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 78.

²⁴ Там же, стр. 79.

²⁵ Там же, стр. 69.

²⁶ См.: Е. И. Наумов, М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей, М., ГИХЛ, 1958, стр. 33.

²⁷ См. там же, стр. 34.

²⁸ Н. И. Дикушина, Литературные журналы 1917—1929 гг., в кн.: История русской советской литературы, т. I, 1917—1929 гг., М., изд. АН СССР, 1958, стр. 493.

ных особенностей деятельности каждого из них) Мы хотим лишь указать в общих чертах как на сильные, так и на слабые стороны их взглядов.

И П. Бессалько, и Ф. Калинин — боевые, революционно настроенные критики. Статьи их пронизаны пафосом классовой борьбы, активной полемикой с каутскианским оппортунизмом.²⁹ Именно отсюда идет их борьба с теориями «чистого искусства», которые рассматриваются исторически-конкретно как отражение реакционной буржуазной идеологии.³⁰ Литература, которую и П. Бессалько, и Ф. Калинин считают единственно прогрессивной и за победу которой борются, — это литература, пропагандирующая пролетарские идеалы, противостоящая как искусству антиреволюционного содержания, так и формализму с претензией на принятие Октября.³¹ В статьях названных критиков мы найдем и не утратившие по сей день интереса конкретные оценки творчества многих зачинателей советской литературы (особенно поэтов пролеткультовской ориентации: И. Садофьева, А. Маширова, В. Кириллова и др.) Более того: внимательное изучение практики молодой советской литературы сближает взгляды этих критиков (каждого по-своему) с определенными чертами реалистической эстетики. Таково, например, весьма любопытное рассуждение П. Бессалько о наблюдении объективной действительности как источнике и необходимом условии поэтического вдохновения: «Чтобы найти слова о мировой скорби, поэту нужно оставить «Бродячую собаку», вино и кокоток и пойти в хижину бедняков, где, действительно, скорбят; ему нужно спуститься в шахты, копи, где, действительно, страдают; ему надо посетить военные госпитали, где, воистину, мучаются. И тогда он без труда найдет звучные, убедительные слова, чтобы поведать нам о мировой скорби.»³² В этих словах потенциально заключена возможность преодоления и богдановских теорий «лабораторной» выработки новой культуры, и излюбленной мысли самого же Бессалько о том, что пролетарскую культуру могут создавать только пролетарии по происхождению (поскольку содержание искусства в приведенной цитате ставится в зависимость, прежде всего, от изучения жизни, познания ее законов). Столь же интересно и признание Ф. Калининным большой познавательной роли искусства: «Искусство обогащает нас огромным опытом, которого в практической жизни, во всем объеме и широте, даваемой изображением в литературе, человек может и не пережить».³³ Несмотря на следы эмпириомонистической терминологии (индивидуум через искусство обогащается «коллективным опытом» — мысль,

²⁹ См., например: П. Бессалько и Ф. Калинин, Проблемы пролетарской культуры, Пб., изд. «Атеней», 1919, стр. 78.

³⁰ Ф. Калинин, Путь пролетарской критики и «Поэзия рабочего удара» А. Гастева, там же, стр. 116.

³¹ П. Бессалько, О пролетарской культуре, там же, стр. 37—38.

³² Там же, стр. 29—30.

³³ Ф. Калинин, Вопросы пролетарской культуры, там же, стр. 41.

совместимая и с богдановским, субъективно-идеалистическим пониманием «опыта» как «коллективно-организованной» суммы идей), здесь легко прощупывается и совершенно иной источник подобных взглядов. — Это, бесспорно, — знаменитая диссертация Н. Г. Чернышевского. Наконец, очень важна и усвоенная Ф. Калининым мысль Белинского о специфике искусства: «Искусство есть по преимуществу образное мышление; оно не доказывает, а показывает и поэтому не может базироваться на логическом мышлении»,³⁴ — равно как и утверждение П. Бессалько о том, что цель литературной критики — найти не только социальные источники творчества того или иного автора, но и его «индивидуальные особенности, <...> самобытность, ни с чем не сравнимую оригинальность». ³⁵ В обоих случаях перед нами — явная попытка преодолеть «крайние», вульгаризаторские выводы из богдановской эстетики (отождествление различных форм общественного сознания) и психологии (игнорирование индивидуальных особенностей художественного дарования)

И тем более остро бросается в глаза, что основные теоретические, философские позиции, с которых талантливые критики П. Бессалько и Ф. Калинин атакуют буржуазное искусство, — как правило, не марксистские, а эмпириомонистические. Объективная действительность для обоих авторов (для Ф. Калинина — в большей мере, но и для П. Бессалько — тоже) — это совокупность ощущений: «Звуки, краски, температура, движение, время, пространство». ³⁶ Ощущения же связаны лишь с субъектом, считают они. Единственная реальность — не вне человека существующий мир, а лишь сам человек: «Человеческий коллектив — вот рай наш, от него и к нему исходит всё и возвращается.

Мы сами являемся творцами своей души. И мы сами из собственного мозга сделали себе подругу жизни — машину <...> Наш бог — мы сами, коллектив и коллективный труд, коллективный разум» ³⁷ Истина не объективна — она отражает лишь отношение разных классов к другим классам и к самим себе. Отсюда — характерное, весьма специфическое противопоставление материализма религиозному сознанию. Материализм и религия — это только разные точки зрения. Каждая из них обусловлена только тем, что дает представителям разных классов «результаты в преследовании <...> практических целей». ³⁸ Вопрос о том, что существует *научно верное* от-

³⁴ Ф. Калинин, Вопросы пролетарской культуры, стр. 45.

³⁵ П. Бессалько, Пролетарские поэты, там же, стр. 102. Представляется совершенно правильной мысль Н. И. Дикушиной о том, что эта статья П. Бессалько содержит полемику с рядом положений А. Богданова (См.: «История советской литературы», т. I, стр. 493).

³⁶ П. Бессалько, О пролетарской культуре, там же, стр. 27.

³⁷ Там же, стр. 22.

³⁸ Ф. Калинин, Путь пролетарской критики и «Поэзия рабочего удара» А. Гастева, там же, стр. 118.

ражение законов действительности (материализм) и *иллюзорная* система взглядов (религия), для обоих критиков попросту не существует.

Отсюда — глубокая противоречивость, а временами и явная (опять-таки в отмеченном выше относительном смысле) реакционность эстетических взглядов Калинина и Бессалько.

Борясь со всяческим проявлением оппортунизма, правильно определяя его как влияние буржуазной идеологии на отсталые слои пролетариата, оба критика видят чистоту пролетарской идеологии в простом, прямолинейном отрицании всей предшествующей теоретической мысли: «Пролетарская культура должна отвергать то, что буржуазная устанавливает. И никогда она не должна говорить «да» там, где говорит «да» буржуазная».³⁹ Эта прямолинейная и наивная «антибуржуазность» и приводила к богдановскому пониманию идеологий как замкнутых внутри себя систем, а отсюда — и к отрицанию классического наследия как памятника «буржуазного прошлого», к полному игнорированию «преемственной связи»,⁴⁰ а также каких бы то ни было связей с современной, принявшей революцию, но не пролетарской литературой: ««Пролетарские» и «крестьянские» поэты ни в коем случае «не могут ужиться в мире друг с другом».⁴¹ Аналогичным образом отрицается вообще возможность создания социалистической культуры не пролетарскими по происхождению писателями: «Мы исходим из того положения, что пролетарскую культуру создают сами рабочие, а не интеллигенты, случайно или не случайно дошедшие до идей пролетариата».⁴² И — ниже: поскольку искусство эмоционально, а эмоции во многом подсознательны, постольку «примыкающая к нам интеллигенция мыслить с нами, а если нужно — и за нас, может, чувствовать же — нет. Поскольку вопрос идет о логическом мышлении, интеллигент, внимательно изучающий жизнь и окружающие условия рабочего, может вполне мыслить за рабочего, < . > как это сделано Марксом и целым рядом других пролетарских идеологов. Но лишь дело касается переживаний, области чувств рабочего, — тут интеллигент бессилён, его проникновение ограничено».⁴³ Перед нами — характернейшее построение. — Стремясь отгородиться от крайностей вульгаризации в решении важнейшего для эстетики вопроса — вопроса о специфике художественных форм познания — и в то же время не подвергая сомнению исходные пункты богдановской гносеологии, Ф. Калинин впадает в новое противоречие. Он начинает искать обоснование специфики искусства не в наличии различных сторон в явлениях действительности и отсюда — в человеческой психике, а в единственной для эмпи-

³⁹ П. Бессалько, О пролетарской культуре, там же, стр. 8.

⁴⁰ Там же, стр. 10.

⁴¹ Там же, стр. 15.

⁴² Там же, стр. 32.

⁴³ Ф. Калинин, Вопросы пролетарской культуры, там же, стр. 46.

риомониста реальности — в психологии «коллектива». Это приводит Калинина к подчеркнутому противопоставлению логического и эмоционального (исчезает их единство, состоящее в направленности на познание мира!) и, в конечном счете, — к соприкосновению с тем самым интуитивизмом, резкой критике которого и Калинин, и Бессалько уделяют так много внимания.⁴⁴ Дело в том и заключалось, что, не преодолев гносеологических посылок эмпириомонизма, можно было либо критиковать интуитивизм с позиций вульгарного материализма (ср. утверждение того же Ф. Калинина, что творчество по вдохновению «постепенно отходит в область преданий», сменяясь пролетарской сознательностью,⁴⁵ либо, отталкиваясь от вульгаризации, сближаться с тем же интуитивизмом.

Всемерное ограничение понятия «пролетарская культура» сочеталось у обоих авторов с идеалистическим, эмпириомонистическим истолкованием этого понятия. Идеология (что для них равнозначно культуре) — это не отражение законов действительности, а создание их из комплекса бесформенных ощущений, которые «художник из стихийного, хаотического состояния может обработать в сознательное, организованное».⁴⁶ В этом случае естественно полное забвение своих собственных мыслей о познавательном значении искусства, о материальном происхождении идей, и всемерное акцентирование только другой стороны вопроса — об активной, организующей роли идеологии, о целенаправленности идей, обгоняющих реальный ход событий и формирующих эти события: «Вопрос и ответ, какая поэзия должна главенствовать, — вопрос не праздный, ибо тут дело идет не только о поэтических образах и литературных формах, а касается того, какова должна быть Россия. < . > Каждый поэт должен на свою поэзию смотреть, как на средство организации народной жизни. И мы смело утверждаем, что народная жизнь и народное сознание в большой степени будет зависеть от того, какая из этих двух поэзий (пролетарская или «крестьянская» — З. М.) займет первое место в русской литературе».⁴⁷

В этом высказывании легко заметить обычные для пролеткультовской критики два противоречащих друг другу плана. С одной стороны, здесь хорошо видна искренняя революционность, горячее стремление бороться с эстетикой «чистого искусства» — за искусство идейное, социалистическое, с оппортунистическим принижением активной роли сознания — за большевистское подчеркивание значения принципов сознательности и организованности. Ф. Калинин утверждает, что «без активного

⁴⁴ См. Ф. Калинин, Вопросы пролетарской культуры, стр. 45, 116—117 и др.

⁴⁵ Там же, стр. 117.

⁴⁶ П. Бессалько, О пролетарской культуре, там же, стр. 22.

⁴⁷ Там же, стр. 23.

и сознательного вмешательства в практический процесс формирования нового строя пролетариат двигался бы к своему идеалу слишком медленно»,⁴⁸ — и как одну из таких сил «активного и сознательного вмешательства» в жизнь он справедливо рассматривает литературу. Но все эти мысли у Бессалько и Калинина носят и эмпириомонистическую окраску. Вопросы переделки действительности полностью оторваны от вопросов познания. Если для Ленина только правильное познание законов действительности является предпосылкой для ее целенаправленной переделки, то для Богданова, Калинина и Бессалько, по существу, все идеи равно-релятивны, и вопрос о победе той или иной идеологии связывается исключительно с представлением о силе активности, организованности и т. д. Вопрос об активной роли идей приобретает волюнтаристскую окраску и превращается (как в приведенном выше высказывании Бессалько) в мысль о первичности идей, в положение об идеях как силе, формирующей мир.

Точно так же легко прощупывается влияние Богданова и в решении других эстетических проблем, в частности — проблемы формы и содержания. Форма объявляется механически, сама собой вытекающей из содержания,⁴⁹ и вопросы изучения эстетической специфики искусства тем самым объективно снимаются (что приходит в противоречие с приведенными выше словами самого Бессалько). Как видим, именно теоретическая связь с эмпириомонизмом постоянно мешала этим талантливым критикам-большевикам создавать новую эстетику, действительно, а не только по субъективным устремлениям противостоящую буржуазной.

Прямое и непосредственное отрицательное влияние оказала богдановская философия в ее вульгаризаторской разновидности и на литературоведческую методологию — прежде всего, на переверзанство с его представлением об искусстве как выражении только мировоззрения автора, а не преломленной сквозь призму этого мировоззрения объективной действительности (Холстомер — не конь, а «переодетый» «крупнопоместный» дворянин). Тесно соприкасался с выводами эмпириомонистической эстетики и вульгарный социологизм в литературоведении. Если богдановская философия основывалась на полном сведении объективного мира к миру субъекта, то вульгарный социологизм без остатка растворял субъективные стороны исторического процесса (психологию вообще, индивидуальную психологию — в частности) в объективных социальных закономерностях. В обоих случаях уничтожалась, снималась сложная диалектика объективного и субъективного, социального и идеологического. Отсюда — общность ряда существенных эстетических выводов. Оба направле-

⁴⁸ Ф. Калинин, Вопросы пролетарской культуры, там же, стр. 73.

⁴⁹ См. там же, стр. 12—13.

ния объединяло понимание идеологий как замкнутых циклов, определение социальной природы творчества происхождением писателя, принижение или игнорирование эстетической специфики искусства и т. д. Впрочем, в последнем случае влияния вульгарного социологизма и эмпириомонизма были обоюдными.

Наконец, говоря о сферах отрицательного влияния эмпириомонистических идей на эстетические воззрения первых деятелей советской культуры, необходимо вспомнить и о рефлексах «богостроительских» взглядов. Постоянно подчеркивавшаяся В. И. Лениным мысль о философском единстве эмпириомонизма и «богостроительства» в дальнейшем неоднократно повторялась историками советской литературы. Однако если вопрос о том, как именно философски связаны эмпириомонизм и «богостроительство», решался советским литературоведением, то вопрос об их конкретных отличиях оставался открытым. Связь справедливо усматривается в том, что в обоих случаях «физическая природа оказывается производной» и что, следовательно, «существует нечто вне природы, нечто производящее».⁵⁰ Вместе с тем, нельзя не видеть, что из общих философских посылок последователи эмпириомонизма и «богостроительства» могли делать выводы, в политической, эстетической и др. областях расходящиеся довольно сильно. Эмпириомонизм с его формулой: «мир — классово-организованный опыт» — постоянно разгораживал отдельные идеологии. В политике он выражался первоначально в «отзовизме», а затем мог выступать как обоснование различного рода волюнтаристских «левых» уклонов. «Богостроительская» же формула: «мир есть организованный опыт человечества», — вела к стиранию граней между различными идеологиями и заключала в себе возможность сближения с теми или иными формами оппортунизма, отрицания революции во имя культурнической работы и т. д. Разумеется, идеологическая природа эмпириомонизма и «богостроительства» общая, как и вообще у различных «левых» и «правых» тенденций. Однако не следует стирать и различий — особенно в области эстетики, поскольку здесь мы имеем дело с разными отклонениями от марксизма. Так, для «богостроительства» не были характерны отрицание роли наследия, кастовое определение понятия «пролетарская культура» происхождением автора, вульгаризаторские оценки творчества современных не пролетарских, но принявших революцию писателей и т. д., и т. п. Зато оно таило в себе другие опасности: идеалистический взгляд на культуру как двигатель истории, боязнь классовой борьбы, элементы абстрактного гуманизма в этике и стирание граней между новым искусством и его предшественниками. Особенно типичны в этом отношении позиция М. Горького в конце 1917 г. и ошибки А. В. Луначарского 1917—1919 гг.

⁵⁰ См. Б. С. Мейлах, цит. соч., стр. 259.

Оба писателя в какой-то период, испуганные неизбежной суровостью классовой борьбы, «наклоняются» (по словам В. И. Ленина) от марксизма к демократизму, к абстрактному гуманизму. В области теории при этом и у Луначарского и в меньшей степени — у Горького появляются рецидивы «богостроительских» представлений. Так, А. М. Горький оперирует в дни революции представлением об истории как о едином потоке духовного развития *«всемирной народной души»*.⁵¹ Отсюда естественны и недопонимание Горьким тех дней классового характера искусства, и такие его общеизвестные ошибки, как, например, защита кадетской газеты «Речь» — органа, по мнению Горького, «культурных людей».⁵² Отсюда же — характерное для «Несвоевременных мыслей» преувеличение роли идей, в частности — искусства, и стремление подменить классовую борьбу культурнической деятельностью.

Еще заметнее именно «богостроительские» основы ошибок Луначарского. В предисловии к драме «Маги» (1919) мы находим типично идеалистическое представление об искусстве.

Искусство, считает автор «Магов», не отображает объективной действительности. Не отрицая в принципе возможности познания мира, Луначарский отводит его на долю науки; искусство же имеет право «выдвигать любую гипотезу»,⁵³ и *ценность ее не зависит от ее истинности*. Задача искусства — иная, воспитательная, это — «безграничное расширение мира человеческих ощущений».⁵⁴ В частности, искусство имеет особую функцию — оно дает возможность «забыться и уйти в царство чистых образов и чистых идей»,⁵⁵ в мир «сладкого и глубокого отдыха».⁵⁶ Искусство вправе изображать не сущее, а «утешительное и желанное».⁵⁷

Подобная точка зрения является ярким доказательством того, что эмпириомонистические посылки легко приводят к выводу, весьма близким к реакционной декадентской эстетике.

От принижения познавательной функции искусства — только шаг до мыслей об искусстве как «возвышающем обмане». Прав-

⁵¹ А. Сергеев, Горький в Таврическом дворце, «Правда», 1920, 1 мая. Цит. по книге: Е. И. Наумов, М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей, М., ГИХЛ, 1958, стр. 20. Отзвуки «богостроительства» слышны и в горьковских словах о том, что «мир создан не словом, а деянием» («Новая жизнь», 1917, 18 апреля). Если для позднего Горького подобное выражение — метафора, образно подчеркивающая материалистическую мысль о роли труда и социальной активности, то в 1917 г. дело обстоит иначе. Горький действительно считал «деяние», *человеческую практику*, единственной реальностью.

⁵² «Новая жизнь», 1917, 6 декабря.

⁵³ А. Луначарский, «Маги», Предисловие М.,—Пг., Госиздательство, 1918, стр. III.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. I.

⁵⁶ Там же, стр. II.

⁵⁷ Там же.

да, в других статьях Луначарского периода гражданской войны эти ошибочные положения не были столь ярко выражены, однако отзвуки их слышались нередко. Так, А. Луначарский считает искусство символическим отображением общих идей, за которыми опять-таки стоит не реальная, а «психологическая действительность». «поэтические сны».⁵⁸ В результате подлинно и законченно социалистическим искусством оказывается абстрактное творчество пролеткультовцев; изображение быта третируется как «зарывание» в мелочи.⁵⁹

Со сказанным связано и отношение Луначарского в послеоктябрьский период к культурному наследию. Заслуги его в борьбе с футуристическим и пролеткультовским нигилистическим отношением к культуре прошлого общеизвестны. Луначарский резко выступает против узко биографического подхода к понятию «пролетарский художник», активно борется за привлечение кадров художественной интеллигенции к сотрудничеству с советской властью.

Проходящая через большинство статей Луначарского этих лет мысль о том, что «все ценное в произведениях веков и народов является неотъемлемым содержанием сокровищницы общечеловеческой культуры»⁶⁰ и должно быть передано пролетариату, позволяла осуществлять ленинскую культурную политику и была весьма плодотворной для развития молодой советской литературы. Но именно отмеченные выше философские заблуждения приводили его подчас, как и в дооктябрьский период, к другой крайности — определенной художественной «всеядности». Особенно это относится к различным «левым» течениям в искусстве: футуризму, немецкому экспрессионизму и т. д. Справедливо отмечая субъективно-революционные настроения большинства представителей этих направлений, Луначарский не может показать, в чем их ограниченность, ибо не оценивает образы искусства (при любой степени их гиперболичности, символичности и т. п.) как верное или искаженное отражение явлений и закономерностей действительности. Отсюда и такие тактические промахи Луначарского, как, например, поддержка (первоначально) тезиса об автономии пролеткультов и т. д.⁶¹ И для Горького, и для Луначарского потребовалось поэтому не только приобщение к великой практике социалистического строительства, но, в то же время, и полный отказ от идеалистических представлений махизма. Без этого оба замечательных деятеля советской культуры не смогли бы вернуться на позиции материалистической эстетики и к искусству социалистического реализма.

⁵⁸ А. Луначарский, Предисловие, в кн.: П. Бессалько, Алмазы Востока, Пг., Изд. Петроградск. С. Р. и К. Д., 1919, стр. 7.

⁵⁹ Там же, стр. 6.

⁶⁰ А. Луначарский, Пролетариат и искусство, «Пролетарская культура», 1918, № 2, стр. 23.

⁶¹ См.: От редакции, «Пролетарская культура», 1918, № 3, стр. 35.

Как видим, идеалистическая философия Богданова в годы гражданской войны продолжала еще оставаться серьезной опасностью для формирующейся советской эстетики: именно с ее влияниями были связаны различные отклонения от марксистских взглядов на искусство как вульгаризаторского, так и абстрактно-демократического толка. При этом воззрения Богданова оказывали наибольшее влияние именно на многих субъективно преданных марксизму теоретиков, и в этом была их особая опасность.

Несколько слов о влиянии богдановских построений на художественную литературу периода гражданской войны. Говоря об этом, следует, разумеется, постоянно иметь в виду, что художественная практика никогда не совпадает полностью даже с эстетикой, прямо обобщающей ее опыт, поскольку конкретно-образное содержание искусства всегда имеет свою специфику. В частности, произведения даже наиболее «правоверных» пролеткультовцев в силу самого характера искусства были конкретней их собственного эстетического *credo* и включали элементы живых наблюдений над действительностью. Ряд авторов (например, А. Маширов-Самобытник) вообще был связан с Пролеткультом скорее организационно, чем по принципам своего творчества. Наконец, следует учесть и еще одно важное обстоятельство. Многие особенности пролеткультовской поэзии, впоследствии преодоленные или нуждающиеся в преодолении, в начале революции были неизбежным этапом в развитии советской литературы вообще. Это — стремление выявить прежде всего отношение писателя к революции, «субъективное ее осмысление, эмоциональное ее восприятие», что вело к преобладанию только лирических жанров,⁶² и, с другой стороны, — стремление отобразить только общие закономерности, проявляющиеся в революции, вне конкретных форм их проявления, а отсюда, в частности, и «невнимание к конкретному человеку».⁶³ В этом случае ошибочность пролеткультовских установок состояла в том, что эти черты времени провозглашались основным и неизменным качеством истинно пролетарской поэзии. Вместе с тем, в ряде случаев легко увидеть, что творчество поэтов-пролеткультовцев прямо развивалось по канонам пролеткультовской эстетики, и в этом случае теории Богданова играли открыто тормозящую роль.

Поэзия пролеткультовцев была боевой, революционной поэзией (об этом нельзя забывать, говоря о ее ограниченности!). Прославление революции, пролетариата, разоблачение капитализма и уверенность в победе над ним — таковы, как известно, основные темы произведений Вл. Кириллова, М. Герасимова, А. Гастева, И. Садофьева, И. Ионова и мн. др.

Однако это прославление революции подчас принимало специфические формы (кроме отмеченных выше и общих для

⁶² Л. И. Тимофеев, Введение, в кн.: История русской советской литературы, т. 1, стр. 17.

всей молодой литературы). Самой главной особенностью, закономерно вытекавшей из эмпириомонистического восприятия, было рассмотрение всей действительности как мира только социального, как мира пролетариата. Формула Вл. Кириллова: «всё — Мы, во всем — Мы»,⁶⁴ — была не просто метафорическим отображением мощи рабочего класса, но и терминологически точно передавала мысль Богданова о том, что для нового человека «мир есть организованный опыт пролетариата». Поэтому главной (у ряда авторов — единственной) темой пролеткультовской поэзии становилось изображение только психологических качеств и свойств пролетариата, а не его реального быта, действий и т. п. Применительно к стихотворениям о коллективизме связь с богдановской философией не нуждается в доказательстве. Сложнее, на первый взгляд, обстоит дело в стихотворениях, прославляющих труд. Здесь как будто бы налицо объекты: орудия и продукты труда, процесс преобразования природы и т. д. Нет сомнения, что многие поэты (здесь опять, в первую очередь, должен быть назван А. Маширов) действительно стремились показать реальный труд пролетария, занимающий в его жизни столь важное место, а потому достойный занять его и в искусстве. Однако под влиянием всё тех же представлений труд чаще всего превращался опять-таки в символ тех или иных качеств пролетариата. Возьмем к примеру известные «Стихи о железе» М. Герасимова. По существу, здесь нет и следа показа реального труда. Железо — это символ пролетариата, с разными сторонами его психологии. Это — прошлые страдания класса («стоны, кандальные звоны»), мечты о мести угнетателям («зовы, звеняще-грозовые»), глубокая гуманность («нежность», «в шлифованном — светит любовь») и т. д., и т. п. Последняя строфа стихотворения прямо раскрывает «железо» как метафору:

Железную ратью
Вперед, мои братья,
Под огненным стягом труда!⁶⁵

В сущности, «Стихи о железе» говорят о том же «железе», что и «Железный Мессия» Вл. Кириллова. В обоих случаях всё в мире — только пролетариат. Аналогичным образом и для Гастева гудки — это только «утренний гимн единства» и т. д.

Это сведение объекта к субъекту приводит к тому, что вообще весь внешний мир попадает в пролеткультовскую поэзию лишь как символ внутренних качеств пролетариата. Таково, в частности, и изображение природы. Вот картина утра:

Дымился сумрак, вставляли зори,
Лучем парчевым задернут склон.

⁶³ Л. И. Тимофеев, ук. соч., стр. 21.

⁶⁴ Вл. Кириллов, Мы, «Грядущее», 1918, № 2, стр. 4.

⁶⁵ М. Герасимов, Стихи о железе, «Пролетарская культура», 1918, № 4, стр. 30.

Вдыхали сосны, шумело море —
Вдали маячил чуткий звон...

Склоняясь низко, утесы спали,
На них кончался небосвод,
А дали робко трепетали —
Пророча солнечный восход.⁶⁶

Бесспорно, смысл стихотворения — символичен. Это — ожидание революции, а не просто изображение восхода солнца. Подобный подход к миру и явился основой для невольных сближений пролеткультовской поэзии и символизма (от которого все пролеткультовцы, — кроме М. Герасимова, — постоянно отталивались)

Другая характерная черта поэзии, связанной с пролеткультовскими теориями, — растворение конкретного в абстрактном (т. е. опять-таки — явлений в качествах) Перед поэтами, очевидцами великих событий, проходила яркая и многообразная жизнь, которой они не могли не видеть. Но, верные пролеткультовским догмам, они считали, что конкретное, индивидуальное несущественно. Поэзия должна не просто найти в конкретном его общий смысл, но отразить только этот общий смысл события, полностью абстрагироваться от конкретных, жизненно — реальных признаков данного события или героя. В результате жизнь у авторов этого направления отображалась только в «очищенном» от ее реальных проявлений виде.

Любопытный пример. Как известно, в конце 1917 года в Петрограде имели место спровоцированные кадетами разгромы винных погребов.⁶⁷ Откликнулся на это событие и журнал «Грядущее». В рассказе А. Поморского «Тени» рисуется озверевший Человек, потерявший человеческий облик от опьянения и жадности; Смерть, радостно хохоча, топит Человека в вине, а Свобода горько рыдает.⁶⁸ В подобном символическом изображении борьбы Свободы и Смерти за Человека пропадает вся жизненная конкретность изображаемого, да и оценка событий становится весьма неопределенной. Точно так же абстрактно изображено и такое важнейшее событие периода гражданской войны, как борьба за хлеб для голодающих пролетариев. В стихотворении в прозе А. Гастева «Манифестация» это событие преобразовано до неузнаваемости и лишено малейших признаков жизненной реальности.⁶⁹

Последняя особенность пролетарской поэзии раньше всего стала тормозить ее движение вперед. Искусство подобного рода, утрачивая живые связи с современностью, утрачивало и важнейшую функцию «учебника жизни». «Очищенное» от конкрет-

⁶⁶ А. Поморский, Рассвет, «Грядущее», 1918, № 1, стр. 3.

⁶⁷ См., например, Дж. Рид, Десять дней, которые потрясли мир, М., Госполитиздат, 1957, стр. 225, 319 и др.

⁶⁸ А. Поморский, Тени, «Грядущее», 1918, № 2, стр. 7.

⁶⁹ См.: А. Гастев, Манифестация, «Грядущее», 1918, № 9.

ных явлений, от «подробностей жизни», изображение действительности в лучшем случае просто иллюстрировало основные положения марксизма о классовой борьбе, о неизбежности победы пролетариата и т. д., добытые уже прежде путем научного анализа. Дать ключ к творческому осмыслению с марксистских позиций событий и процессов сегодняшнего дня оно не могло, а именно этого, как увидим, требовал от литературы В. И. Ленин. Более того, теряя связи с действительностью, пролеткультовские поэты не имели критерия для отличения правильных теоретических положений от ложных: отсюда и их путание марксизма и богдановских теорий, и, впоследствии, неумение разобраться в ведущих тенденциях жизни периода нэпа. Наконец, подобное абстрактное изображение действительности могло только на первых порах успешно выполнять ту основную функцию, на которую рассчитывали авторы, — функцию социально-воспитательную. Пламенные призывы и лозунги, связанные, однако, не с конкретными задачами дня, а лишь с общими перспективами революции (даже при условии правильного понимания этих перспектив), поневоле повторяли друг друга и утрачивали силу воздействия на читателя. Поэтому, несмотря на искреннее желание служить революции, даже самые талантливые поэт-пролеткультовцы не могли создать подлинно и последовательно революционного искусства. Последнее могло быть только реалистическим, основанным на внимательном изучении действительности.

Совершенно очевидно, что партия не могла пройти мимо теорий, которые тормозили развитие как советской литературы, так и марксистской эстетики. Уже со второй половины 1918 года начинается критика партийной прессой позиции, занятой руководителями Пролеткульта. Первоначально — это критика их тактики, упорного стремления отгородить Пролеткульт от советских и партийных органов. Так, 13 августа 1918 года в «Известиях В.Ц.И.К.» была помещена под заголовком «Пролеткульт» беседа корреспондента газеты с заведующим Московским Отделом народного образования. Заведующий МОНО предлагал слить пролеткульты с органами народного образования. Надо сказать, что уже в этих спорах об *организационной структуре* отразилось и разное отношение к *существованию* деятельности Пролеткульта. С одной стороны (А. Богданов, В. Полянский и др.) было налицо стремление отгородиться от реальной политики, от конкретных задач дня,⁷⁰ с другой — стремление приблизиться к этим задачам. Однако необходимо было дать развернутую теоретическую критику эстетики Пролеткульта, ее философских основ. Это мы находим в работах В. И. Ленина.

Внимательный взгляд на высказывания В. И. Ленина о литературе в годы гражданской войны позволяет отметить, что поч-

⁷⁰ См.: «Пролетарская культура», 1918, № 3, стр. 35.

ти все эти высказывания имеют прямое или косвенное отношение к критике пролеткультовско-богдановской эстетики. Происходило это, как мы уже указывали, потому, что именно такие воззрения, субъективно-революционные, могли влиять на развитие советской литературы значительно сильнее, чем открыто враждебные, классовая сущность которых была очевидна.

В работах, речах и письмах В. И. Ленина этих лет постоянно проводится мысль о необходимости внимательного изучения конкретных явлений и процессов окружающей жизни. В статье «О характере наших газет» (1918) читаем: «Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы, политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни — фактам и фактам на этот счет».⁷¹ В приведенном высказывании особенно любопытно противопоставление двух рядов явлений. На одном полюсе — изображение уже известного, основных закономерностей политической борьбы, — и эта иллюстрация уже известного сводится к общим положениям, к «трескотне». На другом полюсе — интерес к экономике («побольше экономики»)⁷², но «не в смысле общих рассуждений», а «в смысле собирания, тщательной проверки и изучения фактов».⁷³ Интерес к объективной действительности (экономике), притом к ее конкретным фактам, дает возможность собрать материал о «строительстве новой жизни» и тем самым — понять закономерности сегодняшней истории. Ср. в другом месте: «Главная задача — показать конкретно, фактами, как именно сделала Советская власть определенные шаги (первые) к социализму».⁷⁴ Далее В. И. Ленин указывает, что только глубокое и конкретное знание сегодняшней жизни, как в ее положительных («Каковы именно <...> успехи?»)⁷⁵, так и в ее отрицательных («Деловая, беспощадная, истинно-революционная борьба с конкретными носителями зла»)⁷⁶ сторонах помогает действительно, а не на словах только, «осуществить воспитание масс на живых, конкретных примерах».⁷⁷ Разумеется, не следует забывать, что слова В. И. Ленина относятся не собственно к художественной литературе, а к партийной прессе. Как известно, В. И. Ленин глубоко понимал специфику искусства и никогда не сводил его значение только к очерку или агитационной (даже вполне конкретной) поэзии (ср. мысль Ленина о слабых сторонах поэзии Д. Бедного). Однако слова Ленина недвусмысленно говорят о необходимости для искусства интереса к объективному миру в его живых проявлениях.

⁷¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 78. Аналогичные мысли см. в письме к Ольминскому, т. 36, стр. 53.

⁷² Там же, стр. 79.

⁷³ Там же. Курсив В. И. Ленина, разрядка моя. — З. М.

⁷⁴ Там же, т. 35, стр. 294.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, стр. 80.

⁷⁷ Там же, стр. 80.

ях. Без этого литература не может ни познавать мир, ни, следовательно, воспитывать.

Не менее интересна и статья «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» (1918) На связь ее с критикой Пролеткульта уже указывалось в исследовательской литературе⁷⁸. Интересно, что богдановские теории «лабораторной» выработки новых идей и «разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей» Ленин сближает здесь с домарксовским утопическим социализмом. Этим одновременно подчеркиваются две стороны вопроса: и прямая вредность богдановских теорий в период диктатуры пролетариата, и их вредность именно относительно к пролетарской идеологии. Богдановским построениям противопоставлено то отношение к жизни, которое нашло отражение в книге А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом».⁷⁹

А. Тодорский не был профессиональным художником. Он партийный работник в провинции, позже — активный участник гражданской войны, командир Красной армии. И его книга интересна именно как памятник массовой советской литературы.

Книга Тодорского (переизданная в 1958 году издательством «Советская Россия») была одним из тех первых произведений молодой литературы, которые противостояли и буржуазному, и субъективно-пролетарскому, пролеткультовскому искусству. В книге А. Тодорского центральное место отводилось именно точному и детальному изображению пооктябрьской Руси, одному из конкретных участков социалистического строительства. Поэтому если на страницах «Горна», «Грядущего» и др. журналов пролеткультовского толка постоянно воспеваются, в сущности, одни и те же свойства пролетария (коллективизм, оптимизм, героизм, любовь к труду), то у Тодорского мы находим живые портреты реальных весьегонских коммунистов: Степанова, Мокина и др. Если пролеткультовцы говорят лишь в общих чертах о том, что мы:

На железе и граните
Разобьем цветущий сад⁸⁰

и что —

Свободны будут поколения
От тирании палачей⁸¹,

⁷⁸ См. К. Д. Муратова, цит. соч., стр. 71.

⁷⁹ А. Тодорский, Год — с винтовкой и плугом, Весьегонск, 1918. Подробнее об этом произведении и о других произведениях А. Тодорского см. в нашей статье «А. Тодорский как писатель», в сб.: Труды по русской и славянской филологии, т. 2, Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 78, Тарту, 1959.

⁸⁰ Аксень-Ачкасов (И. Садофьев), Мы идем, «Грядущее», 1918, № 1, стр. 2.

⁸¹ П. Арский, Тиранам, там же, 1918, № 5, стр. 1.

то А. Тодорский посвящает свою книгу тому, как именно, какими способами всеягонские большевики ведут борьбу с буржуазией за торжество социализма. В результате, если перевести поэтическую символику пролеткультовского искусства на язык выводов, то перед нами, в тех случаях, где нет влияния чисто богдановских идей, окажутся общие марксистские положения, уже давно вошедшие в сознание масс. Книги же типа «Года — с винтовкой и плугом» обогащали представление читателя о действительности, вели его к творческим размышлениям над смыслом происходящих событий. Не случайно В. И. Ленин использовал материалы книги Тодорского и как источник объективной информации, и как основу для своих новых выводов о разнообразных формах экспроприации буржуазии, о том, как «некоммунистическими руками строить коммунизм».⁸²

В итоге книги типа «Год — с винтовкой и плугом» в реалистическом духе решали вопрос о соотношении познавательной и социально-активной стороны искусства. Более того: находящаяся на грани художественного и научного очерка книга Тодорского вплотную подводила к реалистическому решению вопроса о соотношении искусства и жизни, поскольку видела источник эстетического в объективных и конкретных явлениях окружающего.

Близкие мысли развивает В. И. Ленин и в известном письме М. Горькому от 31. VII. 1919 года. Если бы речь шла только о преодолении эмпиричности Горького, то естественен был бы, прежде всего, совет углубленного теоретического роста. Однако центральная мысль письма В. И. Ленина несколько иная. Для того, чтобы прийти к правильным, марксистским выводам о сущности революции, необходимо, в первую очередь, видеть конкретные факты революционной жизни, «как художнику, наблюдать, как строят жизнь по-новому», а не задаваться а priori предвзятыми мнениями.

Как видим, во всех приведенных документах господствует мысль о вредности для литературы абстрактных, внеисторических построений «вообще», о необходимости выводить закономерности из конкретного жизненного материала. Но последний подход мог осуществляться лишь с позиций материалистического признания объективности и конкретности истины. Богдановская же формула приравнивания мира к субъекту, растворения социального в психологическом вела к отказу от познания действительности (в частности — и от художественного познания) и противоречила насущным нуждам революции.

В этой обстановке переиздание «Материализма и эмпириокритицизма» приобретало совершенно особый, весьма актуальный смысл. Не давая непосредственного анализа эстетических взглядов Богданова, книга Ленина критиковала философские основы его воззрений, показывала идеалистические, реакцион-

⁸² См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 259—261.

ные корни богдановской гносеологии. Эмпириомонизм — мало-существенная разновидность махизма — «идет к идеализму всё более определенно»,⁸³ — этот вывод В. И. Ленина давал ключ к оценке теорий «пролетарской культуры».

Вывод этот был тем более существован, что ленинское прозрение за десятилетие полностью оправдалось, и теперь, как мы видели, субъективно-идеалистическая природа эмпириомонизма выявилась с полнейшей очевидностью.

Особенно важными для развития советской эстетики и критики были главы, говорящие об объективности истины, о соотношении абсолютной и относительной истины. Как справедливо указывает Б. С. Мейлах, все эти положения, примененные к области эстетики, приводили к выводу о том, что «не иррациональная «воля художника», не его изошренное умение воспроизводить в искусстве субъективистские «комплексы ощущений» и не «интуитивное прозрение в небытие», а сама жизнь является содержанием художественное творчества и определяет его принципы».⁸⁴ Отсюда следовали те выводы о необходимости внимания к живой действительности и о познавательной функции искусства как определяющей его социально-воспитательную роль, которые содержались в работах Ленина послеоктябрьского периода. Все эти выводы закономерно, в условиях полемики о пролеткультках, направлялись против их теории и художественной практики.

Развитие Лениным учения о диалектике относительной и абсолютной истины, перенесенного в сферу истории культуры, давало и реалистическое решение вопроса о традиции и новаторстве. Оно позволяло истолковать молодую пролетарскую литературу как новый шаг к познанию объективной истины средствами искусства. Вместе с тем, этот новый шаг оказывался именно дальнейшим развитием тех элементов объективной истины, которые содержались в художественном методе предшествующих литератур; отсюда объяснима и роль традиции.

Сказанным объяснялось и качественное различие в понимании В. И. Лениным и А. Богдановым принципа партийности идеологии (эстетики и искусства — в частности). Выше мы видели, что эмпириомонизм давал возможность двоякого решения этого вопроса. Он приводил, с одной стороны, к представлению о том, что всякая идеология полностью «классова» — в смысле отражения в ней только ко прагматически толкуемой «выгоды» для того или иного класса. В этом случае (пролеткультовская критика) из понятия «партийности» изымался такой центральный фактор, как вопрос об *истинности* той или иной системы воззрений. С другой стороны, эмпириомонизм мог вообще снижать (если не стирать полностью) понятие партийности, заменяя его представлением о поступательном развитии идей единого субъекта — человечества (Луначарский). В первом случае в

⁸³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 342.

⁸⁴ Б. С. Мейлах, ук. соч., стр. 229.

эмпириомонизме выделялись черты вульгаризаторства, во втором — внеисторизма и абстрактности. Оба вывода были в равной мере опасными. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» неопровержимо доказал, что современная идеология «так же партийна, как и две тысячи лет тому назад», что за множеством борющихся сил всегда необходимо различать две линии и что линии эти отражают «тенденции и идеологию враждебных классов».⁸⁵ Вместе с тем, *речь у Ленина отнюдь не идет о двух равнозначных в своей «классовой» релятивности идеологиях.* Говоря о борьбе материализма и идеализма, В. И. Ленин имел в виду не только то, что одна из этих философий служит интересам угнетенных, а другая оправдывает угнетение. Постоянное подчеркивание научной обоснованности выводов материализма, с одной стороны, и полной научной несостоятельности идеализма — «рафинированной формы фидеизма»⁸⁶, — с другой, позволяет В. И. Ленину утверждать, что партийность идеологии постоянно предполагает борьбу передовых идеологий, рисующих объективно верную картину действительности, и реакционных — искажающих действительность, создающих иллюзии о ней. Такое, единственно верное, истолкование принципов партийности идеологии давало ключ правильного подхода к искусству прошлого и настоящего, позволяло отделять «друзей» от «врагов» без вульгаризации или, наоборот, «всеядности». Эта же мысль, примененная к теории искусства, давала прямое основание считать предшественницей марксистской эстетики именно материалистическую эстетику XIX в., которая обобщала опыт реалистического искусства с его объективно верным представлением о социальной среде как начале, формирующем человеческую личность. Преемственность по отношению к материалистической эстетике XIX в. подчеркивается, как справедливо указал Б. С. Мейлах, ссылкой на диссертацию Чернышевского.⁸⁷

С другой стороны, эстетика Богданова, исходящая из представления о классовой психологии как первичном, разоблачается как опирающаяся на иллюзорные посылки идеализма.

Критика В. И. Лениным исторических концепций эмпириокритиков разоблачает антиисторический характер подобных взглядов, стремление подменить конкретное, социально-историческое — абстрактным и биологическим. Растворение конкретного в абстрактном, социального в психологии не содержит в себе «ни грана марксизма»⁸⁸ Оно уводит от марксизма назад, к общедемократическим построениям (Михай-

⁸⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 343.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, стр. 346; подробнее об отношении Ленина к Чернышевскому в «Материализме и эмпириокритицизме» см.: Б. С. Мейлах, ук. соч., стр. 279—287.

⁸⁸ Там же, стр. 312. Курсив В. И. Ленина.

ловский)⁸⁹. Все эти положения — с учетом, разумеется, специфики искусства — в конце периода гражданской войны были ключом к критике абстрактности пролеткультовского искусства, писавшего не о живых людях сегодняшнего дня, а о качествах и свойствах «Железного Мессии» — пролетариата вообще. Столь же существенной для осознания слабых сторон пролеткультовского творчества была и мысль о том, что эмпириокритический подход к действительности, отказ от «конкретного <...> исследования», может привести лишь «к сочинению дефиниций» и к «попыткам подогнать» их «под готовые выводы марксизма».⁹⁰ Последняя мысль явно перекликается с утверждением Ленина о том, что отказ литературы от анализа конкретных фактов ведет к повторению уже известных истин («О характере наших газет»).

Не меньшее влияние на теорию и практику пролеткультовцев оказывало и разоблаченное В. И. Лениным богдановское представление о том, что «общественное бытие и общественное сознание тождественны». Резко критикуя это идеалистическое положение, В. И. Ленин пишет: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще <...> Общественное сознание отражает общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо».⁹¹ Это указание Ленина должно было стать руководящим при оценке теорий «пролетарской культуры», само появление которой якобы равнозначно реальной победе пролетариата или служит ее гарантией. Не менее важны приведенные положения и для критики пролеткультовских поэтов, наивно веривших, что их изображение качеств пролетарской «коллективной души» и есть правдивый показ жизни пролетариата. Из приведенной мысли В. И. Ленин делал закономерный вывод о том, что «вступая в общение, люди во всех, сколько-нибудь сложных общественных формациях <...> не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д.»⁹² Между тем, одной из центральных особенностей искусства, близкого к богдановской эстетике, было именно представление, что каждый герой — полный и законченный выразитель настроений своего класса или социальной группы. Как только писатели данной ориентации выходили за пределы лирики и пытались создавать образы героев, сущность этих последних сводилась к декларированию мыслей о своем социальном положении, о своих корыстно-классо-

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 313. Курсив В. И. Ленина, разрядка моя. — З. М.

⁹¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 309.

⁹² Там же.

вых интересах и т. д. Герои отождествлялись с их мыслями о себе, а эти мысли — с более или менее общеизвестными марксистскими (а подчас — только принимаемыми за марксистские!) положениями о сущности тех или иных классов. В результате даже изображение действительности, претендующее на объективность, превращалось в грубо антиисторическое, а все герои — в рупоры авторских идей (Луначарский «Идеи в масках» и др.). Ленинский подход к вопросу, перенесенный в область эстетики, ставил во главу угла изучение реального уровня самосознания героев, толкал к подлинно реалистическому, исторически-конкретному показу психологии героя, вместо ее искусственного конструирования. Он показал зависимость и отличие сознания от бытия и — уже в плане художественной практики — указывал на образцы реалистического искусства прошлого.

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» давала ответ и на вопрос о происхождении эстетических взглядов Богданова (как части его общефилософских воззрений). В главе V («Новейшая революция в естествознании и философский идеализм») В. И. Ленин говорит, как известно, о сложности и непрямолинейности путей познания действительности. Современное естествознание, — физика в первую очередь, — пришли к огромного значения открытиям в области структуры материи. Эти открытия не могут быть объяснены с позиций старого, метафизического материализма и ведут к его кризису. Кризис этот, однако, двойственен: он ведет, в конечном итоге, к плодотворным результатам, но дает «некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр., и т. п.»⁹³ «Отбросами» все эти философские воззрения являются потому, что на сложном пути познания авторы их, борясь с метафизическим материализмом, отошли от материализма вообще, а метафизику «преодолели» в сторону релятивизма. Не поняв материалистической диалектики, эти системы катятся «через релятивизм к субъективизму и идеализму».⁹⁴

Всё это имеет самое непосредственное отношение и к социальной стороне воззрений Богданова, к его этике и эстетике. Начало III этапа освободительного движения в России поставило вплотную вопрос о теоретическом осмыслении новой, пролетарской этики, — этики, рассматривающей человека как часть класса и в то же время не отрицающей активной роли идей, роли личности в истории, предполагающей расцвет индивидуальности в социалистическом обществе и т. д. Все эти вопросы можно было разрешить лишь последовательно диалектически, преодолев метафизичность даже самой передовой материалистической этики XIX в.

⁹³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 299.

⁹⁴ Там же, стр. 297.

Этика «разумного эгоизма», в истолковании ее революционными демократами, содержала явные зерна диалектики в решении вопроса «личность и общество». Однако решить эту проблему до конца диалектически она не могла (в частности, характерны отступления от материализма при показе гибели человека в классовой борьбе, появление здесь идеалистической морали жертвы — ср. стихотворение Некрасова о Чернышевском). В конце XIX — нач. XX вв. буржуазные идеологи Бердяевского типа, «усвоив» у домарковского материализма лишь его слабую сторону — метафизичность — и отказавшись от тех сторон старого демократизма, которые делали его революционным, пытаются соответствующим образом истолковать и этику «разумного эгоизма». Последняя переосмысливается как прямая апология буржуазного делательства и превращается в открытое оправдание законов буржуазного строя. Необходимо было, борясь с Бердяевским «практическим материализмом», развивая сильные стороны материализма XIX в. и преодолев его метафизичность, создавать новую этику и эстетику, осмысленную с позиций исторического материализма. А. Богданов, А. Луначарский и др. в начале века субъективно стремятся к борьбе с бердяевской метафизикой. Но при этом и в области социальной (как — уже раньше — в области естественно-научной) они, борясь с метафизикой, приходят к релятивистским выводам, отходят от материализма. Отталкивание от принижения роли идей ведет их к мысли о первичности «психического», отталкивание от метафизической трактовки абсолютной истины — к отрицанию истины вообще, отталкивание от реакционно истолковываемого «интереса» личности — к стиранию личности во имя безличного классового начала и т. д., и т. п. Характерно при этом, что, борясь с метафизически понятыми «абсолютными истинами», Богданов и др. приходили сами к метафизике — к абсолютизации всего релятивного в человеческом познании, этике, эстетике и т. д. В результате этого эстетические воззрения Богданова страдали именно крайней метафизичностью и абстрактностью. А, с другой стороны, неверно понятая борьба с метафизическим материализмом приводила их к идеализму и в области исторических воззрений. В результате и в сфере эстетических и этических представлений книга Ленина давала возможность рассматривать эмпириомонизм Богданова как вульгаризаторские и субъективистские «отходы» на магистральном пути формирования социалистической эстетики и морали.

Книга В. И. Ленина определяла социальную природу взглядов Богданова как отход с позиций пролетариата на общедемократические (типа Михайловского) позиции.⁹⁵ Но в условиях III этапа освободительного движения, в условиях *уже полностью сформирова-*

⁹⁵ См. выше настоящей работы сравнение Богданова и утопического социализма. Ср. также историческое определение Лениным «богостроительских» ошибок Горького как попытки «нагнуться от пролетарского мировоззрения к общедемократическому».

ровавшегося в России марксизма, «общедемократические» взгляды означали ту или иную близость в области теории к реакционной буржуазной идеологии. Отсюда — эклектическая мешанина этой «партии середины» — мешанина, лежащая в основах эмпириомонизма, в котором Ленин обнаруживает три социальных и философских составных части. С одной стороны, это — отдельные элементы исторического материализма, связанные с субъективным принятием «всех выводов Маркса»⁹⁶ и с субъективным же стремлением «развивать» пролетарское мировоззрение. С другой стороны, это — те элементы метафизической абстрактности⁹⁷ и вульгаризации⁹⁸, которые были связаны с отходом в условиях III этапа освободительного движения на общедемократические позиции. И, наконец, в силу отмеченных выше особенностей исторического развития России начала XX века, общедемократические настроения, теснейшим образом соприкасаясь с буржуазной идеологией, обусловили наличие в воззрениях Богданова «путаного идеализма вниз»,⁹⁹ в области гносеологии. А этот идеализм, релятивизм и субъективизм в социальном плане раскрывается Лениным, как «безусловно реакционная теория»,¹⁰⁰ служащая интересам враждебных пролетариату классов. Сказанным определялся и вопрос о теоретических основах и истоках эстетики Богданова и Луначарского.

Вместе с тем, говоря об объективной реакционности эмпириомонистической гносеологии, Ленин настоятельно подчеркивает и другую сторону вопроса. Это — тот факт, что и Богданов, и Луначарский, бесспорно, «желают быть марксистами».¹⁰¹ Данная субъективная сторона вопроса не может полностью игнорироваться. Она обуславливала, во-первых, очевидные элементы «марксистского поведения»¹⁰² у рассматриваемых авторов, т. е. марксистское решение ими ряда практических вопросов политики и тактики.

«Богданов лично, — пишет В. И. Ленин, — заклятый враг всякой реакции, и буржуазной реакции в частности».¹⁰³ Далее Ленин указывает на неправомерность приравнивания людей типа Луначарского к открытым реакционерам вроде Петра Струве.¹⁰⁴ С другой стороны, Ленин, как уже говорилось, отмечал и отдельные элементы исторического материализма в воззрениях Богданова. Наличие исторического материализма именно «наверху» существенно для понимания этики и эстетики, связанной с указанным направлением.¹⁰⁵ В результате Ленин выдвигает глубоко

⁹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 310. Курсив В. И. Ленина.

⁹⁷ См. там же, стр. 312.

⁹⁸ См. там же, стр. 316.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, стр. 310.

¹⁰¹ Там же, стр. 328.

¹⁰² Там же, стр. 310.

¹⁰³ Там же, стр. 311.

¹⁰⁴ См. там же, стр. 330.

диалектический лозунг «товарищеской войны» со всякими носителями махистских идей в партии.¹⁰⁶ Такой подход к полемике позволял со всей беспощадностью разоблачать объективную реакционность эмпириомонизма, и в то же время верить, что люди типа Луначарского, преодолев теоретические блуждания и влияния буржуазных идей, могут вернуться к целостной системе марксистских взглядов. Для таких надежд «пока еще есть почва»,¹⁰⁷ утверждает Ленин. Последнее обстоятельство было весьма важным для Ленинской культурной политики. Конечно, в 1920 г. ленинское положение приобретало иной смысл, чем в I издании книги. Сам Богданов к этому времени полностью порвал с марксизмом, и ему «адресовалась» лишь критическая часть «Материализма и эмпириокритицизма». Но полемика партии с поэтами и критиками Пролеткульта в 1918—20 гг. носила — в тактическом отношении — такой же характер, как и полемика с Луначарским и Богдановым в период после поражения I русской революции. Целью этой полемики было — помочь деятелям молодой культуры, советским по своим непосредственным политическим симпатиям, стать на теоретические позиции, которые этим симпатиям объективно соответствовали.

Сравнение основных положений «Материализма и эмпириокритицизма» с ленинскими тезисами и проектом резолюции о пролетарской культуре позволяет говорить о том, что последние документы являются выводами из теоретических посылок книги Ленина. Здесь проводятся две центральных мысли: о настоящей необходимости «усвоить и переработать всё, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»,¹⁰⁸ и о вредности идей «автономии» Пролеткульта.¹⁰⁹ Первое из этих положений было логическим выводом из ленинского учения об объективности истины, второе — из учения о материалистически понятой партийности искусства. Эти же ленинские идеи нашли прямое отражение в известном письме ЦК РКП(б) от 1 декабря 1920 года «О пролеткультах». Здесь прямо указывалось на связь теорий «пролетарской культуры» и махизма. Совершенно очевидно, что вышедшее в том же 1920 году II издание «Материализма и эмпириокритицизма» явилось теоретической основой для партийной критики пролеткультов и было важным этапом в этой критике.

Ленинское раскрытие реакционной основы теорий «пролетарской культуры» в соединении с убеждением в необходимости «товарищеской войны» с критиками и писателями, подпавшими под влияние этих теорий, дали плодотворные результаты. Идеалистический и вульгаризаторский подход к искусству Богданова

¹⁰⁵ См. выше, стр. 167—168 настоящей работы.

¹⁰⁶ Там же, стр. 330.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 292.

¹⁰⁹ Там же.

и ошибки Луначарского были полностью вскрыты. Лишение пролеткульта автономии ликвидировало основные очаги пропаганды махистских выводов в области эстетики. Главное же, разумеется, состояло в том, что с конца 1920—21 годов обаяние абстрактных идей «пролетарской культуры» в глазах большинства деятелей советской эстетики и литературы рассеялось. Обусловлено это было, прежде всего, наступлением нового этапа в жизни страны: окончанием гражданской войны, началом восстановления народного хозяйства, — и сложностью этого нового периода, связанного с нэпом и спадом революционной волны на Западе. В подобных условиях стала особенно очевидной недостаточность повторения общих, уже известных, мыслей о классовой борьбе и т. п. и необходимость внимательного изучения объективных особенностей сегодняшней жизни. С другой стороны, в преодолении пролеткультовской абстрактности важнейшую роль сыграло и ее разоблачение Лениным и партийной критикой. В результате в эти годы выдвигаются самые разнообразные литературные группировки («Октябрь», значительная часть так называемых писателей — «попутчиков»), ставящие задачи отображения действительности в ее предметном и живом содержании. Достаточно напомнить хотя бы известные строки из А. Безыменского:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти ¹¹⁰

или

Хорошо планеты
Перекидывать, как комья,
Электропоэмами космос воспеть.
А вот сумейте в каком-нибудь предгублеском
Зарю грядущего разглядеть ¹¹¹

и т. д.

В критико-теоретических высказываниях также все чаще появляются мысли о значении действительности, о роли познавательной функции литературы. Подобные мысли — часто с прямым повторением центральных положений «Материализма и эмпириокритицизма» — мы находим, например, в ранних статьях А. Воронского, написанных задолго до его общеизвестных ошибок 1925—26 гг. Так, в статье «Искусство, как познание жизни, и современность» читаем: «Литература, искусство бесспорно служат тому или иному классу в обществе, разделенном на таковые. Но отсюда никоим образом не следует, что данные, добытые в результате художественного опыта, лишены объективной ценности». «Опытное познание жизни» — главнейшая функция передового

¹¹⁰ А. Безыменский, Избранные произведения, т. I, М., ГИХЛ, 1953, стр. 16.

¹¹¹ Там же, стр. 22.

искусства. Напротив, художник, принадлежащий к классу, которому «объективная правда» не выгодна, занимается сознательным или бессознательным «искажением действительности».¹¹² В статье этого же автора «О группе писателей «Кузница» впервые делается попытка осмыслить абстрактность пролеткультовского толка как отражение связей поэтов с философией эмпириомонизма. — Здесь мы читаем: «С философской точки зрения генезис этих идей [космизма и т. д. — З. М.] — явно махистский, эмпириомонистический. Именно философская система Маха, Авенариуса, Богданова построена на признании крайней условности, шаткости, нереальности субъекта, «я» и «не я», мира ощущений и «вещи в себе» < . > От положения: «не тела причиняют наши ощущения, а совокупность элементов наших ощущений образует тела» — прямой путь к эстетическому космизму, пантеизму. И наоборот — революционная фразеология — растворение личности в коллективе, в космосе — не может, однако, скрыть истинного содержания этих идей. Корень их — мистический и индивидуалистический. Мы имеем дело, по существу, < . > с желанием уйти от жизненных противоречий, от борьбы, от гущи повседневной жизни».¹¹³ К сожалению, в дальнейшем Воронский отходит от высказанных здесь положений и допускает ряд серьезных ошибок. Однако плодотворное влияние «Материализма и эмпириокритицизма» на приведенные строки — бесспорно.

Вместе с тем, на новый путь вступило постепенно и большинство деятелей искусства, прежде связанных с Пролеткультом. Об этом свидетельствуют такие, например, явления, как позднейшее творчество И. Садофьева, как критическая деятельность В. И. Лебедева-Полянского и А. В. Луначарского 20-х—30-х гг., как обращение последнего от философской пьесы — к социально-политической драматургии на современную тему («Канцлер и слесарь», «Поджигатели» и — особенно — «Яд»), как эволюция к реализму писателей «Кузницы» в середине 20-х гг. и мн. др. Всё это еще раз подтвердило полную оправданность и историческую прогрессивность ленинской политики в области искусства.

¹¹² «Красная новь», 1923, № 5, стр. 362.

¹¹³ Там же, № 3, стр. 311.

V. I. LENINI RAAMATU «MATERIALISM JA EMPIRIOKRITITSISM» TEINE VÄLJAANNE JA VÕITLUS NÕUKOGUDE ESTEETIKA JA KIRJANDUSE EEST NÕUKOGUDE VÕIMU ESIMESTEL AASTATEL

Z. Mints

Resümee

A. Bogdanovi tööd, mis on uuesti välja antud («Elava kogemuse filosoofia») või kirjutatud («Organiseerimisteadvuse alused») pärast Oktoobrirevolutsiooni, annavad tunnistust tema vaadete peaseisukohtade muutumatusest.

Kodusõja-aastatel suurenes eriti vajadus Bogdanovi ideede kritiseerimiseks seoses tema vaadete näiliku välise revolutsioonilisusega, mis võis avaldada ja avaldaski negatiivset mõju esimestele nõukogude kriitikutele (V. Lebedev-Poljanski, F. Kalinin, P. Bessalko, A. Gastev, eriti A. Lunatšarski) ja poetidele (Proletkult, «Kuznitsa»). Artiklis avatakse nende esimeste nõukogude kunsti- ja esteetika-alaste tööde sügav vastuolulisus. Siiras püüe marksistlikule maailmakäsitusele ja üksikud tõeliselt realistlikud tegelikkuse seaduste peegeldamise momendid liituvad nendes marksismiks peetava subjektiivse idealismi dogmade mõjuga.

V. I. Lenini töö, alustades mahhismi kriitikat tema filosoofilistest alustest, andis samal ajal võtme materialistliku esteetika tervikliku süsteemi loomiseks. Mõte maailma objektiivsusest ja tema peegelduse sekundaarsusest, seisukoht kahe filosoofilise (järelikult ka esteetilise) süsteemi vastandlikkusest, millest üks on suunatud maailma tunnetamisele, teine aga illusioonide loomisele temast, ideoloogia järgivuse paratamatus, tegelikkuse konkreetse analüüsi tähtsus eesrindliku tunnetuse jaoks — kõik see sai uue esteetika nurgakiviks. Kodusõja-aastatel konkretiseeris Lenin neid seisukohti reas töödes, nii otseselt mahhistliku «proletaarse kultuuri» vastu suunatutes (proletkultlaste kohta käiva resolutsiooni projekt) kui ka uue kunsti ja selle teooria positiivset programmi sisaldavates töödes («Meie ajalehtede iseloomust», «Väike pildike suurte küsimuste väljaselgitamiseks» jt.).

Need tööd said aluseks proletkultlaste kriitikale partei ajakirjanduses, hiljem aga aitasid kaasa mahhistlike mõjude ületamisele nõukogude esteetikas ja skematismist ning abstraktsusest vabanemisele varases nõukogude kirjanduses.

THE SECOND EDITION OF V. I. LENIN'S BOOK «MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM» AND THE STRUGGLE FOR SOVIET AESTHETICS AND LITERATURE DURING THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Z. Mints

S u m m a r y

The new editions of A. Bogdanov's works («Philosophy of Live Experience) or the works he wrote after the October Revolution («Essentials of Organization-Consciousness») are evidence of the immutability of his basic views.

At the time of the Civil War it became particularly urgent to criticize Bogdanov's ideas as their ostensibly revolutionary character could and actually did exercise a negative influence upon the first Soviet critics (V Lebedev-Polyansky, F Kalinin, P Bes-salko, A. Gastev and especially A. Lunacharsky) and poets (Proletkult, «Kuznitsa»). The present article unmasks the deep contradiction inherent in these first works on Soviet art and aesthetics. A sincere striving to attain a Marxist understanding of the world and a few isolated cases of the realistic reflection of the laws of objective reality are combined with the influence of the dogmas of a subjective idealism considered to be Marxism.

V. I. Lenin's work begins its criticism of the Machians by criticizing the philosophical foundations of their views and goes on to provide the key to a self-contained system of Marxist aesthetics. The idea of the objective nature of the world and the secondary character of its reflection, the view that the two philosophical (and consequently aesthetic) systems are contradictory (the one aiming at the cognition of the world, the other at the creation of illusions of that world), the idea of the inevitably derivative character of ideology, the importance of concrete analysis for progressive cognition — all this served as the theoretical basis of the new aesthetics. During the Civil War Lenin elaborated these views in a number of works aimed either directly at the Machian «proletarian culture» (draft resolution concerning the Proletkults) or containing a positive programme of the new art and its theory («The Character of Our Newspapers», «A Little Picture Meant to Shed Light on Momentous Issues», etc.).

These works became the basis for the criticism of the Proletkults in the party press and later helped to rid Soviet aesthetics of Machian influences and its schematic characteristics as well as to free early Soviet literature of abstractness.

EESTI BAPTISMI MÕNINGATE FILOSOOFILISTE LÄHTEALUSTE KRIITIKA V. I. LENINI TEOSE «MATERIALISM JA EMPIRIOKRITITSISM» VALGUSEL

K. Oja

EKP Keskkomitee lektorite grupp

V I. Lenini teos «Materialism ja empiriokrititsism» on läinud väärtusliku pärandina marksismi-leninismi rikkalikku varasalve. Selles teoses on sügavalt analüüsitud ja kritiseeritud imperialistliku kodanluse filosoofilist mõtet, mis nii või teisiti, varjatult kui ka otseselt püüdis propageerida religiooni ja fideismi. V I. Lenin paljastab selles teoses eriti neid paljusid mooduseid, millele abil püüti tasandada teed religioonile, töörahva huvide kaitsmise sildi varjus sisse tuua kodanlikku ideoloogiat. Nimetatud teos sisaldab kogu oma ulatuses religiooni kriitikat võitleva ateismi positsioonidelt.

Käesoleva kirjutise autor ei sea oma ülesandeks analüüsida ja iseloomustada kogu leninlikku religiooni kriitikat, mis on antud kõnesolevas teoses. Selleks tuleks haarata mahhismi kriitika tervikuna, minna küsimuste käsitlemisel loodusteaduse kui ka ühiskonnateaduse mitmesugustele aladele. Käesolevas kirjutises peetakse silmas V I. Lenini poolt antud religiooni kriitikast üht küsimust — teaduse ja religiooni lepitamatust ning sellegi puhul on piirdutud peamiselt eesti baptismi filosoofiliste lähtealuste kriitikaga.

Religioon kujutab endast mitte ainuüksi üht ühiskondliku teadvuse vormi kunsti, moraali jt. ühiskondliku teadvuse vormide kõrval, vaid ka maailmavaadet. Seega ka võitlus religiooni ja ateismi vahel on alati olnud ja on ka tänapäeval võitluseks erinevate maailmavaadete vahel. Maailmavaateline võitlus materialismi ja idealismi vahel taandub läbi mitmesuguste otsingute, põhjenduste ja formuleeringute ikkagi võitlusele teadusliku ja usulise maailmavaate vahel. V I. Lenin kirjutab sellest järgmiselt: «Võitlevateks parteideks on tegelikult, mida varjatakse gelehtrerlik-šarlatanlike uute nimetuste või vaimuvaese parteitusega, materialism ja idealism. Viimane on ainult fideismi peenendatud, rafineeritud vorm, fideismi, mis on täies relvastuses,

mille käsutuses on tohtusuuuri organisatsioonid ja mis jätkab kõrvalekaldumatult rahvahulkade mõjustamist, pöörates enda kasuks filosoofilise mõtte vähemagi kõikumise.»¹

Juba K. Marx juhtis omal ajal tähelepanu sellele, et igasugune teaduslik kriitika algab religiooni kriitikast. Sellel mõttel on sügav tähendus. Igasugune teaduslik kriitika peab lähtuma objektiivse tõe tunnustamisest, s. t. sellest, mida usk ei tunnusta. See ongi juba paratamatult religiooni kriitika. Peale selle teadus, lähtudes objektiivsest tõest, on oma ühe või teise konkreetse seisukohaga, järeldusega jne. vastuolus ühtede või teiste usudogmadega ja lükkab viimased ümber. See asjaolu on religioonivastases kriitikas kaheldamatu tähtsusega. Kuid teaduses leidub alati ka lahendamata probleeme, ja sealt hakkavad usuideoloogid ikka ja jälle uuesti kinni. Tunnustades küll ühtesid või teisi teaduslikke seisukohti, püüavad nad samaaegselt neid seletada ja tõlgendada usu põhimõtetest lähtudes. Palju olulisem ja määravam on aga selle sama probleemi filosoofiline külg.

Igasugune teaduslik seisukoht, juba niivõrd kui ta tahab olla ja on teaduslikuks seisukohaks, peab tunnustama objektiivset tõde. Selle filosoofilise lähtekohaga ei saa aga religioon mingil tingimusel nõustuda, kui ta tahab üldse olla religioon. Selles seisnebki teaduse ja religiooni kõige põhilisem vastandlikkus, nende lepitamatus.

V. I. Lenin, märkides vene mahhistide otsest põhimõttelist seost fideismiga, kirjutab: « objektiivse tõe eitamine Bogdanovi poolt «harmoneerib» täielikult fideismiga. Kaasaegne fideism ei eita sugugi teadust; ta eitab ainult teaduse «lialdatud pretensioone», nimelt pretensiooni objektiivsele tõele»² (sõrendus minu — K. O.).

Usuideoloogidele objektiivne tõde ei meeldi. Mõnedes usuvooludes püütakse teadust silmakirjalikult tunnustada, niipea aga, kui küsimuse alla tulevad usudogmad, loobutakse sellest. Mõned usuvoolud aga sellevastu on loonud isegi oma filosoofilise õpetuse, millega objektiivset tõde püütakse eitada. Üks järjekindlamaid usuvoole selles osas on baptism. Tõde ei olevat objektiivne ja seda ei saavat ka mitte millegagi tõestada. Praktika kriteeriumi tõe tunnetuses ei tunnustata. Eesti baptismi üks väljapaistvamatest uskuulutajatest Karl Kaups kirjutab: «Üldse ei saada tõendus-tega milgil alal kaugele, kui millegi juures kahelda tahetakse.»³

Sellega eemaldatakse tõe tunnetusest mitte ainult praktika kriteerium, vaid ka tunnetuse alus. Ainsaks ustavaks tõe allikaks tunnistatakse piibel. Hirmust objektiivse tõe ees eitatakse baptismis kõige suurema raevukusega igasugust piibli kriitikat. Piiblit peetakse jumala sõnaks algusest kuni lõpuni. Iga sõna piiblis olevat absoluutse väärtusega. Miks, kuidas ja millistel ajaloolis-

¹ V. I. Lenin, Teosed, 14 kd., Tallinn 1952, lk. 332.

² Sealsamas, lk. 109.

³ K. Kaups, Issandapäeval, Keila 1930, lk. 11.

tel tingimustel piibel on kirjutatud, see baptiste ei huvita. Samuti ei huvita neid ka see, et piiblis on seisukohti ja faktilisi andmeid, mis üksteist täielikult ümber lükkavad. Selles osas ei tunnustata loogika kõige elementaarsemad reegleid. Oma väidete põhjendamiseks ei tooda ette mitte midagi muud kui ainult kartust tõe ees. Nende objektiivse tõe vastane argumentatsioon seisneb ainult hirmus tõe ees. K. Kaupsi sõnadega edasiantuna kõlab see järgmiselt: «Kui me peaksime möönma: Pühakiri sisaldab Jumala sõna, kes siis on see autoriteetne isik ja teeb selgeks, kui kaugelt ta sisaldab. Sellega me avaksime kõik ukSED ja aknad piiblikriitikal (objektiivse tõe tunnustamisele — K. O.), mis laastavalt mõjub tänapäeva armuõpetusele, Jumala rahva eluvaadete moodustamisele»⁴

Nende hirm ei ole mitte asjatu ja põhjendatu. Kui nad peaksid tunnustama objektiivset tõe ja olema selles isegi järjekindlad, siis peaksid nad paratamatult tunnustama ka materialistliku filosoofia õigsust ning siis ei jääks nende religioosetest spekulatsioonidest kivigi kivi peale.

Kokkuvõtlikult ja sõnaselgelt kirjutab V. I. Lenin: «Pidada meie aistinguid välismaailma kujunditeks, — tunnustada objektiivset tõe, — asuda materialistliku tunnetusteooria seisukohal — see on üks ja sama.»⁵ V. I. Lenin juhib edasi tähelepanu ka sellele, kuivõrd elementaarne see küsimus on.⁶

Sellest elementaarset küsimusest saavad muide väga hästi aru ka usuideoloogid, millest ongi tingitud nende suur vaenulikkus ja sõimusõnade valing materialismi aadressil. Ja peale sõimu neil polegi midagi tõsisemat materialismile vastu panna. Püüame vältida nende sõimusõnade tarvitamise oskust ja vaatame, mida «asjalikku» on baptismi jutlustajatel materialismi kohta öelda. K. Kaups kirjutab oma brošüüris «Kristusevastane» järgmist: «... teadus võttis materialistliku kuju, ning nüüd tuli juba Jumala ja inimese asemel keskkohaks surnud aine, mateeria. See oli suur samm ülekohtu salaasjale lähemale.»⁷

K. Kaups nimetab mateeriat «surnud aineks». See on enami-kule (kui mitte kõigile?) idealistidele ja teoloogidele väga iseloomulik. Dialektilist materialismi ei suuda nad üldse kritiseerida ja seepärast nad viimasest lihtsalt vaikivad või väljendavad oma viha sõimuvalingutega. Nad kritiseerivad ainult metafüüsilist või täpsemalt, vulgaarset materialismi.

Baptistid astuvad otse teaduse objektiivse tõe vastu. K. Kaups kirjutab: «Aga ka teaduslikke eluavaldusi oskab antikristuse vaim rakendada ülekohtu salaasja levitamise teenistusse ning teeb seda õige mõjuval viisil. Eks öelda tänapäev lausa, et teadus olla usu tühistanud, et teaduslikust seisukohast ei saavat uskuda

⁴ «Teekäija» 1931, nr. 1, lk. 6.

⁵ V. I. Lenin, Teosed, 14. kd, lk. 114.

⁶ Sealsamas, lk. 114—115.

⁷ K. Kaups, Kristusevastane, 1931, lk. 17.

Kristuse vaimust sündimist, lihasse tulekut? See on tugev tõendus antikristuse sõjaviisist. Kui siin kirik on teinud järelandmisi, siis Jumala igaveste tõdede arvel.»⁸ Teisiti öeldult: nad käsivad tunnustada mitte teadust, mitte objektiivset tõe, vaid vagajuttu. Tunnustamata objektiivset tõe ja praktikat kui tõe kriteeriumi, muutub neil tõetunnetuse filosoofiline alus subjektiivseks. Inimteadvuse seisukohalt kuulutatakse olematus olevaga samaväärses ja sellest isegi tähtsamaks. Selle kohta kirjutab D. H. Matson (üks eesti baptismi suundaandvatest jutlustajatest, «Teekäija» peatoimetaja) järgmist: «Usk on sildade enese taga purustamine, astudes tundmatusse Usk aga loob sildu ei millestki, kutsudes olematuid asju esile Mis senini ei olnud olemas, sai ususõna peale olevaks.»⁹

Veelgi üksikasjalisemalt toob selle seisukoha välja nelipühilastest (baptismi alavool) emigrantide ajakiri «Valgus». Seal kirjutatakse, et usk «... on süvenemine sellesse, mida ei ole millalgi näinud, kalju peal seismine, kui tugikohta ei ole, valguse nägemine, kui kõik tuled on kustunud, varanduse omamine, kui sul endal midagi ei ole, tunda end armastatuna, ehk küll kõik on sind petnud, vabaduse tundmine, ehk küll ahelad rõhuvad, rõõmsameelsus siis, kui oled täiesti murtud, kodusse ruttamine, kui sul ei olegi kodu ...»¹⁰

Nagu nendest tsitaatidestki nähtub, ei tunnustata vähimalgi määral objektiivset tõe. Inimese arusaamade aluseks olevat tema subjektiivne kujutus, mis pidavat olema otse vastupidine tema kogemustele ja välismaailmast saadud aistingutele.

Kui usk mõnikord püüabki ennast kokku sobitada teadusega, siis mitte aga teaduse kui objektiivse tõega. Sellepärast näebki usk oma peavaenlast just teaduses, mille filosoofiliseks aluseks on dialektiline materialism. Selles osas on baptismi ja teiste usuvoolude erinevus väga väike. Nii näiteks luteri kiriku hääle kandja «Eesti Kirik» kirjutab järgmist: «Põhjus, miks ristiusk on sattunud marksismi viha alla, on hästi arusaadav. Kristlik ilma vaade on õieti ta ainuke elujõuline vastane, kui see ilmavaade veel elav on; see üksi võib takistada Marxi õpetuse levimist.»¹¹

Siin on muide, nagu usumeestel ikka kombeks, tegelikku olukorda näidatud moonutatult ja peapeale pööratult. Nagu tegelikkuse analüüsist järeldub, ei ole mitte kristlus marksismi ainsaks vastaseks, pole ka elujõuliseks vastaseks, vaid marksism on kristluse ainsaks elujõuliseks vastaseks. Viimase asjaolu tõttu püüabki vaimulik marksismi «materdada». Vaimuliku selles kirjutuses on aga ka päris otsekohest tõtt: teadus ja

⁸ K. Kaup, Kristusevastane, 1931, lk. 17; vt. ka «Elukevad» 1925, nr. 8, lk. 116.

⁹ «Teekäija» 1940, nr. 1, lk. 5.

¹⁰ «Valgus» 1958, nr. 5, lk. 73.

¹¹ «Eesti Kirik» 1932, nr. 22, lk. 172.

ristiusk on lepitamatud. Praosti avameelsetes sõnades kõlab see järgmiselt: «Ristiusk ja marksism on võistlejad, nad on kaks asja, mis iialgi ei saa elada teineteise kõrval: neil ei ole mingisugust ühist seisukohta.»¹²

Teisiti öeldult, nagu V. I. Lenin seda korduvalt rõhutab, ei saa samaaegselt tunnustada objektiivset tõe ja olla religiooni kaitsja.

Praost peab kurvastusega nentima, et marksismi mõjud levivad ka usklikke seas. Ta räägib: «On kahetsemisväärt, et Marxi vaim sügavasti on tunginud ristiuskusse, et ristiusk ka temaga on püüdnud sõbrustada.»¹³ Nagu K. Kaups puhtsüdamlikult üles tunnistab, on teaduse tunnustamine, teadusele järeleandmist tege mine usu nõrkuse tunnus ja on toonud usule kahju.

Objektiivse tõe vastu astuvad välja ka teised usuvooulud. Toome siin võrdluseks Tartu Piiskopliku Metodistikiriku jutlustaja selgituse tõe kohta. (Metodismi õpetuses ei ole tõe mõistmise filosoofiline külg sellise järjekindlusega välja arendatud kui baptis mis). Jutlustaja rääkis oma jutluses (aprillis 1959. a.), et tema tuttava laps käivat Tartu I Keskkooli esimeses klassis. Õpetaja rääkinud tunnis päikesesüsteemi tekkimisest udukogust (Kant-Laplace'i hüpoteesi). Kui õpetaja lõpetanud, tõstnud laps käe püsti ja öelnud: «Teie rääkisite meile maailma tekkimisest udust, vanaema seletas mulle ka maailma tekkimist ja seal ei olnud mitte midagi u d u s t.» (Kas laps koolis tõesti nii ütles, on väga küsitav. Pärisin õpetajatelt järele, nemad ei teadnud sellest mitte midagi. Koolis õpetatakse tegelikult Smidt'i hüpoteesi, ja seda alles vanemates klassides.) Jutlustaja püüdis siis edasi rõhutada, omistades juba sõnale «udune» kahepoolse tähenduse, et teadus õpetavat udu ja olevat ise udune. Ainus selge asi pidavat olema piibel. Teadust usaldada ei saavat, sest see olevat segane asi. Niisiis teaduslikku filosoofilist alust, praktikat kui tõe kriteeriumi ei tunnistata. Kõik olevat suhteline ja subjektiivne.

Usukuulutajatel on tarvis hüljata objektiivne tõde selleks, et usklikku petta ükskõik millega, kui see on aga kasulik kas ekspluataatorliku klassi seisukohalt tervikuna või siis nende endi isiklikes huvides. Toome viimase kohta ühe näite.

Kui Eesti Baptistide Liidul tekkis rahanappus (täpsemalt öeldes, raha oli tarvis ka jutlustajate puhtisiklikeks vajadusteks), siis tehti tormilist rahakogumise kampaaniat. Sel puhul olid kõik moodused küllalt head, peaasi, et raha laekus. Tsiteerime alljärgnevalt üht üleskutset.

«Õnnistuse saladused! Jah, need on kättesaadavad igale usklikule, kuid tingimustega. Tooge kõik kümnes varanduse kotta, et toidust võiks mu kojas olla. Siis saab, et «viljaväljad lокkavad, õli ja viina surutõrred jooksevad üle; karjad kasvavad, perekondades rõõmuhõisked; Jumala kojas kii-

¹² «Eesti Kirik» 1932, nr. 22, lk. 172.

¹³ Sealsamas.

tuse laulud, süda täis magusat rahu. Rahva ohvrimeel avas taeva luugid; see on õnnistuse saladus.» Meie varanduse koda on ühenduse kassa.»¹⁴

Nagu näeme, ei olnud baptismi jutlustajatel oma kasuistlikes huvides kuigi raske loobuda oma õpetuse põhiseisukohtadest, mis rajanesid Rooma katoliku kiriku ainuõndsakstegemise kriitikal. Kasutati neidsamu katoliikluse põhimõtteid, millede vastu baptistid olid omal ajal suure raevukusega võidelnud. Kui varem räägiti üht, siis nüüd risti vastupidist. Mingisugust objektiivse tõe mõistmist ei tunnustatud. Võeti omaks pragmatismi seisukohad selle kõige vulgaarsemal kujul.

Väga huvitav on jälgida ajaloolises läbilõikes seda, kuidas baptistid, kasutades objektiivse tõe eitamist, suunasid oma õpetuse kodanluse kaitsmiseks ja töörahva mahasurumiseks.

Kui baptism Eestis möödunud sajandi teisel poolel tekkis, siis haaras ta endaga kaasa usklikest inimestest vaesemaid ja neid, kelles oli küpsenud protest kroonuideoloogia ja mõisnike ning kasvava kodanluse julma rõhumise vastu. Baptism esines siis ka mõisnikevastase kriitikaga (peale mõne erandi). Eriti teravalt mõisteti hukka ideoloogia vägivaldse pealesurumise vahendid. Sellised rõhutatud rahva protestiavaldused võtsid baptismis religioosse kuju ja suures osas nad suridki religioossesse müstikasse. Baptismi vastu astusid tol ajal välja riigikirik ja tsaarivõim. Üsna sagedaseks nähtuseks oli baptismi kuulutajate arreteerimine.

Niipea aga, kui kodanlik diktatuur oli suutnud ennast kindlustada, hakkab baptismi ideoloogia kujunema avalikuks kodanliku diktatuuri kaitsmise tööriistaks. Esimestel kodanluse võimutsemise aastatel säilib veel baptistide kirjutistes mõningates joontes see mõisnike ja kodanluse inimvihkakajaliku suhtumise näitamine, siis hakkab see järk-järgult kaduma, ja pärast relvastatud detsembriülestõusu hakatakse juba kodanlust avalikult kiitma.

Juba enne detsembriülestõusu asusid baptismi mitmed välja- paistvamad jutlustajad kodanlust otseselt kaitsma. Nii mõistab näiteks K. Kaups 1919. aastal hukka baptistide osavõtu revolutsioonilistest sündmustest töötava rahva poolel, lubab aga teenida kodanliku riigi riigiasutustes. Hakatakse tasapisi oma ajakirjade veergudel kodanlust kiitma. Toome selle kohta ühe iseloomuliku näite 1923. aasta «Teekäijast»:

«Nimetamata ei või ka jätta meie paremate klasside nurjatumat, kergemeelset ja prassivat elu, mis täidab kibedusega vähemosalised; see nähtus kasvab. Ega see head verd ei sünnita, ega kainestavat eeskuju ei paku — ei noorsoo ega teenijate ning töörahva keskel. Raha, lõbu ja leiba, s. o. seda kõige maitsvamat, seda nad hüüavad, see nende paleus.»¹⁵

¹⁴ «Teekäija» 1923, nr. 12, lk. 135.

¹⁵ Sealsamas, nr. 2, lk. 26.

Ühelt poolt kiidetakse kodanlust, nimetades teda «paremateks klassideks», teiselt poolt peetakse tema eluviise aga nurjatuteks. Tööraha huve väljendades räägitakse kibedusest, mis tekib viimases kodanluse vastu. Teiselt poolt aga kodanluse huve silmas pidades idealiseeritakse tööraha hulgas vaesust ja isegi nälga.

Pärast relvastatud detsembriülestõusu hakatakse veelgi suuremat tähelepanu pöörama koguduste lihtliikmete meelsusele, et nende hulgast kommunismi ideid välja juurida. Kuivõrd baptistide kogudustes lihtliikmete põhimass oli vaesem ja töötav rahvas, siis võitlus kommunismi ideede vastu oli kodanlikul ajal baptismi kuulutajate üheks põhiliseks ülesandeks. Endistest demokraatlikest nõuetest loobutakse ja hakatakse isegi oma hääle kandja veergudel propageerima seda, mille vastu varem oli sõna võetud. Nii kirjutab K. Kaups 1937. aastal:

«Üheks tähtsaks ülesandeks koguduste juhatajatel ja juhatustel on valve üksikute liikmete üle. Nemad peavad valvama üksikuid. Kui on noomimist ja karistust vaja, peavad liikmed tahtlikult sellele alluma.»¹⁶ (Olgu siinjuures märgitud, et mitte asjata ei annetatud Kaupsile 1938. a. Pätsi valitsuse poolt «usuliste» teenete eest teenete märk ja mitte juhuslikult ei saanud Kaups 1938. a. riigivolikokku).

Eriti iseloomulikult raevukaks muutuvad juhtivamate Eesti baptismi ideoloogide kirjutised siis, kui fašistlik Saksamaa hakkab oma maailmavallutuslikke plaane otsese sõjalise jõu abil ellu viima ja kui on selgeks saanud Teise maailmasõja lähedalseisev lahtipuhkemine. D. H. Matson kirjutab 1939. a. «Teekäija» uusaastanumbri programmilises sissejuhatuses järgmist: «. ei nähta enam neid tõsiseid ohte, mis ähvardavad meie usklikkonda, aga ühtlasi kogu me rahvast. Moodsas paabeli hääldesegaduses ei aita harilik puhumine, ei aita ka harilik palvetamine see peab muutuma käredaks puhumiseks. Muidu see muutub eneseväsitamiseks, sulaslikuks teenistuseks kohustuse pärast. Selle peale ei tõuse keegi enam üles ega hakka põgenema «kaduvast elust» Puhuge valjusti! Puhuge, et inimesed ärkaksid! Puhuge senisest valjemini, mitte ajaviite-muusikat, mis meid suigutaks senist hooletut elu edasi elama, kuni meid hukatus tabab. Kui see peaks segama mõningate esteetilist mõnulemist ja enesegarahulolu, siis ärge arvestage seda. Issand käsib «käredasti puhuda.»¹⁷

Võib-olla, et siin on jäänud ridade vahele see, mida «Issand käsib käredasti puhuda» ja millisest «kaduvast elust» siis peab loobuma? Seda aitab aga suurepäraselt selgitada sellesama D. H. Matsoni «käredasti puhumine» «Teekäija» kuuendas numbris: «. Ei ole loota, et kommunism muutuks millekski muuks,

¹⁶ «Teekäija» 1937, nr. 11, lk. 163.

¹⁷ «Teekäija» 1939, nr. 1, lk. 4.

mis ta siiani on olnud ja praegu on, veripunane metsaline » Selle «käredasti puhumise» lõppakordis öeldakse, et parem on olla Hitleri kui Stalini poolt.¹⁸ Ametlikult ajakirjanduse veergudel lõpeb see «puhumine» 1940. a. «Teekäija» septembrikuu numbris K. Kaupsi sõnadega: «Kui kellelgi peaks mõttesse tulema usulise katte all hakata arvustama käesolevat korda, see peaks küll teadma, et ta kahjustab usuasja ja võib-olla ka ennast.»¹⁹

Esitatust selgub, milleks ja kelle huvides oli baptismlil tarvis suurima raevukusega võidelda objektiivse tõe vastu. Baptismi kuulutajad püüdsid töörahvast pimestada, nüristada tema klassiteadvust ja aidata kodanlusel tööliklassi ekspluateerida. Objektiivse tõe eitamine või tunnustamine ei ole ainult kitsas filosoofilis-teoreetiline küsimus, vaid on ka poliitilise tähtsusega küsimus. Oma klassikalises teoses «Materialism ja empiriokrititsism» näitas V. I. Lenin, et objektiivse tõe eitamine mahhistide poolt viib neid, vaatamata marksismi loosungite kasutamisele, kodanluse teenistusse. Seda enam imperialistliku kodanluse teenistusse läksid eesti baptismi kuulutajad, esinedes ristiusu loosungitega. Teaduslikku tõe mitte tunnustades toodi sisse pettust, millega orjastati töölisi, hoiti töötavaid inimesi kodanlusele kuulekuses ja millega praeguselgi ajal püütakse takistada kommunismi edukat ülesehitamist.

Võitluses mitut masti religioossete õpetuste vastu, eriti aga nende õpetuste filosoofiliste aluste vastu, on V. I. Lenini töö «Materialism ja empiriokrititsism» hindamatu väärtus ka tänapäeval. Selle teose tundmine aitab meid näha ka religiooni kaitsmise varjatud mooduseid ja selgitada, kuhu poole, mis suunas ja kelle huvides arenevad need religiooni kaitsvad seisukohad tulevikus. See aitab meid niisugustele katsetele vastu astuda juba siis, kui nad on alles eos.

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ЭСТОНСКОГО БАПТИЗМА В СВЕТЕ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

К. Оя

Р е з ю м е

Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» имеет важное значение в борьбе с различными формами идеализма и агностицизма. Научное мировоззрение должно неизбежно признавать объективную истину. Напротив, религия не может

¹⁸ «Teekäija» 1939, nr. 6, lk. 89.

¹⁹ «Teekäija» 1940, nr. 9, lk. 133.

признавать объективную истину. Из распространенных в Эстонии религиозных течений, выступающих против объективной истины, наиболее последовательным является баптизм. В страхе перед объективной истиной баптизмом не признается критика библии. Не признается им и практика, как основа познания и критерия истины. Для понимания действительности верующие должны, как учит баптизм, создавать субъективные образы, противоположные ощущениям и опыту. Проповедникам баптизма было необходимо отрицание объективной истины для одурманивания трудового народа в интересах буржуазии и самих проповедников. Если в первые десятилетия своей деятельности баптистские проповедники выступали с лицемерными лозунгами защиты интересов трудового народа, то в последние годы буржуазной власти ведущие проповедники перешли к открытой защите фашизма.

CERTAIN PHILOSOPHICAL PRINCIPLES OF ESTONIAN BAPTISM CRITICIZED IN THE LIGHT OF V. I. LENIN'S «MATERIALISM AND EMPIRIOCRITICISM»

K. Oja

S u m m a r y

V. I. Lenin's «Materialism and Empiriocriticism» plays an important role in the struggle against various forms of idealism and agnosticism. The scientific world outlook must necessarily recognize objective truth. Religion, on the contrary, cannot do the same. Out of the religious trends spread in Estonia baptism fights against objective truth most consistently. Baptism fearing objective truth does not admit any criticism of the Bible. Neither does it recognize practice as the basis of cognition and criterion of truth. To apprehend reality believers must, as baptism teaches us, create subjective images opposed to sensations and practice. It was necessary for the preachers of baptism to deny objective truth and stupefy the working people in the interests of the bourgeoisie and the preachers themselves. During the first decades of their activity the preachers of baptism advanced hypocritical slogans in defence of the working people's interests, whereas the last years of the bourgeois rule saw the leading preachers of baptism turn to open defence of fascism.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БОРЬБЫ МАРКСИСТОВ В РОССИИ ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ РЕАКЦИИ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Р. Блюм

кафедра диалектического и исторического материализма

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» является лучшим произведением революционного марксизма, написанным в период ожесточенного наступления реакции после поражения революции 1905—07 гг. Марксисты успешно отбивали атаки реакции на различных фронтах: и на практическо-политическом, и на идеологическом. При этом область идеологии заняла первостепенное место. «Не случайно, а неизбежно было то, что после неудачи революции во *всех* классах общества, среди самых широких народных *масс* пробудился интерес к глубоким основам всего мирозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до *принципов* нашего, марксистского учения в *целом*. Не случайно, а неизбежно массы, втянутые революцией в острую борьбу из-за вопросов тактики, предъявили в эпоху отсутствия открытых выступлений запросы к знанию *общетеоретическому*. *Основы марксизма* надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь».¹

Идеологическая борьба была трудной борьбой, тем более трудной, что в рядах социал-демократии оказалось немало предателей, нанесших удар в спину. Многочисленные ревизионисты — ликвидаторы и отзовисты, богостроители и эмпириокритики, смыкались с реакцией в общей борьбе против революционного марксизма, против его теоретических основ.

Поход против философии марксизма, против всего марксистского мировоззрения был особенно опасен тем, что «ниспровергатели» клялись именем Маркса и действовали в интересах «развития» его теории. Прием достаточно распространенный в ревизионизме от Бернштейна до наших дней. Но этот прием вводит в заблуждение неискушенных в вопросах теории, легковверных людей.

¹ В. И. Ленин, соч., т. 17, стр. 16.

Могут спросить, какое отношение имеют философские разногласия, споры о «вещи в себе», об объективности истины, о реальности материи к революции, к революционной практике? А нельзя ли быть идеалистом и в то же время последовательным социалистом, признавать махистский позитивизм и быть борцом-революционером? Русские махисты считали это вполне возможным. Так, Юшкевич писал: «надо произвести отделение церкви от государства, политику отделить от теории, программу от системы, партию от идеологии — надо открыть доступ чужим идеям, признать свободу мнений — вести две параллельные и независимые друг от друга линии: политическую, покоящуюся на принципе строгой дисциплины, и теоретическую, исходящую из начала полной свободы мнений».² Итак, политику, практику нужно совершенно отделить от теории. Неслучайно подобные заявления вызвали гром рукоплесканий в кадетском лагере, горячее одобрение веховцев, которые не раз заявляли о своем полном согласии с такой точкой зрения.³

На той же позиции отделения философии от политики стояли меньшевики-ликвидаторы. Характерна в этой связи нашумевшая в то время статья одного из лидеров меньшевизма Потресова, помещенная на страницах легального меньшевистского журнала «Наша Заря». В статье «Критические наброски. (О том, почему пустяки одолели)», носящей программный характер, он заявлял, что русский марксизм разъедают пустяки, «дутые интересы» приобретают размеры первостепенных событий. По его мнению, нет никакой связи между задачами социал-демократии и философским спором.⁴ Очень симптоматично, что упоминавшийся уже Изгоев по поводу этой статьи писал: «Как бы не открещивался г. Потресов, его статья — плод того же настроения и того же склада мыслей, что и «Вехи».⁵ Блестящая критика взглядов Потресова и ему подобных дана в работе В. И. Ленина «Наши упрямцы». «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны отклонения от него, — писал в этой статье В. И. Ленин, — *всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением».⁶ Но «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Нельзя быть марксистом и идеалистом в одно и то же время. Это прекрасно показано В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» и дру-

² «Русская мысль», 1910, февраль, стр. 109.

³ Так, известный ренегат, веховец Изгоев писал: «Можно совершенно не разделять ни теоретических убеждений данной группы лиц, ни даже их политическую тактику и работать вместе с ними». Там же, стр. 110.

⁴ «Наша Заря», 1910, №№ 2 и 4.

⁵ «Русская мысль», 1910, август, стр. 63. В. И. Ленин по поводу этой похвалы Изгоева указывал, что «от таких объятий г. Потресову *никогда* не очиститься». Соч., т. 17, стр. 50.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 53.

гих работах, Г. В. Плехановым в статьях против ревизионистов.

Мы дадим слово человеку, мнение которого в этом вопросе тоже достаточно авторитетно, ибо оно основано на богатом личном опыте. Вот что пишет Франк, один из активных кадетских публицистов, сам проделавший путь от материализма к махровому идеализму и прямой контрреволюции: «...последовательно проведенный позитивизм есть смерть марксистского социализма. «Махисты» еще не осознали, но рано или поздно должны будут осознать, что их философский релятивизм в своей основе противоречит социализму, как вере; завершением их борьбы с «мистицизмом» неизбежно явится признание, что все основные социалистические догматы суть лишь условные «ориентировки», символические значки для трезвых, обыденных социально-политических стремлений и действий. Махисты обречены стать ревизионистами и фабианцами, подобно Бернарду Шоу смеяться над «иллюзиями социализма», оставаясь деятельными сторонниками реального политического и экономического прогресса рабочего класса».⁷ Что и говорить, мнение достаточно основательное и, кстати, выдержавшее критерий практики, так как именно такой путь проделало большинство ревизионистов, вносящих «поправочки» в научный социализм. Этот путь — от «исправлений» марксизма к «сторонникам реального политического и экономического прогресса рабочего класса», но без социализма, путь в лагерь защитников и слуг буржуазного строя.

Нужно сказать, что примиренческое, а порой и одобрительное отношение ко взглядам, проповедующим отделение политики от философии, рассматривающим мировоззрение как частное дело члена партии, имело место со стороны многих лидеров социал-демократических партий Западной Европы. Недаром Потресов для обоснования своих ревизионистских взглядов ссылался «на опыт немцев». «Материализм, как философия, — писал В. И. Ленин, — *везде у них в загоне*. «Neue Zeit», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярким сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков».⁸

Большое значение для дальнейшего развития революционного

⁷ «Русская мысль», 1910, апрель, стр. 144.

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 336. В журнале «Neue Zeit» была помещена статья Богданова «Эрнст Мах и революция». В примечании к этой статье переводчик, между прочим, писал: «Seine Leistungen finden in immer steigendem Maße nicht nur in seinem Spezialgebiet — der Physik — Wertschätzung und Anerkennung, sondern es bricht sich immer mehr die Einsicht Bahn, daß sich auf seinen Forschungen ein wesentlicher Teil unseres Gesamtweltbildes gründet. Auch die «Neue Zeit» hat schon wiederholt auf die nahen Beziehungen der Forschungsergebnisse Machs zu der Gedankenwelt des Marxismus hinweisen können».

«Die Neue Zeit», Wochenschrift der Deutschen Socialdemokratie Stuttgart 1908, Nr. 20. стр. 695.

пролетарского движения в России имело то обстоятельство, что материалистическое мировоззрение пользовалось в среде русских марксистов огромным авторитетом, что многочисленные партийные кадры были воспитаны в духе непримиримости к идеализму и субъективизму. Идеологическая борьба после революции 1905—1907 гг. показала, что ряды стойких защитников марксистского мировоззрения в русской социал-демократии достаточно сильны, чтобы дать отпор философскому ревизионизму и защитить марксизм от его буржуазных противников.

Можно назвать целый ряд руководителей рабочего движения и партийных литературов, которые вели активную борьбу против буржуазного и мелкобуржуазного мировоззрения, защищали и пропагандировали марксизм.

Конечно, в первую очередь следует указать на книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а также на многочисленные его статьи, печатавшиеся в различных марксистских изданиях. Эти работы сыграли выдающуюся роль в развитии марксистской теории, в воспитании революционных большевистских кадров. Они являются блестящим образцом творческого отношения к марксистской философии, к марксистской теории вообще.

Активную борьбу против упаднической идеологии вели такие видные деятели большевизма, как В. В. Воровский, С. Г. Шаумян, В. Ф. Горин-Галкин.⁹ Большую роль в выполнении указанных задач играли большевистские журналы «Мысль» и «Просвещение», легально издававшиеся в России с конца 1910 по 1914 г. Так, в февральском номере журнала «Просвещение» за 1914 г. была помещена статья Вл. Павлова (Милютина В. П.) «О некоторых чертах философии А. Богданова», в которой анализируется так называемая «организационная наука» — создание этого философа. Вл. Павлов, опираясь на работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», показывает, что реакционные черты эмпириомонизма в еще большей степени выявились в последующих работах Богданова. Подчеркивая, что эмпириомонизм есть мертвая схоластика, ведущая к фидеизму, Вл. Павлов пишет: «От познания действительного мира делается шаг в область искусственных, отвлеченных построений — подгоняемых к живой действительности, в область мертвых схем, заменяющих законы развития жизни. Религия и религиозный характер мышления приходят тогда, когда бояться понять живую действительность, когда отрываются от процесса жизненного развития, тогда подобная оторванность находит свое выражение в стремлении утешиться на чем-либо сверхъестественном, причем безразлично, в чем выражается это стремление: в вере в единичного

⁹ См., В. В. Воровский, Литературно-критические статьи. М., 1956; В. Д. Даниленко, В. В. Воровский о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» «Вопросы философии», 1957, № 3; С. Т. Калтахчян, Борьба С. Г. Шаумяна за теорию и тактику ленинизма. М., 1956; А. И. Володин, Из истории борьбы против махизма, «Вопросы философии», 1959, № 6.

бога, в богочеловечество или еще в чем-либо — подкладка одна и та же».¹⁰

Важное значение в защите и пропаганде марксистской философии имели труды Г. В. Плеханова, направленные против Богданова, Петцольда, богоискателей и богостроителей. Известную роль сыграли также работы его учеников Л. Аксельрод (Ортодокс) и А. Деборина. Но ценность этих работ снижало использование философской борьбы во фракционных меньшевистских целях. «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму» — писал В. И. Ленин.¹¹ Еще в большей степени фракционный характер присущ статьям Аксельрод и Деборина.

Итак, ряды защитников философии марксизма в русской социал-демократии были достаточно сильны, во всяком случае значительно сильнее, чем в любой другой стране.

Среди марксистской литературы, активно боровшейся за чистоту революционной идеологии в тяжелые годы реакции после поражения революции 1905—07 гг., мы находим интересную книгу, вышедшую в издательстве «Новый мир» в 1910 г. Автором ее был молодой тогда марксист С. Г. Струмилин, в настоящее время известный ученый экономист, академик. Книга называлась «Аристократия духа и профаны. Два идеала».

Сам С. Г. Струмилин в опубликованных недавно воспоминаниях так пишет об обстоятельствах появления своей книги: «...я написал и выпустил в свет целую книгу, посвященную борьбе с ударившейся в годы реакции в мистику и воспарившей в облаках мелкобуржуазной интеллигенцией. В ее рядах бок о бок с такими матерыми идеологами мистического мракобесия, как Мережковский и его друзья, стали все чаще появляться недавние перебежчики из радикального лагеря, бывшие «марксисты» Бердяевы, Булгаковы и К^о. И все они, рядясь в павлиньи перья ницшеанской аристократии духа и поднимаясь в стратосферу пустых абстракций, обливали с этих заоблачных высот своим высокомерным презрением наши «низменные демократические идеалы».

Как и многие другие партийцы, я не мог пройти равнодушно мимо такого поругания своих идеалов. А кроме того, мне и самому захотелось поглубже раскрыть эти идеалы «профанов», продумав их для себя самого до конца. И, горячо взявшись за дело, я со всем увлечением и страстью написал тогда этот свой боевой памфлет, бичующий идеологию «аристократов духа», во имя идеалов пролетариата. Возможно, что строгий критик и в этой кни-

¹⁰ «Просвещение». Ежемесячный журнал марксистского направления. 1914, № 2, стр. 31.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 340. Сравнение критики махизма Лениным и Плехановым давно в содержательной статье Е. Ситковского «Ленин и Плеханов как критики марксизма», «Под знаменем марксизма», 1934, № 2.

жище, написанной кровью сердца, нашел бы для себя немало пищи. Но ее предпочли замолчать враги. Не откликнулись на нее никак и друзья. И я очень об этом сожалею, ибо эта книга — одно из самых любимых моих детищ».¹²

Действительно, мы не находим упоминания в тогдашней периодике о книге С. Г. Струмилина. Но, как по своему содержанию, так и по своей форме она несомненно заслуживает внимания. Перед нами по-настоящему боевой философско-социологический памфлет, написанный воинствующим материалистом, страстно отстаивающим пролетарскую идеологию от нападков ее врагов.

На общем фронте борьбы марксистов против различных форм реакционной идеологии книга Струмилина занимает свое определенное место, выполняет, так сказать, свою боевую задачу. Эту задачу можно было бы сформулировать так: активные наступательные действия против контрреволюционной, антимарксистской, мещанской идеологии в двух важнейших областях: в области социологии и в области этики, именно в таких областях, которые сравнительно мало затрагивались в других марксистских работах этого периода.

Сам С. Г. Струминин изложил свою цель следующим образом: «На новизну темы или оригинальность ее обработки мы не особенно претендуем. Пусть лишь настоящий труд послужит нашему читателю предохранительной прививкой против гипноза того очарования, в ореоле которого являлись за последнее время иным профанам разные мандарины духа с их идеологиями, и мы сочтем себя вполне удовлетворенными».¹³

Кто же такие эти мандарины духа и почему от их влияния надо предохранить нашего (т. е. в первую очередь пролетарского) читателя? Мандарины или аристократия духа — это группа буржуазных интеллигентов, главным образом деятелей искусства и философов, претендующих на духовное руководство «чернью», народными массами, при этом при случае она не прочь взять на себя и политическое руководство ими. Самая характерная черта аристократии духа — воинствующий антидемократизм. «Само собой разумеется, что «пошлая чернь», по их представлению, совершенно неспособна уразуметь те глубокие и возвышенные идеи, носителями которых они себя почитают. В этом они все сходятся. При всем многообразии своих философских воззрений и при всей разнокалиберности их от Иммануила Канта до Фридриха Ницше и от Владимира Соловьева до Леонида Андреева, все они одинаково искренно презируют «толпу» и брезгливо от нее отворачиваются».¹⁴ В то же время их антидемократизм совмещается с гимнами в честь «свободы духа», с ругательствами по адресу «мещанской толпы». А эти гимны и руга-

¹² С. Г. Струминин, Из пережитого. М., 1957, стр. 235—236.

¹³ С. Струминин, Аристократия духа и профаны. Два идеала. Книгоиздательство «Новый мир». С-Пб., 1910, стр. 5.

¹⁴ Там же, стр. 12—13.

тельства могут обмануть многих, не слишком разбирающихся в философии и в политике, людей, готовых увидеть роскошное платье на голом короле только на том основании, что сам король и его глашатаи всенародно объявили о своем великолепном наряде. Вот почему, хотя аристократия духа не находится у власти и лишь только мечтает о ней, она как идейный враг демократии должна быть развенчена и разоблачена.

Марксистский анализ места и роли какой-либо общественной группы требует раскрытия ее классовых корней. С. Струмилин мастерски это делает. Хотя аристократы духа произносят немало гневных слов по адресу мещанства и при этом гордятся своей надклассовостью, беспартийностью, они по сути дела являются, как это ни парадоксально, характерными представителями столь «ненавистного» для них мещанства, или, говоря более определенно, мелкой буржуазии. Анализ С. Струмилиным классовых позиций аристократов духа прекрасно подтверждает очень важный для социологии вывод К. Маркса об идеологах, выражающих интересы мелкой буржуазии. По своему образованию и индивидуальному положению эти идеологи могут быть от нее очень далеки. Но «их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение».¹⁵ Что же касается одежд надклассовости и беспартийности, в которые рядятся представители мещанства всех времен и народов, то и эти лозунги прямо вытекают из социально-экономического положения мелкого буржуа, занимающего промежуточное положение в современном капиталистическом обществе.

Но, добавим мы, идеология мещанства не равна идеологии мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия — класс, имеющий раскуску и предрассудок, в ней причудливо сочетаются и революционность и консервативность. Идеология мещанства — это идеология консервативного, реакционного мелкого буржуа, мелкого буржуа, переходящего на позиции буржуазии. Это обстоятельство следует иметь в виду при классовой оценке тех аристократов духа, о которых идет речь в книге С. Струмилина.

Особенно хорошо раскрывает С. Струмилин классовые позиции аристократов духа, рассматривая их социальные идеалы. Прообразом этих идеалов является аристократическая утопия Платона, основывающаяся на его идеализме и закрепляющая кастовое деление общества. За более близкий образец берется т. н. «свободная теократия», сочиненная известным русским философом-идеалистом Владимиром Соловьевым (1853—1900). Веховские контрреволюционеры Бердяев и Булгаков провозгласили Соловьева самым оригинальным русским философом, «носителем

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 8, стр. 147.

мирового философского духа».¹⁶ Как показывает С. Струмилин, от «свободной теократии» Соловьева «веет духом старого язычника Платона», там лишь иная терминология.¹⁷ Приведя слова Соловьева, что в этом «идеальном» обществе не будет равенства, так как личное неравенство требует неравенства богатства и что лица, обладающие «высшим внутренним достоинством», не должны заниматься физическим трудом наравне с другими, С. Струмилин точно определяет их как «нравственный идеал честного лавочника».¹⁸

Но при этом, сохраняя в «идеальном» обществе все прелести капиталистического строя, а именно: «разделение труда, свободную конкуренцию. раздвоение труда и капитала», Соловьев освещает их принципами «абсолютного требования любви» и «справедливости». С. Струмилин замечает, что по поводу такой справедливости старик Гегель хорошо сказал: «Так вы, стало быть, хотите, чтобы вам дали еще на водку за то, что вы ходили за своей больной матерью и не отравили своего брата».¹⁹

«Это ли не апология существующего и ныне мещанского строя жизни? И притом не наивнейшая ли это из наивных апологий? — спрашивает С. Струмилин. — Капитализм она «сохраняет» во всей его неприкосновенности, но просит верить, что освященный теократическим елеем это будет уже не капитализм, а некая благоуханная роза без шипов».²⁰

Вот эту апологику капиталистического общества воспринимает и развивает Бердяев, заменяющий «свободную теократию» «обществом священников», обществом «благородной породы» и «нового рыцарства», призванных править миром.²¹

Итак, анализ социальных идеалов аристократов духа, проведенный С. Струмилиным, убедительно свидетельствует о реакционно-буржуазной сущности их классовых целей.

Мещанский характер идеологии аристократов духа отчетливо виден в их философских взглядах. Вообще мещанская философия стала знаменем прямых контрреволюционных сил, а также ревизионистов в рядах социал-демократии. Неслучайно В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» назвал Маха идеологом реакционного мещанства.²² Это указание В. И. Ленина подробно развивается в упоминавшейся уже статье Вл. Павлова в журнале «Просвещение». Вл. Павлов подчеркивает обывательский характер философии эмпириомонизма. Философия Богданова, пишет он, верно уловила дух времени, она «является одним из

¹⁶ О философии В. Соловьева см. Л. А. Коган, К критике философии Вл. Соловьева, «Вопросы философии», 1959, № 3.

¹⁷ С. Струмилин, указ. соч., стр. 55.

¹⁸ Там же, стр. 56—57.

¹⁹ Там же, стр. 57.

²⁰ Там же, стр. 59.

²¹ Там же, стр. 60.

²² См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 340.

²³ «Просвещение», 1914, № 2, стр. 24.

выражений определенных тенденций современного мышления».²³ Эти тенденции присущи классу, существование которого вступает в противоречие с действительностью, и который поэтому стремится отвернуться от нее, замкнуться в себе. Вл. Павлов так определяет сущность обывательской философии: «Обывательская философия характеризуется с одной стороны тем, что критерий истины она находит во мнении «всех» и все свое знание и выводы строит на замкнутом в самом себе опыте коллектива, отсюда ее консерватизм, предрассудки, заблуждения и поверхностность. С другой стороны, «обывательская философия» — весь мир, как в целом, так и по частям — рассматривает в отношении — того же «обывателя» или того или иного «коллектива» обывателей».²⁴

Эта обывательская, мещанская философия характеризует и жизненную практику аристократов духа и тех слоев, идеологами которых они являются. В период революции они способны на какие-то околореволюционные действия. Но первое поражение, требующее от революционеров организационной работы, кропотливой и упорной, вносит в их ряды ужас. Мир есть мое ощущение, а ощущения становятся неприятными. И аристократы духа бегут от действительности в закоулки собственного духа. «Ломать я буду с вами, строить — нет!» — эти слова Брюсова, сказанные им в годы первой русской революции, ярко характеризуют мещанскую психологию.

При этом люди, когда-то опрокидывавшие старые авторитеты, ищут опоры в тех же самых авторитетах. «Когда преодолена метафизика, тогда необходимо попятное движение, т. е. к метафизике же» — пророчески предвосхищал это настроение еще Ницше. А в недавние дни повального бегства разных бывших людей в лагерь «идеализма» этот попятный лозунг стал уже злободневным. Бессильные идти до конца по тому пути, на который их толкнула история, и чувствуя, как быстро родная им почва выскользывает у них на этом пути из под ног, они уже теперь «с тоской оглядываются» по выражению Ницше», на время несовершенного строя и полуварварского общества, на. наше время» и вызывают с отчаянием: Назад к Канту, назад к Соловьеву, назад к Мещанину!...»²⁵

Философским кумиром российских аристократов духа стал Ницше. Надо сказать, что философия Ницше в конце XIX и начале XX вв. в России была очень популярной в интеллигентских и мелкобуржуазных кругах. В это время на русском языке появилась обширная литература о нем, его произведения неоднократно переводились. Псевдореволюционный дух разрушательства, выпады против буржуазной морали, официальной религии, в то же время проповедь аморализма, насилия, вечности общественного неравенства — вся эта причудливая смесь, к тому же подававшая

²⁴ «Просвещение», 1914, № 2, стр. 24.

²⁵ С. Струмилин, указ, соч., стр. 16—17.

ся в весьма претенциозном стиле, нашла многочисленных последователей в такой мелкобуржуазной стране, как Россия. Особая опасность философии Ницше состояла в том, что она, привлекая к себе интеллигенцию и широкие мелкобуржуазные массы, по существу выражала интересы империалистической буржуазии. И в этом своем виде она впоследствии сыграла немалую роль в подготовке фашизма в Германии. Ведь не зря Ницше был полуофициальным философом фашизма. Критика С. Струминым философии Ницше и ее русских последователей заполняла пробел в марксистской литературе, и эта критика не потеряла своей актуальности и сегодня, когда ницшеанство снова берется на идеологическое вооружение современной реакционной буржуазией.²⁶

С. Струминин не занимается гносеологической критикой Ницше. Он ставит более узкую задачу показать, к каким социальным выводам приводят основные положения этой субъективно-идеалистической и крайне индивидуалистической философии. Субъективный идеализм и крайний индивидуализм лежит в основе безудержного культа личности. «Все человечество должно, — по Ницше, — неустанно работать над тем, чтобы воспитать несколько великих личностей, это его задача и другой задачи у него нет».²⁷ И оказывается, что условием воспитания таких личностей может быть только абсолютизм, образцом которого является самодержавный строй в России. Вот эта философия и берется как образец аристократами духа. Как при этом не вспомнить верноподданническое поведение ренегатов демократического движения, исповедовавших ницшеанство, ярким примером чего является сборник «Вехи».

Из теории культа личности Ницше и ницшеанцев неизбежно следует проповедь вечности классового деления, деления на рабов и повелителей: общество лишь помост для избранных существ.²⁸ Ну, а чтобы масса покорно склонялась перед сильными мира сего, ей нужно дать религию, нужно заставить ее верить. Поэтому атеизм можно разрешить в виде изысканной забавы для немногих избранных.

С. Струминин глубоко вскрывает причины религиозных «исканий» в России в период революции 1905—07 гг. и после нее. «Как только в воздухе запахнет грозой и атеизм из безобидной игрушки феодалов ума превращается в грозное оружие воинствующей демократии — аристократы духа ужасаются и, забывая о своем былом безбожии, поспешно бегут один за другим с поля битвы в потусторонние, горные страны мистики. За примерами ходить не далеко. Вспомните хоть недавнее бегство целой фаланги типичных аристократов духа из лагеря так называемого «легального

²⁶ См. статью С. Ф. Одуева, Современные пропагандисты ницшеанства, «Вопросы философии», 1959, № 1.

²⁷ А. Лихтенберже, Философия Нитцше. С.-Пб., 1901, стр. 63.

²⁸ Фр. Нитче, По ту сторону добра и зла. С.-Пб., 1905, стр. 307.

марксизма» в бесплодные пустыни мистического идеализма.»²⁹

Но критика мировоззрения аристократов духа, показ действительной сущности их взглядов — лишь одна, пожалуй, даже не главная задача С. Струмилина. Больше место занимает в книге обоснование социалистического идеала «профанов», т. е. истинных борцов за свободу трудящегося народа. Нужно помнить, что социалистические идеи были главным объектом нападок со стороны различных аристократов духа. В период после поражения революции подобные нападки играли особенно вредную роль и могли сбить с толку недостаточно зрелые в идейном отношении массы. Вспомним уже приводившиеся выше слова В. И. Ленина: «Основы марксизма надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь». Книга С. Струмилина внесла определенный вклад в выполнение этой задачи.

Характерно, что для аристократии духа самым главным врагом является социализм. И Ницше, и Соловьев, и Бердяев с компанией мечут громы и молнии против «притязаний социализма», против «социал-демократического духа». И в этом очень явственно выражается ужас буржуазии перед будущим, перед социалистической революцией.

В борьбе против идеалов социализма используются различные приемы и аргументы. Так например, в качестве «тяжелой артиллерии» выдвигаются аргументы от философии. Идеал недостижим, — говорят неокантианцы, к нему можно только бесконечно стремиться, следовательно, социализм никогда не осуществится. Об этом пишут и русские неокантианцы Булгаков, Туган-Барановский, об этом пишет и лидер эсеров «социалист» Чернов, эклектический характер философских взглядов которого показан В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Они перепевают известный тезис ренегата марксизма Бернштейна: движение — всё, конечная цель — ничто. Эти настроения достаточно ясно переданы в приведенных в книге С. Струмилина стихах Валерия Брюсова:

«Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?
Назовем того предателем,
Кто нам скажет — здесь она»³⁰

«Нужно ли говорить, что та кой реализм нам совершенно чужд... Цель, указующая лишь направление, в котором следует молитвенно воздевать руки, и притом воздевать платонически, без всякой надежды обнять ее когда либо, — это не идеал, а идол. Но мы не идолопоклонники. Для нас идеал — это вырастающая из условий времени социальная задача, которая взывает к человечеству подобно древнему сфинксу: «Разреши меня, или я тебя

²⁹ С. Струмилин, указ. соч., стр. 52.

³⁰ Цит. по С. Струмилину, стр. 122.

пожру!»³¹ — отвечает критикам социализма С. Струмилин. Решение этой объективной задачи становится субъективной целью целых общественных классов, эта цель и является их идеалом. «Но интересы разных классов в современном обществе диаметрально противоположны. И то, что является идеалом для одних, сулит верную гибель другим. Мудрым Эдипом окажется поэтому лишь тот класс, для которого объективно неизбежное решение загадки сфинкса совпадает с субъективно желательным. А если это так, если каждый наш шаг к достижению тех целей, что диктуются жизнью, приближает час смерти классов, исторически себя переживших, то вполне понятно, почему идеологи этих классов уже самую постановку таких целей клеймят, как предательство».³²

Разбивает С. Струмилин и другой аргумент противников социализма, аргумент, основывающийся на агностицизме. Для агностика проблема цели, идеала снимается, так как это вещи принципиально «непознаваемые». «Пределов познания, устанавливаемых метафизиками, мы не признаем, — возражает агностикам С. Струмилин, — а над их бескровными «потусторонними» чудесами и тайнами — смеемся. Метафизики противопоставляют обычно «познаваемое» — «непознаваемому». Но для нас существует лишь позн а н н о е и н е п о з н а н н о е. Познанное, правда, составляет пока лишь скромный культурный оазис среди необозримой и неразведанной дикой тайги непознанного. И эта тайга неотразимо влечет нас к себе жуткой прелестью неразгаданной тайны, а нетерпеливая фантазия населяет ее роями изумительно-величественных, дивно-прекрасных призраков, леших и русалок. Но чем дальше проникает в эту чашу с топором мысли и светочем знания гений человека, тем сильнее бледнеют в лучах этого светоча все чудесные призраки, а вместо них восхищенному взору открываются еще более дивные и величественные чудеса — чудеса природы. Да, чудеса, ибо действительность всегда была и останется причудливее самой пылкой и необузданной, наиболее причудливой фантазии».³³

Среди аргументов против социализма немалое место занимает утверждение, что в новом общественном строе исчезнут гении и останутся только посредственности; там, говоря, словами персонажа Достоевского, нет места высшим способностям, поскольку они склонны к деспотизму, «их изгоняют или казнят». «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побиивается камнями. .»³⁴

Но эта злобная карикатура на социализм лишь разоблачает рессивальщиков, думающих, что столь родной для них буржуазный строй является единственно возможным обществом, пока-

³¹ С. Струмилин, указ. соч., стр. 124.

³² Там же, стр. 125.

³³ Там же, стр. 121—128.

³⁴ Ф. М. Достоевский, Собр. соч., т. 7, стр. 437. изд. 1957.

зывает, что даже в мысли они не способны порвать с буржуазно-мещанской средой. Та пропасть, пишет С. Струмилин, которая существует в современном (т. е. буржуазном) обществе между гением и посредственностью, отнюдь не объясняется какими-то прирожденными гениальными способностями великих людей. Эта пропасть социального происхождения, и устранить ее может только социальная революция.³⁵ Капитализм заставляет трудящихся откармливать «целую стаю ненасытных хищников», которые швыряют им пятак на корку хлеба. И для того, чтобы добыть этот пятак сотни миллионов людей затрачивают свои духовные и физические силы, так что больше ни на что не хватает.³⁶ Только социализм сможет обеспечить расцвет многочисленных человеческих талантов. «Нам, демократам, — пишет С. Струмилин, — не страшны деспотические наклонности «высших способностей», ибо мы знаем, что деспоты вырастают лишь среди рабов или баранов. Мы же боремся за такие условия жизни, где ни тех, ни других уже не будет. Не резать языки Цицеронам и выкалывать глаза Коперникам, а создать возможность широким массам становиться Цицеронами и Коперниками, сделав «высокий уровень наук и талантов» общедоступным, — вот истинно демократическая задача. И она вполне осуществима. Гении так велики и редки по сравнению с толпой пигмеев посредственности лишь потому, что эта толпа придавлена тяжелой социальной глыбой и стоит на коленях. Но стоит ей столкнуть со своих плеч эту глыбу, стоит лишь современному Прометею разбить свои социальные цепи и отогнать от себя прочь злого коршуна — заботу о завтрашнем дне — как все человечество выпрямится во весь рост и научится смотреть на своих Коперников не снизу вверх, с преклонением, а прямо в лицо, как равный равному».³⁷

Социалистический строй будет строим расцвета личности, индивидуальности, в противоположность капиталистическому строю индивидуализма. Но если при капитализме каждая личность замыкается в своей узкой сфере, то при социализме «каждая индивидуальность, как отдельная струна многозвучной арфы, лишь тогда и проявит всю свою красоту и силу, когда зазвучит в общем могучем аккорде».³⁸

В книге С. Струмилины рассматриваются и другие вопросы теории научного социализма. К ним относятся такие важные вопросы, как проблема государства, проблема распределения при социализме, проблема отношения между большинством и меньшинством, проблема культуры. Интересно отметить, что в вопросе о культуре при социализме С. Струмилин, выступая против причитаний аристократов духа о гибели культуры в коллективистском обществе, в то же время опровергает весьма распро-

³⁵ С. Струмилин, указ. соч., стр. 74.

³⁶ Там же, стр. 85.

³⁷ Там же, стр. 88.

³⁸ Там же, стр. 90.

страненные в тот период анархистские и богдановские теории о «пролетарской культуре», которая якобы может возникнуть только при полном разрушении буржуазной культуры. Автор приводит прекрасные слова Ф. Меринга: «Партия, в столь выдающейся степени цивилизаторская, как социал-демократия, имеет все основания тщательно беречь те зародыши цивилизации, которые могут развиваться уже на почве буржуазного общества», и добавляет, что народные массы России, идущие под знаменем социал-демократии, научились уже ценить и бороться за блага культуры ничуть не хуже, чем аристократы духа.³⁹

Третья часть книги «Аристократия духа и профаны» носит название «Две этики». В этой части автор противопоставляет друг другу два этических идеала, выступает с обоснованием некоторых основных положений пролетарской морали.

С. Струмилин горячо отстаивает марксистское понимание классовости морали, резко критикует приверженцев «сверхклассовой» этики Струве, Бердяева, которые обвиняли марксизм в пренебрежении к этическим проблемам и требовали внести в пролетарское движение неклассовое «идеальное, нравственное содержание» «Мы живем пока что в классовом строе, в вечном круговороте классовой борьбы и классовой же эксплуатации. И потому волей-неволей нам приходится признать, для себя по крайней мере, полную непригодность всякой сверхклассовой морали».⁴⁰ С другой стороны, подвергается критике т. н. марксистское понимание этики, развиваемое в брошюре «О пролетарской этике», изданной под редакцией Н. А. Рожкова. Автор этой брошюры стоит на чисто махистских позициях и с этих позиций проповедует «новую» пролетарскую этику и религию(?!) — причем он совершенно чужд пониманию классовости морали. Справедливо пишет С. Струмилин, что этот «марксист» совсем не усвоил себе пролетарскую точку зрения.⁴¹

Подробно останавливается автор «Аристократии духа» на различении морали воли и морали долга, подчеркивая классовый характер этих двух видов морали. Мораль воли — это мораль свободы, мораль, базирующаяся на субъективном тождестве личных интересов человека с общественными интересами. Полного выражения такая мораль достигнет в будущем социалистическом обществе, но и сейчас она свойственна борцам-пролетариям. Т. н. мораль долга — это мораль мелкой буржуазии, вытекающая из ее двойственного классового положения. Эта мораль лицемерно прикрывает индивидуалистические грязно-буржуазные делишки мещанина. Вот эту мораль и идеализируют аристократы духа, что еще раз указывает на их классовую сущность. Относительная ценность разных типов морали про-

³⁹ С. Струмилин, указ. соч., стр. 104—105.

⁴⁰ Там же, стр. 142—143.

⁴¹ Там же, стр. 182—185.

веряется жизнью. «Мораль долга следует признать мертвенной и мертвящей, ибо нет лучших признаков жизненности, как активность и сила, чего как раз и недостает расслабленным внутренней борьбой адептам морали долга.»⁴² С. Струмилин показывает, насколько выше подобной морали мораль борцов-пролетариев, мораль борьбы, которая помогает им в великом деле коренного преобразования мира.

В книге С. Струмилина не все бесспорно. Например, вряд ли можно согласиться с попыткой биологизировать некоторые этические категории. Но в целом книга, как мы старались показать, заслуживает высокой оценки, как смелое, открыто антиправительственное,⁴³ боевое, написанное прекрасным стилем произведение. Оно показывает, что такому вождю пролетарского революционного движения, как В. И. Ленин, помогали в борьбе с реакционной идеологией рядовые марксисты, подготавливая русский рабочий класс к социалистической революции.

MÕNINGAID KÜSIMUSI SEOSES VENEMAA MARKSISTIDE VÕITLUSEGA REAKTSIOONI IDEOLOOGIA VASTU PÄRAST 1905.—1907. AASTA REVOLUTSIOONI LÜÜASAAMIST

R. Blum

Resümee

Kõige sügavam reaktsioonilise filosoofia ja filosoofilise revisionismi kriitika 1905.—1907 a. revolutsioonile järgnenud perioodil on antud V.I. Lenini raamatus «Materialism ja empiriokrititsism» ning Lenini artiklites. V I. Lenin ei olnud oma võitluses ükski. Suur tähtsus oli ka G. V. Plehhanovi teostel, mis olid sihitud Bogdanovi, Petzoldi, jumalaotsijate jt. idealistide vastu. Mahhismi vastu astusid välja samuti Plehhanovi õpilased Deborin ja Axelrod-Ortodoks. Kuid Plehhanovi ja eriti tema õpilaste kriitikale vajutasid oma pitseri nende menševistlikud seisukohad.

Kui mainitud tööd on kirjanduses enam-vähem läbi analüüsitud, siis rea bolševike (Vorovski, Miljutin jt.) filosoofilised teosed on vaateväljalt täiesti kõrvale jäänud. Ometi on neil töödel suur tähtsus, sest juba nende olemasolu lükkab ümber menševike alusetud süüdistused, nagu oleksid bolševikud olnud filosoofiaküsimustes «muretud».

⁴² С. Струмилин. указ. соч., стр. 176.

⁴³ На вопрос, как такое антисамодержавное произведение было допущено царской цензурой, академик С. Г. Струмилин в письме к автору данной статьи сообщал, что «по тогдашним законам книги свыше 10-ти печатных листов не подлежали предварительной цензуре. Поэтому она и вышла в свет. Но до читателей дошла, по-видимому, небольшая часть тиража. Остальной очевидно был задержан цензурой и обращен на мельнице в макулатуру».

Vaba menševistlikust fraktsioonilisusest on 1910. a. ilmunud, praegu elava akadeemiku S. G. Strumilini raamat «Vaimuaristokraatia ja võhikud. Kaks ideaali». Autor kirjutab, et vaenlased pidasid paremaks selle raamatu maha vaikida. Ta ei leidnud vastukaja ka sõprade poolt. (S. G. S t r u m i l i n, Läbielatus, M. 1957, lk. 236). See teos on huvipakkuv marksistliku ideaali kaitsele suunatud kirkliku võitlusvaimu poolest, ta paljastab ja piitsutab reaalse elu eest oma hüpertrofeerunud teadvuse urgastesse varju pugevate «vaimuaristokraatide» pessimismi. «Vaimuaristokraatide» (Solovjov, Berdjajev jt.) filosoofilised vaated ja sotsiaalsed ideaalid näitavad selgelt nende maailmavaate kodanlikku olemust. S. G. Strumilin analüüsis marksismi seisukohtadelt Nitzsche filosoofiat, mis oli tol ajal Venemaal (ja on praegugi kapitalistlikes riikides) üsna moes. Ta näitas, et see filosoofia täitis samasugust reaktsioonilist osa eetika ja sotsioloogia küsimustes, nagu seda täidab empiriokrititsism gnoseoloogia ja loodusteaduse filosoofia küsimustes.

SOME QUESTIONS PERTAINING TO THE STRUGGLE OF RUSSIAN MARXISTS AGAINST REACTIONARY IDEOLOGY AFTER THE DEFEAT OF THE REVOLUTION OF 1905—1907.

R. Blum

S u m m a r y

V. I. Lenin's book «Materialism and Empirio-Criticism» and a number of his articles contain the most thorough criticism of reactionary philosophy and philosophical revisionism during the period following the revolution of 1905—1907. Lenin did not stand alone in this struggle. Of great importance were also the works of G. V. Plekhanov directed against Bogdanov, Petzold, the «god-seekers» and other idealists. Plekhanov's followers Deborin and Axelrod-Ortodoks likewise came out against the Machians. Plekhanov's criticism, however, and especially that of his disciples, bears the imprint of his Menshevik views.

If the works referred to have been more or less thoroughly analysed, the philosophical writings of a number of Bolsheviks (Vorovsky, Milyutin, etc.) have been entirely overlooked. These writings are of great importance as their very existence serves to refute the unwarranted accusations of the Mensheviks to the effect that the Bolsheviks were «carefree» as regards philosophical matters.

Academician S. G. Strumilin's book «The Aristocracy of the Mind and the Ignoramuses. Two Ideals», which came out in 1910, is free of Menshevik fractionalism. The author (who is still living) writes that the enemies of Marxism deemed it better to ignore the

book and that it did not find any response among friends either (S. G. Strumilin, «Experiences», Moscow 1957, p. 236). This book is interesting for its passionately militant defence of Marxist ideals. It unmasks and castigates the pessimism of the «aristocrats of the mind» who sought to escape from the reality of life by creeping into the recesses of their hypertrophied consciousness. The philosophical views and social ideals of these «aristocrats of the mind» (Solovyov, Berdyaev, etc.) clearly reveal the bourgeois essence of their world outlook. S. G. Strumilin gave a Marxist analysis of Nietzschean philosophy which was quite fashionable at the time in Russia (as it still is in capitalist countries). He showed that this philosophy played the same reactionary part in ethics and sociology as is played by empirio-criticism in gnosiology and the philosophy of natural science.

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

О. Stein, V. I. Lenini teos «Materialism ja empiriokrititsism» ja selle tähtsus võitluses eesti kodanluse reaktsioonilise filosoofia vastu	3
О. Штейн, Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и ее значение для борьбы против реакционной философии и социологии Эстонской буржуазии. <i>Резюме.</i>	38
O. Stein, V. I. Lenin's book «Materialism and empiriocriticism» and its importance in the fight against the reactionary philosophy and sociology of the Estonian bourgeoisie. <i>Summary.</i>	40
Р. Блум, Философские вопросы ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.	42
R. Blum, Kodanlik-demokraatliku revolutsiooni sotsialistlikuks revolutsiooniks ülekasvamise leninliku teooria filosoofilistest küsimustest. <i>Resümee.</i>	58
R. Blum, Philosophical problems of the leninist theory of the transition from the bourgeois-democratic revolution to the socialist revolution. <i>Summary.</i>	59
М. Макаров, Значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для борьбы против телеологии.	60
M. Makarov, V. I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» tähtsus võitluses kaasaegse teleoloogia vastu. <i>Resümee.</i>	75
M. Makarov, The importance of V. I. Lenin's work «Materialism and empiriocriticism» in fighting against contemporary teleology. <i>Summary.</i>	76
P. Kard, Füüsikaliste suuruste reaalsuse probleemi gnoseoloogilistest alustest	77
П. Кард, О гносеологических основах проблемы реальности физических величин. <i>Резюме.</i>	87
P. Kard, On the gnosiological foundations of the problem of the reality of physical quantities. <i>Summary.</i>	88
Н. Õiglane, Materiea ammendamatuses sügavuti	89
X. Ёйглане, О неисчерпаемости материи вглубь. <i>Резюме.</i>	96
H. Õiglane, Inexhaustibility of the inner depths of matter. <i>Summary.</i>	97
L. Vait, Mõtteliste mudelite tunnetuslikust tähtsusest füüsikas.	99
Л. Вальт, О познавательном значении воображаемых моделей в физике. <i>Резюме.</i>	107
L. Valt, About the cognitive importance of imaginary models in physics. <i>Summary.</i>	107
I. Kull, Mõningaid tunnetusteoreetilisi küsimusi seoses lõplike automaatide teoriaga	109
И. Кулл, Некоторые теоретико-познавательные вопросы в связи с теорией конечных автоматов. <i>Резюме.</i>	113
I. Kull, Some gnosiological problems concerning the theory of finite automata. <i>Summary.</i>	114
T. Loit, V. I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» tähtsus paleontoloogia kriisi põhjuste mõistmiseks.	116
T. Лойт, Значение книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для понимания причин кризиса в палеонтологии. <i>Резюме.</i>	130

T. Loit, The significance of V. I. Lenin's work «Materialism and empiriocriticism» for understanding the causes of the crisis in palaeontology. <i>Summary.</i>	130
O. Михайлов, В. И. Ленин о борьбе Э. Геккеля за идею единства природы.	131
O. Mihhailov, V. I. Lenin E. Haeckeli võitlusest looduse ühtsuse idee eest. <i>Resümee.</i>	142
O. Mikhaïlov, V. I. Lenin about E. Haeckel's struggle for the principle of the unity of nature. <i>Summary.</i>	143
Л. Столович, Ленин об искусстве и политике.	145
L. Stolovitš, Lenin kunstist ja poliitikast. <i>Resümee.</i>	156
L. Stolovich, Lenin on art and politics. <i>Summary.</i>	157
З. Минц, Второе издание книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и борьба за развитие советской эстетики и литературы в первые годы советской власти.	158
Z. Mints, V. I. Lenini raamatu «Materialism ja empiriokrititsism» teine väljaanne ja võitlus nõukogude esteetika ja kirjanduse eest nõukogude võimu esimestel aastatel. <i>Resümee.</i>	191
Z. Mints, The second edition of V. I. Lenin's book «Materialism and empirio-criticism» and the struggle for soviet aesthetics and literature during the first years of soviet power. <i>Summary.</i>	192
K. Oja, Eesti baptismi mõningate filosoofiliste lähtealuste kriitika V. I. Lenini teose «Materialism ja empiriokrititsism» valgusel	193
K. Oja, Критика некоторых философских основ эстонского баптизма в свете работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». <i>Резюме.</i>	200
K. Oja, Certain philosophical principles of Estonian baptism criticized in the light of V. I. Lenin's «Materialism and empiriocriticism». <i>Summary.</i>	201
P. Блюм, Некоторые вопросы истории борьбы марксистов в России против идеологии реакции после поражения революции 1905—1907 гг.	202
R. Blum, Mõningaid küsimusi seoses Venemaa marksistide võitlusega reaktsiooni ideoloogia vastu pärast 1905.—1907. aasta revolutsiooni lüüasaamist. <i>Resümee.</i>	216
R. Blum, Some questions pertaining to the struggle of Russian marxists against reactionary ideology after the defeat of the revolution of 1905—1907. <i>Summary.</i>	217

Тартуский государственный университет
г. Тарту, ул. Юликооли, 18

ТУРДЫ ПО ФИЛОСОФИИ III

На эстонском, русском и английском языках

Toimetaja O. Stein

Korrektorid E. Uuspõld, A. Pravdin ja E. Võhandu

Tehniline toimetaja E. Võhandu

Ladumisele antud 11. IV 1960. Trükkimisele antud 11. VII 1960. Paber 60×92, 1/16.
Trükipoognaid 13,75. Trükiaarv 700. MB-04816. Tellimise nr. 3858.
Hans Heidemanni nim. trükikoda, Tartu, Ülikooli t. 17/19. II